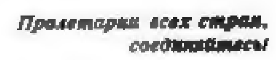
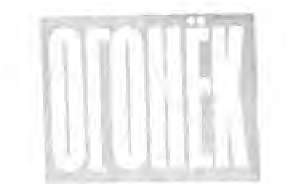

В ЭТОМ НОМЕРЕ:
Начинаем печатать юмористическую повесть Виктора Безорудько
ТРИ МУШКЕТЕРА ИЗ СУХИХ МЛИНЦЕВ».
ПОЧЕМУ ИДЕТ ДОЖДЬ?
Максим Рыльский.
УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ.
СЕЙФ С БРИЛЛИАНТАМИ.
ОГОНЁК
№ 24 ИЮНЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 24 (1929)

7 ИЮНЯ 1964

«МАТРОССКИЙ ВАЛЬС».

Фото читателя «Огонька» Б. Соколова.

ВМЕСТЕ В БУДУЩЕЕ

Первый секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета Германской Демократической Республики Вальтер Ульбрихт нанес 29 мая в Кремле визит Первому секретарю ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву.

Фото А. Пахомова.

Наша страна широко открыта для друзей,— сказал Никита Сергеевич Хрущев, приглашая Вальтера Ульбрихта и других немецких товарищей поближе познакомиться с самым новым и интересным, что есть у нас в Москве, на Урале, в Сибири.

Советские люди рады этой встрече с товарищем Ульбрихтом, в лице которого мы приветствуем новую Германию, быстро развивающееся сильное государство. Друг Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика повсюду окружен в нашей стране радушием и глубоким уважением. «Мы рады встрече с товарищем Ульбрихтом, рады этой встрече потому, что вместе воевали против фашизма, а теперь вместе строим». Эти слова уральского рабочего передают атмосферу визита. Они должны напомнить западногерманским реваншистам, мечтавшим в свое время об Урале, что западная граница социализма проходит через самый центр Европы.

Товарищ Ульбрихт не в первый раз на Урале. Зимой 1942 года он приезжал сюда, чтобы встретиться с военнопленными немецкими солдатами и офицерами и привлечь их к борьбе против фашизма.

Мы знаем, что Германская Демократическая Республика многим обязана энергии, таланту, опыту Вальтера Ульбрихта, той революционной страстности, которая так характерна для нашего высокого гостя. Читая речи Вальтера Ульбрихта, с которыми он обращается к нам, советским людям в Москве и Сибири, мы с гордостью думаем о том, что отношения между нашими государствами основываются на полнейшем доверии и на ясном сознании братского единства.

Международные обозреватели так называемой большой прессы Запада тоже читают эти речи, пристально следят за визитом, строят догадки, уснащая свои статьи досужими вымыслами. Никто из них, заметьте,— ни один более или менее серьезный обозреватель — не вспоминает тех прогнозов, которые они сами делали во время предыдущих визитов товарища Ульбрихта в нашу страну, когда они утверждали, что Германская Демократическая Республика как государство существует лишь в воображении коммунистов, что это не более чем миф. Никто не вспоминает об этом. Неловко, нелепо вспоминать об этом, когда Германская Демократическая Республика, занимающая менее одной четвертой части бывшего германского рейха, заняла место в первом десятке ведущих промышленных государств мира.

В новой Германии прочно утвердился социализм, и люди, приезжающие сюда из «свободного мира», делают для себя немаловажные открытия. Руководитель парламентской делегации Колумбии д-р Лопес после пребывания в ГДР пришел к выводу, что «немецкое экономическое чудо, о котором так много говорят в Латинской Америке, произошло именно здесь, в Германской Демократической Республике». Другой известный латиноамериканский деятель, профессор Аленкастро, привыкший оценивать свои впечатления с позиции строгой статистики, пишет, что пребывание в ГДР было для него полно неожиданностей: он увидел динамичную экономику в полном расцвете.

Редакционный совет французской буржуазной газеты «Комба»

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ГРУППЫ СССР в Советский Союз прибыла делегация лейбористской партии Великобритании во главе с ее лидером Гарольдом Вильсоном.

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев принял 2 июня в Кремле Г. Вильсона. Между Н. С. Хрущевым и Г. Вильсоном состоялась дружественная, откровенная беседа по вопросам современного международного положения, а также по другим проблемам, интересующим обе стороны.

командирует в первое немецкое рабоче-крестьянское государство своего специального корреспондента Жана Венуа с заданием не повторять басни, а собрать факты из жизни, описать то, что он увидит. Его репортажи — свидетельство перемены западных настроений в сторону реализма. Начнем с того, что «Комба» уже называет нашего союзника не «Восточная Германия», как это бывало с ней раньше, а научилась выговаривать слова «Германская Демократическая Республика», как полагается.

Жан Венуа пишет: «Германская Демократическая Республика — страна, покрытая лесом новостроек». Его статьи в «Комба» изобилуют цифрами. В 1963 году республика произвела около 50 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. От Жана Венуа требовали факты — он объясняет, что значат эти 50 миллиардов. Это столько же электроэнергии, сколько получала вся довоенная Германия, имевшая 65 миллионов жителей. Республика создала громадные промышленные комбинаты и новые города. Жан Венуа сообщает эти новости читателям «Комба». И для того, чтобы не оставалось сомнений в том, что он объективен, подчеркивает, что в то же время большое внимание уделено, особенно в последние годы, производству товаров широкого потребления. В 1950 году было выпущено, например, стиральных машин 800 («всего восемьсот!» — отмечает он), но в 1963 году — 200 тысяч!

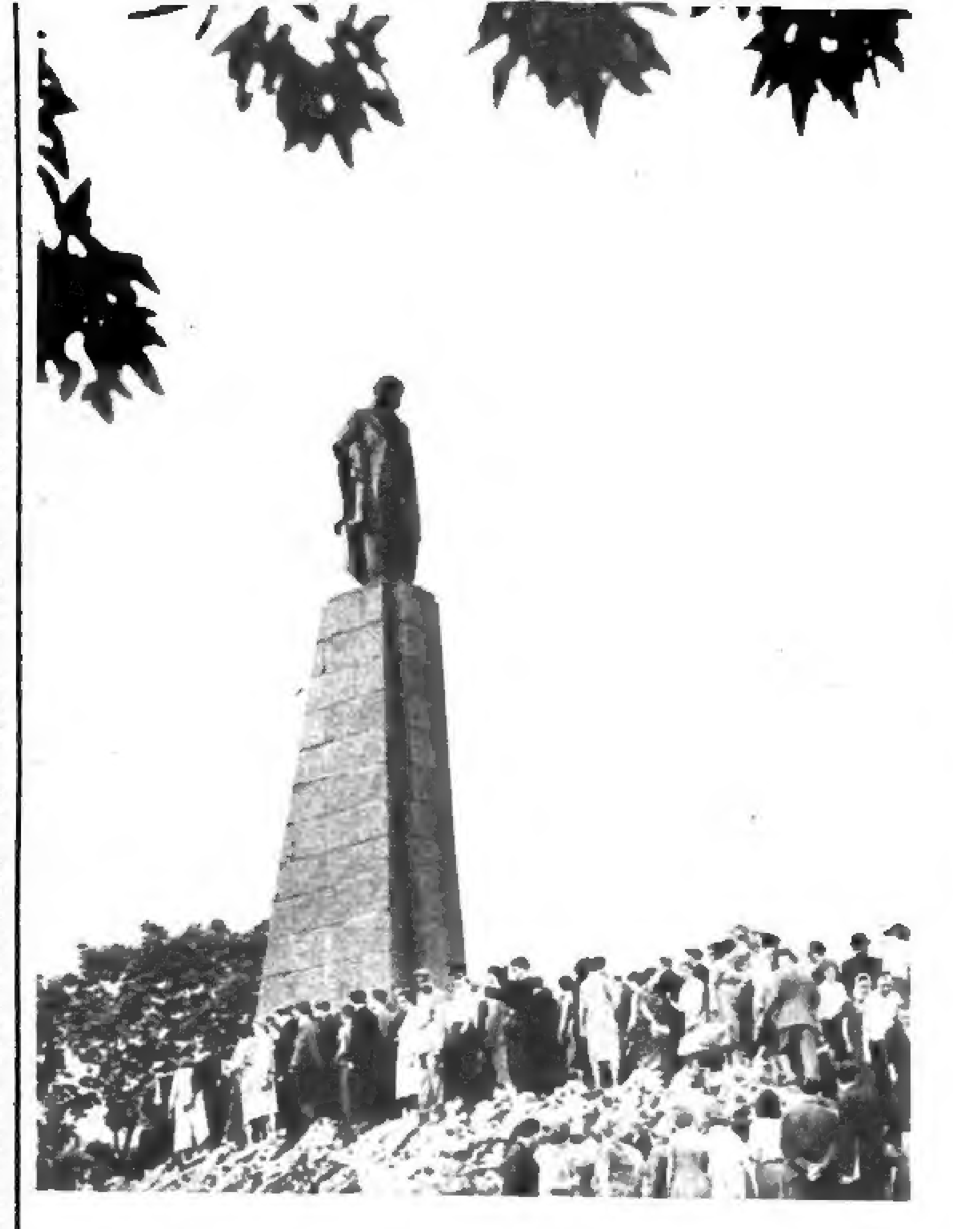
Торговый центр ГДР — Лейпциг, по его свидетельству, стал местом паломничества для людей с Запада и Востока. Теперь понятно, почему западные международные обозреватели вынуждены были отказаться от своего конька и перестали говорить о ГДР как о мифе. В истории до сих пор не отмечено, чтобы миф обладал такой могучей реальной силой. Факты жизни заставляют западных обозревателей быть реалистами в большей мере, чем они, может быть, хотели бы. И они пристально следят за визитом, за всем, что с ним связано. При этом от их внимания не ускользнуло, что товарищ Вальтер Ульбрихт и его спутники обсуждают в Москве и Сибири перспективы развития экономики и духовной жизни с точки зрения 1970 и 1980 годов. Новая Германия так же, как и Советский Союз, смотрит в будущее, и оба наши государства совместно рассчитывают, какими должны быть следующие шаги, чтобы ускорить темпы нашего продвижения вперед, приблизить нашу победу в экономическом соревновании с капитализмом.

Немецкие товарищи знают, что для этой победы придется еще приложить немало усилий и труда. Задача, как ее формулирует Вальтер Ульбрихт, состоит в том, чтобы в самых различных областях науки и техники достичь мирового первенства и утвердиться в этом положении.

Тех, кто сомневается в реальности этой задачи, на Западе становится все меньше, в западногерманском государстве в том числе. Пусть там еще не говорят вслух, пусть не признают, что «доктрина Хальштейна», цель которой помешать укреплению позиции ГДР на международной арене, потерпела поражение. Не сегодня, так завтра в Бонне отдадут себе отчет в том, что успехи ГДР, потрясающие воображение паломников с Запада, становятся известными во всем мире, что можно замолчать их какой-нибудь мюнхенской или гамбургской газете, но нельзя заткнуть рот колумбийскому парламентарию и нельзя приказать «Комба» встать на точку зрения Бонна! Нельзя не учитывать, наконец, воздействия успехов социалистического развития ГДР, ее экономических достижений на Западную Германию.

На стыке двух общественных систем в Европе новая Германия демонстрирует превосходство социализма. Она стоит лицом к лицу с западногерманским монополистическим капиталом. Она живет и борется в трудных условиях. Тем значительнее, тем дороже все то, что сделано за последние 15 лет для немецкого народа, для воплощения в жизнь тех идеалов, о которых мечтали и за которые погибли Карл Либкнехт, Эрнст Тельман, многие тысячи немецких коммунистов. Тем значительнее и дороже то, что сделано и что уже сегодня представляет собой прекрасный пример для всей Германии.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

ВЕЛИКОМУ КОБЗАРЮ

В прошлое воскресенье Тарасова гора над Днепром будто стала еще выше. К могиле великого кобзаря возложили венки и цветы благодарные потомки: соотечественники и зарубежные деятели культуры — участники Международного форума, посвященного 150-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. Форум проходил в Киеве, а затем делегации приехали в Канев, чтобы почтить память поэта.

На многолюдном митинге у памятника Т. Г. Шевченко выступили Председатель Совета Министров УССР И. П. Казанец, Н. С. Тихонов, А. Е. Корнейчук, испанский поэт Рафаэль Альберти. Под синим украинским небом торжественно прозвучал Тарасов «Заповіт», исполненный сводным хором из Канева.

А неподалеку от Тарасовой горы, словно памятник поэту, возводится Каневская гидроэлектростанция. 31 мая состоялся торжественный митинг по случаю закладки первого бетона в основание шлюза ГЭС. На митинге выступил первый секретарь ЦК Компартии Украины П. Е. Шелест. Руководители партии и правительства республики уложили в основание котлована металлическую плиту. Надпись на ней гласит: «Ордена Ленина «Метрострой», 31 мая 1964 года. В честь 150-летия со дня рождения Т. Г. Шевченко».

На снимке: митинг у памятника кобзарю. Фото Н. Козловского.

Люблю я брата русского

Али АМИРОВ, инженер-нефтяник

Люблю все русское:
Просторы русские,
Селенья и озера русские,
И города, и реки русские.
Я полюбил навеки русское.
Люблю я человека русского
За широту его души,
За песни радостные,
грустные,
За подвиг в вековой глуши,
На древнем озере Чудском,
В сраженьях многократных,
В живом борении людском,
В лихих походах ратных
И под Полтавой
и в Крыму,
В густом пороховом дыму,
В Бородине — и на заре,
И в полночи свинцовой,
В величественном Октябре
На площади Дворцовой.
В ночи блокадной, дымной,
Над волжскою твердыней,
В Одессе,
в Киеве,
под Курском
Азербайджан спасен был
русским!

* * *

Азербайджан, мой отчий край,
Люблю тебя,
страну родную.
На сазе солнечном играй,
Вставай, ликуя, торжествуя.
Прекрасен праздник обновленья,
И творчества,
и вдохновенья!
В труде идут за годом годы,
И в белом золоте поля.
Нас мощью радуют заводы
И черным золотом — земля.
Цвети, Ширван,
цвети, Мугань,
Растите, Нефтяные Камни!
Отрады Карабаха рань,
Зеленый полдень Ленкорани.
Программа партии моей,
Ты нынче стала светлой былью,
Ты
хартия счастливых дней,
Оплот весны и изобилья!

Добрый друг вожатого

Журнал «Вожатый» вышел в свет в июне 1924 года. Редакционная статья говорила о невиданном революционном порыве пролетарских детских масс. «Это движение надо оформить, надо охватить. Надо дать ясную и четкую линию работы, дать правильное руководство всему активному кадру, руководящему детскими группами. Эту четкую линию работы должен прежде всего дать наш журнал «Вожатый». Большой задаче — помогать вожатым, учителям, общественности в работе пионерских организаций — служит журнал и поныне.

Огромную поддержку встретил «Вожатый» со стороны виднейших деятелей Коммунистической партии. На его страницах можно найти статьи С. М. Кирова, М. И. Калинина, Ем. Ярославского, М. И. Ульяновой, Вл. Бонч-Бруевича.

Постоянное участие в журнале принимала Н. К. Крупская. Много души вкладывала она в статьи о работе с «красношейками» — так Надежда Константиновна ласково называла пионеров. Некоторое время Н. К. Крупская была членом редколлегии «Вожатого».

Листая страницы журнала, знакомишься с историей пионерской организации, ее деятельностью. Рубрика журнала «Дети в пятилетке» и соревнование отрядов и дружин за право называться «спутником семилетки» говорят об основных этапах в жизни страны, а вместе с тем и об основных этапах в жизни пионерии.

В журнале выступают писатели и поэты Л. Кассиль, А. Мусатов, Л. Пантелеев, Ю. Яковлев, композиторы Арк. Островский, А. Пахмутова, П. Аедоницкий.

Что в планах журнала на этот год?

«Вожатый» и впредь будет помогать советами и рекомендациями, говорить об опыте работы с пионерами, продолжит ранее начатый разговор «Нам жить при коммунизме», расскажет о коллективном вожатом — бригадах коммунистического труда, познакомит со многими интересными людьми — уче-

ЛИЦО СЕГОДНЯШНЕЙ АФРИКИ

Эта книга, читатель, позволит тебе заглянуть в лицо сегодняшней Африки.

Вглядись в него. На нем оставили следы долгое колониальное лихолетье, годы мучений под иноземным игом. Но сегодня оно полно оптимизма. Африка борется за свое полное освобождение от колонизаторов, и она уверена в победе.

...Осенью прошлого года советский теплоход «Литва» отправился к берегам Африки. На борту его находились журналисты всех пяти континентов, собравшиеся на свою третью всемирную встречу. Семнадцать советских журналистов, принимавших участие в этой встрече, написали книгу об этом рейсе и об Африке.

Книга «Встреча с Африкой» не путевые очерки и не историческое исследование. Это страстный публицистический рассказ о борющемся континенте. Но читатель узнает из этой книги и об истории Африки, и о недавних бурных событиях, происходивших на ее земле, и о сегодняшних сражениях против колониализма, и о проблемах, которые встают перед африканскими народами в эпоху, когда Африка определяет свои пути в будущее.

Авторы книги с большой симпатией пишут о борьбе африканских народов за свое освобождение. Ныне на карте Африки, еще недавно раскрашенной в цвета «метрополий», обозначены 34 независимых государства. В этом году их число снова увеличится. Не прекращается движение за свободу в странах, еще скованных колониалистскими цепями.

В этой борьбе Африке нужны единство и поддержка прогрессивных сил мира, ибо против ее народов выступают объединенные силы колонизаторов, мечтающие заменить старые цепи новыми. Книга рассказывает о происках международных монополий на африканском континенте. Они хотят остановить развитие Африки или повернуть его на путь, выгодный для империалистов Запада. Авторы ярко показывают, какую опасность представляют для африканских народов бастионы неоколониализма — английские, американские, французские и другие компании, сосущие живительные соки Африки. Но, говорится в книге, «свободолюбивая Африка все зорче начинает следить за происками колонизаторов».

Достигнуты первые большие успехи на пути к единству Африки. Прошлогодняя конференция руководителей независимых африканских стран в Аддис-Абебе положила начало организации африканского единства.

Китайские раскольники пытаются оторвать национально-освободительное движение от социалистических стран, которые стоят на стороне борющихся народов. Но Африка умеет видеть своих друзей. Книга рассказывает о той помощи, которую оказывает Советский Союз странам африканского континента. И кажется символичным выход этой доброй и умной книги об Африке в те дни, когда на земле ОАР находился Никита Сергеевич Хрущев. Поездка советского руководителя в Африку, пуск в ход первой очереди Асуанской плотины стали ярким праздником дружбы между Советским Союзом и Африкой. «Рука Москвы» — это щедрая и бескорыстная рука дружбы, протянутая всем народам, которые борются за свободу и демократию»,— так сказал о Советской стране малиец Гаусу Диавара, чьи слова приведены на страницах книги.

Намечая пути к избавлению от тяжелого наследия колониализма, африканцы все чаще и чаще повторяют слово «социализм». Собственный опыт, пример социалистических стран учат Африку, что социалистический путь развития должен стать магистралью в будущее. Авторы книги пишут, что в Африке среди руководителей есть люди, которые проповедуют особый, «африканский» социализм. Но передовые лидеры Африки понимают, что «учение» о каком-то «особом» социализме бесплодно. Характерно заявление президента ОАР Насера, которое цитируют авторы: «Арабский социализм» придуман египетскими газетами. Я же в своих речах и в хартии ни разу не употребил этого термина. Нет социализмов, есть универсальный научный социализм...»

Не просто и не легко завоевывает Африка счастье и процветание. Немало трудностей переживает она сейчас, и еще немало их впереди. Но Африка отправляется в большой путь. Она видит перед собой великую цель.

Возьми эту книгу в руки, читатель. Ты совершишь с ней путешествие, которое откроет тебе Африку, континент, где живут твои друзья.

Александр СЕРБИН

«Встреча с Африкой». Рассказ ведут: А. Аджубей, И. Беляев, Б. Бурков, Д. Горюнов, П. Ерофеев, В. Кудрявцев, В. Маевский, В. Матвеев, П. Наумов, К. Непомнящий, П. Сатюков, В. Снастин, Ю. Трушин, М. Харламов, Н. Хохлов, И. Чхиквишвили, Е. Шевелева. Издательство политической литературы. Москва. 1964.

Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и посол СССР в Индии И. А. Бенедиктов возлагают траурный венок.

ПРОЩАНИЕ С НЕРУ

Индия проводила в последний путь своего великого сына — Джавахарлала Неру.

Кончина выдающегося государственного деятеля, посвятившего себя делу свободы и процветания своей страны, вызвала глубокую скорбь в сердце Индии. Перед памятью Неру, «человека большого ума и большого сердца», как сказал о нем Н. С. Хрущев, склоняют головы советские люди. Джавахарлал Неру внес огромный вклад в укрепление дружественных отношений между нашими странами, в укрепление мира.

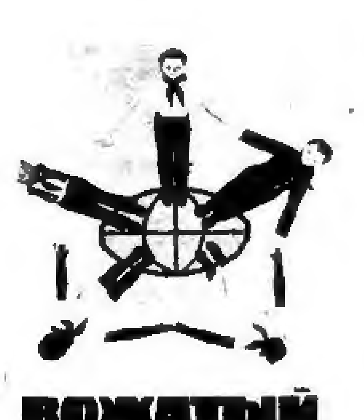
28 мая десятки тысяч жителей столицы Индии отдали последний долг руководителю страны. В похоронной церемонии принял участие первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Были возложены венки от Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, от Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, правительства и народов СССР.

На берегу реки Джамны, недалеко от того места, где был кремирован Махатма Ганди, тело Неру было перенесено с орудийного лафета на цементный постамент. К нему с факелом в руке подошел внук покойного премьер-министра. Вспыхнуло сандаловое дерево...

Траурная процессия проходит мимо здания парламента.

Фотохроника ТАСС.

ными, рабочими, колхозниками, инженерами, артистами.

Выступая на торжественном открытии Московского Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах в июне 1962 года, Никита Сергеевич Хрущев сказал: «Пионеры, комсомольцы должны с юных лет закалять свою волю, учиться понимать стоящие перед нашим народом задачи, настойчиво бороться с трудностями и недостатками, поддерживать слабых, вернее, удерживать их от неразумных поступков с тем, чтобы всегда гордо носить звание пионера, комсомольца, а затем члена партии, быть достойными строителями коммунизма». Эти слова определяют основную линию, которой придерживается журнал «Вожатый» в течение сорока лет существования.

Л. КУРБАТОВА

Новый премьер-министр Индии

2 июня в парламентской фракции Национального конгресса в Дели избран преемник Джавахарлала Неру — Лал Бахадур Шастри. Ему поручено сформировать новое индийское правительство. Шастри известен в Индии как видный государственный деятель и сторонник проводившейся Дж. Неру политики мира и неприсоединения.

Фотохроника ТАСС.

ФОТООБОЗРЕНИЕ «ОГОНЬКА»

В МОСКВЕ ПОДПИСАНА консульская конвенция между СССР и США. Под ней поставили подписи министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и посол Соединенных Штатов в Советском Союзе Фой Д. Колер. Конвенция будет регулировать советско-американские консульские отношения. Она вступит в силу после обмена ратификационными грамотами, который состоится в Вашингтоне. Выступая с краткой речью после подписания конвенции, А. А. Громыко оценил ее как положительный шаг в деле нормализации и улучшения отношений между СССР и США.

●

ДОЛОЙ БОМБУ!

Велосипед — типично голландский вид транспорта. На велосипедах у нас ездит все население — от трех и до восьмидесяти лет.

Но среди этой огромной массы велосипедистов в течение трех недавних дней четко выделялась колонна из нескольких сот юношей и девушек. К их велосипедам были прикреплены плакаты и воздушные шары со словами: «Долой бомбу! Долой атомные боеголовки, размещенные на нидерландской земле, на военных базах Фолькель и Сестерберг!»

Тысячи людей слышали, как молодежь из колонны, собравшись вместе, скандировала: «В Сестерберге... лежит... бомба! В Фолькеле... лежит... бомба!.. Хотим... мы... их?.. Нет! Нет! Нет!»

Ставший уже традицией поход нидерландской молодежи против ядерного оружия был в этом году внушительнее, чем когда-либо прежде. Он проходил в условиях, когда Московское соглашение о прекращении ядерных испытаний в трех сферах серьезно оздоровило международную обстановку, пробудило надежду на прочный мир у миллионов людей. Молодежь Нидерландов готова внести свой вклад в борьбу за превращение этой надежды в радостную реальность.

Герард ПОТХОВЕН,
нидерландский журналист

Фото ТАСС, АПН, ЮПИ, Н. Ананьева, чехословацкого журналиста Олдржиха Шкаха.

«АНГЛИЧАНЕ — ДОМОЙ» — таков лозунг студентов Никозии, всех патриотов Кипра. Киприоты давно разгадали коварные планы английских империалистов, провоцирующих столкновения на Кипре. Недавно сержант английских вооруженных сил был пойман с поличным: он переправлял оружие экстремистам. По Никозии прокатилась волна демонстраций протеста.

●

ДАТСКИЙ ФЛАГ НАД НЕВОЙ. Красавица Нева всегда радушно предоставляла свои воды для друзей. Корабли многих стран стояли здесь на рейдах дружбы. Так случилось и в этот раз. Напротив памятника Петру I стал флагманский отряд датских военных кораблей — минный заградитель «Фальстер», а впереди и сзади него — корветы «Тритон» и «Флора». Мы поднялись на палубу «Фальстера», где находился командир отряда, командующий оперативными силами военно-морского флота Дании контр-адмирал О. Линде. Он сказал нам:

— Наш дружеский визит — ответ на недавнее посещение Копенгагена советскими военными кораблями. Я знаю, что нас ждет здесь пленительная красота вашего города и знаменитое русское гостеприимство.

— Что вы думаете о предстоящем визите в Данию Н. С. Хрущева? — спрашиваем мы.

— Я не политик,— отвечает контр-адмирал.— Но в связи с таким событием, как приезд Председателя Совета Министров СССР, я хочу высказать свое личное мнение: господин Хрущев будет принят у нас в Дании очень тепло, так же, как вы встречали нашего премьер-министра.

В эти дни ленинградцы видели датских моряков на улицах города и в залах знаменитых музеев, в тенистых аллеях Петродворца и у памятника Ленину перед Смольным, в метро и в клубе моряков. Были десятки встреч, и все они проходили в дружеской атмосфере.

Н а с н и м к е: подарок в память посещения «Авроры».

К. ЧЕРЕВКОВ,
корр. «Огонька»

Ленинград.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ — один из самых счастливых людей весны 1964 года. Его зовут Ян Смолик. В напряженной многодневной схватке с сильнейшими велогонщиками чехословацкий спортсмен стал победителем XVII велогонки Мира, проходившей по дорогам Польши, Чехословакии и ГДР.

МАЛЕНЬКАЯ РУСАЛКА — символ города Копенгагена,— у которой недавно неизвестные хулиганы отпилили голову, скоро вновь будет украшать порт города. Новая голова русалки — точная копия прежней, так как копенгагенцам удалось найти старую форму, с которой делалась отливка статуи.

Яблоко от яблони...

Фельетон

Жил на свете разбойник. Были у него сыновья. Когда они подросли, он позвал их к себе и спросил:

— Какое вы ремесло хотите себе избрать?

Посоветовались сыновья между собой и ответили ему:

— Яблоко недалеко от яблони падает; мы хотим заняться тем, чем и вы занимались: мы желаем быть разбойниками.

Так начинается сказка братьев Гримм «Разбойник и его сыновья». Нам она вспомнилась потому, что многие высокопоставленные деятели Бонна уподобились незадачливым сыновьям старого разбойника и непременно хотят пойти по их стопам. И не только не скрывают своего желания, но всячески афишируют его.

В Бонне открыто бахвалятся военной силой, рвутся к ядерному оружию, грозятся посягнуть на суверенитет Германской Демократической Республики, на неприкосновенность границ, справедливо установленных после победы над фашистской Германией.

К сожалению, к разбою призывают не только вконец обалдевшие

ФОТОАППАРАТ ЗАПЕЧАТЛЕЛ трогательную встречу авиационного короля Франции Марселя Дассо со своей супругой, которую похитили оасовцы. 14 тысяч полицейских и жандармов сумели быстро разыскать пропажу. Говорят, что сама мадам Дассо весьма активно боролась с бандитами, пустив в ход зонтик. Послужит ли это примером для французского правительства, которое куда менее энергично действует против фашистской угрозы?

В ИНДИАНАПОЛИСЕ (США) с 1909 года регулярно проводятся 500-мильные автомобильные гонки. В этом году Индианаполис стал свидетелем трагедии: во время гонок столкнулось несколько машин. В месиве огня и железа погибле двое гонщиков, пятеро получили ранения. Но устроители гонок решили не нарушать традицию. На гонках был дан новый старт, и игра со смертью возобновилась.

ТРАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ на Национальном стадионе в Лиме всколыхнули всех в Перу. Во время футбольного матча полиция применила против болельщиков бомбы со слезоточивым газом и натравила на них собак. В результате паники, которая возникла на стадионе, погибли сотни людей, среди которых были и дети. Около тысячи человек было ранено. Перу уверено, что ответственность за эту трагедию несут власти. Однако руководители Перу воспользовались этими событиями, чтобы обрушить репрессии против профсоюзного движения и трудящихся. Спасаясь от гнева народа, они отменили конституционные гарантии. Прямой виновник трагедии — полиция — участвует в репрессиях против демократических сил страны.

генералы-пенсионеры, но и лица официальные, облеченные в ФРГ государственной властью. Недавно боннский министр Зеебом выступил с таким призывом, который даже по западногерманским меркам побивает все рекорды реваншистской наглости. Он объявил Судетскую область Чехословакии «украденной землей» и потребовал ее «возвращения». Выходит, что боннский министр руководствуется в своей политической деятельности... мюнхенским соглашением 1938 года, то есть идет по стопам Гитлера.

Кстати, любопытное совпадение. Зеебом выступал не где-нибудь, а в городе Нюрнберге, где закончился преступный путь фашистских главарей. Невольно еще раз вспоминается уже цитировавшаяся нами сказка «Разбойник и его сыновья». В сказке есть такое предостережение разбойникам: «Вас в конце концов поймают и повесят на виселице».

Помните? Ведь на самом деле ловили и вешали.

В. НИКОЛАЕВ

ПАЙЛ и ШЕНК, тихие американцы

Генрих БОРОВИК, обозреватель «Огонька»

Вы помните «тихого американца» по имени Олден Пайл? Это был долговязый, коротко подстриженный симпатичный молодой человек, приехавший из Соединенных Штатов во Вьетнам. Он только что расстался с охапкой книг по проблемам Юго-Восточной Азии, которые изучал перед поездкой. Весь он был поглощен насущными проблемами демократии и мыслями об ответственности Запада за устройство мира. Его принцип был — делать добро, и не какому-нибудь отдельному лицу, а целой стране, части света — да что там! — целому миру. У его ног лежала вселенная, в которой надо было навести порядок.

Так, во всяком случае, думал сам Олден Пайл. На самом же деле все обстояло проще: молодого, невежественного, не очень умного человека впутали в чужое для него дело. Хозяева, которым он, надо сказать, беззаветно верил, снабжали Пайла деньгами, пичкали идеями о высокой миссии Америки и приговаривали: «Вперед! Вперед! Завоюй Восток для демократии». Даже видя мертвеца, он не замечал его ран и заученно бубнил: «Жертва красной опасности! Воин демократии!»

Официально Олден Пайл занимал тихое место сотрудника американской экономической миссии в Сайгоне. Неофициальной же и главной его задачей было организовывать взрывы гранат и пластиковых бомб в самых людных местах Сайгона: в кинотеатрах, кафе, ресторанах, на бульварах. Все это с одной-единственной целью: убедить простаков во всем мире, что взрывы — дело рук коммунистов. Тихий, верящий в демократические принципы Пайл работал ловко. Газеты шумели: «От рук красных варваров погибло пять детей на бульваре в Сайгоне!»

Но в конце концов правосудие все-таки свершилось: «тихий американец» был казнен вьетнамскими патриотами.

Я говорю о герое романа Грэма Грина как о лице совершенно реальном. Потому что в те времена я видел многих таких «тихих американцев» во Вьетнаме, позже — в Индонезии, а еще позже — на Кубе и в Венесуэле.

Пайл существовал лет двенадцать назад, когда Ханой и Хайфон еще были в руках французских колонизаторов, когда один за другим сменялись неудачливые французские командующие во Вьетнаме и каждого нового везли по главной улице Сайгона, где лицом к тротуару на расстоянии трех шагов друг от друга стояли полицейские.

Многое изменилось с тех пор. Ханой и Хайфон давно уже в руках Демократической Республики Вьетнам, вьетнамские патриоты сражаются на подступах к Сайгону, а полиция выстраивается там лицом к тротуару, охраняя теперь уже не французских, а американских военных. Такие средства охраны ныне, однако, считаются ненадежными, и Макнамару, министра обороны США, неожиданно для всех везут в резиденцию по узким сайгонским улочкам, вдали от официально объявленного маршрута и от опасных приветствий сайгонских жителей.

В Южном Вьетнаме сейчас куда больше «тихих американцев», чем десяток лет назад. На смену Пайлу прибыли 15 тысяч солдат и офицеров. Скромная диверсионная деятельность Олдена Пайла кажется им сейчас комическим кустарничеством. Это совсем иные люди. Некоторые из них любят писать письма женам и родным в Штаты. Видимо, там, во Вьетнаме, им очень одиноко. Иногда они пишут даже по два раза в день. Если сложить письма вместе, полу-

чится много дневников. Очень интересных дневников. Я приведу отрывки из нескольких писем капитана Эдвина Джеральда Шэнка. Выдержки из писем опубликовала вдова Эдвина.

27 ноября 1963 года.

...В воскресенье весь ад обрушился на Вьетконг (так называют американские колонизаторы партизанские части вьетнамских патриотов.— Г. Б.). Была большая авиационная операция против них. Я проснулся в 4.30, чтобы лететь в мою первую ночную атаку. Было темнее, чем в аду. К 9 часам утра мы сделали уже 12 самолето-вылетов — это много для нашей небольшой операции. Вьетконгцы сбили один геликоптер и один «Б-26», но и мы[1] их побили как следует. Мог бы добавить очень много деталей, но не хочу вставлять их в письмо...

Несмотря на то, что все зовут это «грязной маленькой войной» и она далеко от берегов Соединенных Штатов, все-таки это настоящая война. И мы терпим поражение. У нас не хватает людей и не хватает вооружения.

4 декабря 1963 года.

...Полторы недели я все спорил сам с собой, рассказывать ли тебе о Черном Воскресенье — 24 ноября 1963 года. И все-таки решил рассказать. Но если ты не хочешь слушать об этих вещах, тогда скажи. Ты имеешь право знать об этом...

Это не был обычный день. Мы вылетали 20 раз. Но они здорово нам дали. Были повреждены 23 самолета, разбиты три геликоптера. Вьетконг победил.

Они придумали все очень просто: вошли в маленький городок, потом ушли. У них были только винтовки... Поэтому штаб решил проучить этот крошечный отряд вьетконгцев и назначил ту самую операцию, о которой я говорил. Но хитрые маленькие... (нецензурное ругательство) ушли из городка в пещеры, бункера и другие скрытые места, которые они секретно построили за неделю. У них оказалось там множество друзей и, кроме того, зенитные пушки и пулеметы... Дьявольский план! Они победили.

Не очень приятно рассказывать об этом жене, но она должна знать: ведь никто другой не расскажет, никто другой, я думаю, не сможет и не пожелает... Мы должны бросить сюда все силы или должны уйти. Если мы уйдем, Вьетконг будет в Сайгоне на следующий день.

21 декабря 1963 года.

...Вчера нас собрали и рассказали о результатах той операции, 24 ноября. С самолетов мы уничтожили от 150 до 200 вьетнамцев. Никто не может быть уверен в этих числах, потому что вьетконгцы забирают с собой всех своих убитых и раненых. Они никогда не позволяют вам точно знать, как сильно вы их побили... Мы им здорово напакостили, хоть и потерпели поражение...

Здесь сейчас такая неразбериха!.. Армия пытается доказать, что воздушные силы ничего не стоят, и наоборот. Поразительно! Внизу пехотинцы и летчики готовы умереть друг за друга, а наверху среди полковников и генералов идет жестокая борьба за власть. И большинство этих идиотов представления не имеет, что такое бой... Сейчас они выясняют, почему мы так часто терпим поражения. Тупые... (нецензурное ругательство)!

22 декабря 1963 года.

Летал сегодня на задание... Выбомбил из этого мира зенитную пушку пятидесятого калибра... Мне кажется, я настоящий убийца: нет сострадания, и чувствую себя хорошо. Я не пробую разобраться, почему я это делаю... Есть цель, и я бью по ней так, как могу. Это дуэль. Только, повторяю, только сильнейший побеждает. Нельзя быть вторым...

[1] Шэнк летал на штурмовике «Т-28».

3 января 1964 года.

...Один из летчиков предложил вкладывать в наши баки с напалмом куски древесного угля. Напалм — это газолин, доведенный до консистенции меда. Самолет вооружен двумя баками по 500 фунтов напалма в каждом. Когда его сбрасываешь, он воспламеняется и распространяет огонь на 200—300 футов. Если в него положить древесный уголь, то куски угля летят еще на 200 футов, будто горящие бейсбольные мячи, поближе к домам вьетконгцев. Мы пробовали это, и результаты отличные.

Завтра три птички вылетят заряженные древесноугольным напалмом (коктейль мадам Ню). С ними пойдет специальный самолет, чтобы делать фотоснимки. Если высшее командование решит, что предложение хорошее, нам доставят древесный уголь.

7 января 1964 года.

Сегодня потеряли двоих. Один был моим хорошим другом... Ну и паршивый же день! Просто трудно вспомнить что-нибудь хорошее, чтобы написать тебе. Ни с кем не могу даже разговаривать.

...Я не знаю, что делают Соединенные Штаты. Вам говорят, будто мы просто обучаем здесь вьетнамцев, мы, мол, тренировочная база. Но на самом деле мы воюем. Мы летаем на задания и деремся. И терпим поражения. Нам очень плохо.

Мы спросили, можно ли летать под американским флагом? Нам ответили: нет, Вьетконг сфотографирует и будет вести нежелательную пропаганду...

Как наше правительство может лгать своему народу? Разве демократическое правительство может делать такое? Как бы я хотел быть простым американским гражданином или хотя бы знать кого-нибудь, кто мог бы рассказать обо всем этом американцам! Хотя, я уверен, сообщи об этом какой-нибудь средней американской семье, и все, что они сделают,— покачают головой, произнесут «ц-ц» и переключат телевизор на другой канал.

15 января 1964 года.

...Если нам не пришлют подкреплений, нас выбросят отсюда. Мне немного стыдно за свою страну. Мы здесь больше не можем скрывать свое лицо. У нас нет лица, которое можно было бы скрывать.

20 января 1964 года.

...Никогда за всю свою жизнь я не чувствовал себя таким одиноким, несчастным, разочарованным. Ни одно из этих чувств не превалирует над другими. Может быть, одиночество больше всего остального? Но нет, это было бы неправдой.

Я уверен, что ничего здесь не сделают, пока не пройдут выборы в Штатах. Почему? Да потому, что голоса избирателей важнее, чем моя жизнь или жизнь моих приятелей. Что меня больше всего задевает — так это то, что они не собираются рассказать вам, народу, что мы здесь делаем. Держу пари, что любой, с кем ты начнешь говорить, и понятия не имеет, что американские пилоты воюют здесь. Мы — я и мои дружки — делаем здесь все. Вьетнамские «ученики» только для виду. Есть только одна причина, почему мы берем их с собой на борт: если самолет собьют, так в нем обнаружат одного американского «советника» и одного вьетнамского «ученика». Это просто глупые, несведущие ягнята, которых приносят в жертву. От них никакой практической пользы.

13 марта 1964 года.

Макнамара[1] был здесь... и возвратился домой, откуда он ведет войну вместе со своей пьяной компанией. Мы называем их «бандой Макнамары».

22 марта 1964 года.

...Снова много летал. Сейчас у нас только 20 пилотов и 11 самолетов. Это значит, мы здорово заняты. Получили еще два аэроплана, они пока в Сайгоне. Скоро нас опять будет 13. Надеюсь, это продлится недолго...

[1] Министр обороны США.

Письмо от 22 марта было последним письмом капитана Шэнка. Двумя днями позже его настигла пуля вьетнамского патриота.

Я всматриваюсь в лицо Эдвина Джеральда Шэнка на фотографии и стараюсь понять, что это за человек. Ни тяжелого подбородка, ни прижатых ушей, тонких губ, низкого лба, сумасшедших глаз — никаких хрестоматийных признаков преступника. Биография? Вот она. Родился 21 июня 1936 года в Уайнемек, штат Индиана. Там и вырос. Потом изучал архитектуру в университете Нотр-Дам. В 1959 году окончил его, получив диплом бакалавра наук. Впереди — карьера архитектора. Нет, круто все меняется в том же году. Еще в университете он получил чин офицера запаса американской армии и в августе пятьдесят девятого поступил на действительную службу в военно-воздушные силы. Ему, как свидетельствует жена, пришлась по сердцу жизнь летчика, и он собирался посвятить себя авиации, забыв о дипломе бакалавра, который, видимо, не обеспечивал его работой. Эдвин женился на девушке из своего родного города. Она родила ему сына и трех дочерей. 15 октября 1963 года он очутился в Южном Вьетнаме официально в качестве «военного советника», а на самом деле в качестве самого обыкновенного убийцы — пилота на штурмовике «Т-28». 24 марта этого года он погиб. Эдвин так и не увидел свою третью дочь.

Вот и все.

Я мысленно провожу сравнение между Эдвином Шэнком и Олденом Пайлом. Что изменилось в характере и облике «тихих американцев» за десять лет? Оба симпатичны на вид. Оба молоды. Оба на государственной службе с двумя функциями — официальной и фактической. Оба в достаточной мере образованны — университет. Правда, Пайл специально изучал проблемы Юго-Восточной Азии, разглагольствовал о демократии. Шэнк ни о чем не разглагольствовал — он видит цель и бьет. Он только солдат.

Но от этого Пайл не становится лучше, а Шэнк хуже. Просто за десять лет изменился подход их хозяев к делу. Требовалась тонкая работа — Пайла пичкали идеями о демократии. Требуется грубая работа — деньги в зубы, штурвал в руки — лети, убивай.

Таких, как Пайл, во Вьетнаме было не очень много, таких, как Шэнк,— 15 тысяч. Их убивают. По официальным источникам, потери среди американских «советников» в Южном Вьетнаме только с 1 января по 15 апреля этого года — 32 убитых, 292 раненых, 2 пропавших без вести.

Американцы, любящие всякую статистику, подсчитали, что если так пойдет дальше, к концу года число жертв достигнет девятисот. И с сожалением сравнивают: в 1963 году — 503 убитых и раненых «советников», в 1962 году — 101.

Я прочел отрывки из писем Шэнка в журнале «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» и удивился, как редакторы решились опубликовать такую неприкрытую правду о грязной войне. Неужели этот реакционный журнал решился потребовать прекращения подлой агрессии? Ничуть не бывало! Знаете, какой вывод делают редакторы из этих страшных писем! «Демократическое правительство Джонсона посылает во Вьетнам плохое вооружение. Надо посылать хорошее».

И все! Черным по белому!

Приятели Шэнка продолжают убивать во Вьетнаме.

Приятелей Шэнка продолжают убивать во Вьетнаме.

А в Соединенных Штатах «наверху» идет грызня.

«Мы считаем,— заявляет госдепартамент,— что вооружение, употребляемое в настоящее время американским персоналом и поставляемое вьетнамцам, надежно и отвечает своему назначению».

«Самолеты, на которых летают наши пилоты, устарели! — кричат республиканцы.— Во Вьетнам надо послать реактивную технику».

«Реактивные самолеты не нужны в войне партизанского типа»,— отражает нападки Пентагон.

«Во всем виноват американский посол во Вьетнаме Лодж, член республиканской партии!» — кричат демократы.

«Нет,— парируют республиканцы.— Согласно письму Кеннеди, датированному маем 1961 года, послы не ответственны за действия американских оккупационных войск на территории соответствующих стран. Во всем виноваты Макнамара и генерал Пол Харкинс!»

А пока идет грызня между политиками и генералами, отцы, матери, жены в Америке продолжают терять своих детей и мужей в войне, которая ведется за тысячи километров от границ Соединенных Штатов. В этом году, согласно американской статистике, будет 900 отцов, 900 матерей и 900 жен, оплакивающих своих детей и мужей.

Но вспоминают ли отцы, матери и жены «тихих американцев» о другой статистике? Сколько вьетнамских семей осиротело от простого напалма и напалма с древесным углем, который сбрасывали их сыновья и мужья со своих не очень новых самолетов? От рук Пайла погибло не меньше пятидесяти вьетнамцев. От рук Шэнка — значительно больше. Подсчитайте! И не забудьте, что убивали не только ныне убитые. А живые продолжают убивать.

Понимает ли вдова Эдвина Шэнка всю ответственность своего покойного мужа за горе сотен и тысяч вьетнамских вдов? Неужели она спокойно наблюдает, как письма Шэнка используются только для того, чтобы послать во Вьетнам больше убийц-«советников», больше напалма, больше самолетов?..

Совсем недавно президент Джонсон потребовал прибавить к сумме в 550 миллионов долларов, которую Соединенные Штаты ежегодно тратят на кровавую агрессию во Вьетнаме, еще 125 миллионов. Готовятся к отправке в Южный Вьетнам новые самолеты, новые бомбы и новые партии тихих убийц.

Конечно, главная ответственность за грязную войну в Южном Вьетнаме лежит на хозяевах Шэнка и Пайла. Но и «тихие американцы» тоже в ответе.

Неужели смолчат американцы?

Неужели убийца Эдвин Шэнк был прав, когда писал: «Они только покачают головой, произнесут «ц-ц» и переключат телевизор на другой канал»!

Неправда! Настоящие американцы против колонизаторской войны во Вьетнаме, и они найдут в себе силы веско заявить об этом!

Подземная артиллерия.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

О. КУПРИН,
А. УЗЛЯН

Старик говорил:

— Иван... в сорок четвертом... Летчиком был. Дмитрий... Тот еще раньше...

У старика убили двух сыновей на войне. Остался один, работает на шахте. И сам Александр Иванович Иванов — старый горняк. Сейчас на пенсии — 74 года.

Мы сидим в небольшой комнате Ивановых, рассматриваем семейные фотографии. Мы пришли послушать одну горняцкую легенду и о войне говорить не собирались. Да разве минуешь ее, коли взялся ворошить прошлое?

— Но есть вещи посильнее и войны и самой смерти,— задумчиво говорит хозяин.— Сейчас это не так бросается в глаза, как в войну, и кое-кто меньше это ценит.

— Что именно?

— Вот смотрите.— Он протянул нам еще одну фотографию.

Это была репродукция с картины. Навстречу офицеру Советской Армии идут несколько ослабевших, измученных людей и несут развернутое знамя, на котором по-украински написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

— Это — наше знамя. Криворожское.

Александр Иванович рассказал нам историю этого легендарного знамени.

Еще в 1929 году горняки рудника имени Ф. Э. Дзержинского послали его в знак дружбы и рабочей солидарности мансфельдским горнякам в Германию. Принял его коммунист Отто Брозовский.

Когда в Германии пришли к власти фашисты, началась настоящая охота на знамя криворожских горняков. Бесчисленные обыски не дали никаких результатов. Аресты и пытки тоже не помогли.

Долгие месяцы провел в гестаповских застенках Отто Брозовский, не раз бывали там его жена и сыновья. В городе, на шахте то и дело попадались листовки. Они призывали бороться, в них звучал все тот же боевой лозунг рабочего класса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Больше десятилетия украинский подарок был символом антифашистского подполья в Мансфельде.

Знамя стало легендарным. Как и всякий подпольщик, оно не раз меняло адреса, оно было неуловимо, потому что хранить его поручали только самым преданным рабочему делу людям.

Когда в Мансфельд вошли американские войска, один офицер, большой любитель сувениров, долго тряс пачками долларов и марок, умоляя продать знамя.

— Не продается,— сказали ему.

— Чепуха! — настаивал американец.— Все на свете можно купить, были бы деньги!

— Не продается,— был ответ.

Это сказал Отто Брозовский.

Давно умер Отто: сказались фашистские пытки. Его именем названа одна шахта Мансфельдского горного комбината. Горняки той шахты прислали украинским друзьям свое знамя. А как раз когда мы были в Кривом Роге, дзержинцы отправились в ГДР на юбилей легендарного криворожского знамени.

На том старом знамени, наверное, поблекли уже надписи. И фигура советского шахтера двадцатых годов, с киркой в руках, потемнела от времени. Криворожский подарок пробирался в Германию тайно — в ящике с макаронами...

— Да, прошло тридцать пять лет,— говорил Иванов.— Многое изменилось. И шахта наша не та. Совсем новая шахта, подземная красота, современная техника. Другое поколение работает. Круго-

Парторг шахты В. А. Лукаш. Разговор о земных делах.

Проходчик шахты «Гигант-Глубокая» Николай Гросул.

А. И. Иванов.

Борис Юхненко.

зор пошире нашего. Время другое. Масштабы не те.

Мы уже несколько дней провели на шахте «Гигант-Глубокая» рудника имени Ф. Э. Дзержинского. Летели в двухэтажной клети вниз по стволу среди иллюминации шахтерских лампочек, выхватывавших из темноты лица молодых горняков. Бродили по деревянным тротуарам штреков и замечали массу неожиданных вещей.

Светофоры на перекрестках подземных магистралей. Электрические табло: «Берегись электровоза!» или «Тихий ход». Стены и своды штреков не темные, а светлые, побеленные.

— Зачем? — спрашивали мы.

— Для увеличения освещенности. Легче работать и лучше настроение,— объяснил нам заместитель главного инженера шахты Владимир Яковлевич Шкалий.

Правильно сказал Иванов — подземная красота.

Мы слышали, как главный инженер шахты Евгений Васильевич Зеленский у какой-то новой машины, проходившей испытания, спорил с конструкторами. Что-то доказывал. Что-то советовал. Прикидывал, какой прирост добычи даст новинка. А шахта уже сейчас выдает на-гора железной руды больше, чем все рудники некоторых стран.

...Точно, другая техника и другие масштабы...

...У нового бурового агрегата, очень похожего на зенитное орудие с обрубленным стволом, мы говорили с бурильщиком Борисом Юхненко о морских просторах, которые он когда-то мечтал покорить, о просторах подземных, которые он покоряет, и о нынешней мечте — дипломе инженера. Борис лет на пять моложе того криворожского знамени.

...Верно, другое поколение хозяйничает нынче в шахте.

Это было днем. А вечером мы встретили наших подземных знакомых — ребят с участка глубокого бурения — в кафе «Юность». Пришлось знакомиться заново. Парни, что два часа назад, чумазые, в грубых робах, вгрызались бурами своих станков и агрегатов в красный железный камень, теперь внешне ничем не напоминали горняков. Элегантно одетые парни сидели за столиками и пили кофе.

О чем мы говорили? Трудно перечислить. С Иваном Гарматюком — о спектаклях местного театра и его путешествиях на собственной машине. С Борисом Косыгиным — об Иване Грозном. С парторгом шахты Виктором Антоновичем Лукашем — о правовых проблемах (он юрист по образованию) и рыбной ловле.

Да, другой кругозор и другая культура. В кабинете главного инженера на стене в рамке — панно: в центре фигурка горняка с неизменной шахтерской лампочкой и традиционное приветствие немецких шахтеров, которое дословно переводится: «Счастливо наверх!». Мы читали французские горняцкие газеты, которые регулярно присылают на «Гигант» французские друзья. А у Александра Ивановича Иванова видели целую фотолетопись Мансфельдской шахты имени Отто Брозовского.

— Другое время. И многое изменилось. Но дружба и единство наше еще крепче стали.

Горняцкая иллюминация.

Станция отправления — шахта «Гигант-Глубокая».

Завтра футбол.

Кофе по-криворожски.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Архитекторы молекул

Гипотеза профессора Френкеля

— Как вы думаете, почему это происходит, если исключить, разумеется, бога? — спросил С. Я. Френкель. В глазах его прыгали веселые огоньки. В наш век разоблаченных тайн такой вопрос ученого уже сам по себе вызывал интерес.

— Почему человеку, чтобы производить искусственные волокна, приходится прибегать к насилию над веществом, создавать высокие температуры и давления? — продолжал Сергей Яковлевич.— А посмотрите, как работает шелкопряд. Выпустив из железы немножко слюны, прилепился к листочку и вот уже висит на тончайшей нитке шелка.

Я далек от мысли ставить паука или шелкопряда в пример. Нити, которые они делают,— далеко не лучшее, что можно придумать. Интересно другое: информация, зашифрованная в молекулах химического вещества, вырабатываемого шелкопрядами, отражает его основную биологическую функцию— быть волокном. Вот потому-то оборудование шелкопряда и технологический процесс столь унифицированы.

В чем сущность гипотезы доктора физико-математических наук С. Я. Френкеля, руководителя лаборатории ленинградского Института высокомолекулярных соединений Академии наук СССР?

Да простят мне ученые неточность сравнений, но коротко и очень приближенно выглядит эта фантастическая гипотеза так: каждую сложную молекулу можно рассматривать как нечто подобное кибернетической машине. В самой структуре полимера уже зашифрована определенная информация — становиться волокном, пленкой или другим материалом. Разгадав таинственный шифр сложных молекул, человек сможет создавать по заказу любые вещества с заранее известными свойствами. И не надо будет для получения нового вида волокна испытывать десять тысяч вариантов полимера сходной структуры, как сообщает, например, фирма «Дюпон». Структура молекулы, ее архитектура станет делом рук, вернее, ума химиков и физиков.

— А что же тогда останется на долю технологов? — спрашиваю я.

Сергей Яковлевич улыбается.

— Они скажут нам спасибо. Производственный процесс будет очень прост и дешев. Но работа инженеров-технологов станет точнее и сложнее. Они будут, если можно так сказать, создавать производственные операции, учитывая структуру молекул, как инженер-строитель создает здание по проекту архитектора...

А пока лаборатория С. Я. Френкеля получает полимеры, которые хотя и не умеют сами превращаться в волокна, но обладают весьма ценными свойствами. И, пожалуй, самой большой популярностью пользуется ленинградский винол.

В чем преимущество этого искусственного волокна? Прежде всего оно дешево, достаточно прочно (в 3—4 раза прочнее вискозы), красиво. Путем специальной обработки его можно сделать похожим и на шерсть и на шелк.

Но, главное, новое волокно в отличие от большинства искусственных волокон гигроскопично. Архитектура его молекул такова, что оно пропускает воздух и хорошо поглощает влагу. Это делает материалы из винола чрезвычайно удобными и гигиеничными в нос-[illegible]

Рабочие химии

Этот мир — мир невидимых, но прочных атомных связей, мир молекул карликов и молекул гигантов. И в этом мире работают рабочие химии — синтетики.

— Да, рабочие,— говорит директор института, член-корреспондент Академии наук СССР М. М. Котон.— Кто закладывает первые кирпичи для большой химии, кто строит ее фундамент? Мы, синтетики.

Долог и тернист путь нового полимера. В пробирке находятся ничтожные граммы новорожденного вещества. Что знают о нем ученые? Почти ничего. Знают, из чего и как его получили, знают его молекулярный вес. Вот, собственно, и все. А каковы свойства нового полимера? Как соединены, как упакованы в нем молекулы? Что из него можно делать?

И тут новый полимер перебирается к физико-химикам, которые при помощи чутких приборов заглядывают внутрь вещества, изучают его строение и свойства. И выносят приговор. Бывает, что приговор суров: «Полимер обладает достаточной твердостью, но он хрупок».

И вещество возвращается к своим родителям, в лабораторию синтеза новых полимеров. Химики переставляют, переупаковывают атомы.

«Да, хрупкость полимера снизилась,— говорят теперь эксперты-физики,— но увы!— одновременно снизилась и температуроустойчи-[illegible]

И опять полимер идет на доработку. И так день за днем, месяц за месяцем. Кропотливо, напряженно.

— Недавно нам в лаборатории удалось получить один из удачно построенных полимеров,— рассказывает Михаил Михайлович Котон.— Архитектура его выбрана так продуманно, что он гибок и тверд и не теряет своих свойств при высокой температуре.

Полимеры заменяют кровь

Можно ли создать искусственную кровь, которая будет лечить болезни: воспаление легких, ангину, склероз? Оказывается, можно. И работают над ее созданием не только медики, но и химики.

Идея связать полимерную химию с медициной принадлежит члену-корреспонденту АН СССР С. Н. Ушакову, организатору первой в стране кафедры пластмасс.

Ученые доказали, что некоторые жидкие полимеры, введенные в организм, могут на какое-то время заменять кровь. Причем полимерная кровь хороша тем, что при переливании совсем не обязательно знать группу крови, она подходит для всех.

«А что, если к молекулам синтетической крови присоединить еще и различные лекарства?» — задумались исследователи.

Интересовала ученых и другая проблема — продлить срок действия лекарств в организме. Всем, вероятно, приходилось переносить уколы пенициллина. Во время сильных воспалений, ангин уколы приходится делать раза два в день. Оказывается, если антибиотик присоединить к полимеру или мономеру, то лекарство дольше задерживается в организме, срок его действия удлиняется. А это значит, что больному надо будет делать уколы, скажем, только раз в неделю.

— Медики и фармакологи поддержали нашу идею,— говорит руководитель лаборатории, заместитель директора института В. А. Кропачев.— Однако решить все мог только эксперимент. Сейчас уже есть первые результаты. Создана синтетическая кровь, содержащая в своем составе антибиотики, препараты против склероза и других болезней.

По воле химика

Когда более тридцати лет назад Алексей Коротков заканчивал институт, академик А. Е. Фаворский учил своего дипломника: «Если вы ведете органический синтез и не можете понять, как он протекает,— говорите, что у вас цепная реакция. Если получили вещества и не можете определить, что они собой представляют,— предполагайте, что это смолы. И никто вас не опровергнет,—уже в шутку прибавлял он.— Что происходит во время цепной реакции, что за вещество смолы, сам черт не разберет».

И так уж случилось, что его ученик стал изучать именно цепные радикальные реакции и именно смолы, все то, что считалось таинственным и почти непознаваемым. Этим член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Коротков занимается и по сей день.

— Наша мечта,— говорит Алексей Андреевич,— получить полимерный материал, который был бы и каучуком и волокном. Самым дешевым, прочным и красивым волокном. Дамские шубки из него не будут бояться сибирского мороза, дождя и мокрого снега. Портьеры на окнах не будут мяться и выгорать на солнце, а джемперы и кофточки поразят кого угодно элегантностью и чистотой цветов. И все это из дешевого сырья, из природных и попутных газов...

Возьмем теперь другую сторону работы Короткова.

Чем отличается натуральный каучук от искусственного, изобретенного советским ученым С. В. Лебедевым?

Состав молекул примерно один и тот же. Полимерная молекула и того и другого каучука состоит из 10 тысяч атомов. Однако натуральный каучук и прочнее и эластичнее. В чем же причина?

Дело в том, что цепочка молекул натурального каучука правильная. Когда материал вытягивается, молекулы упаковываются параллельно. А если схематично нарисовать цепочку синтетического каучука, мы увидим на ней взлетающие вверх острые пики, зияющие провалы.

А. А. Коротков рисует схему изопренового каучука, она близка натуральному. Лишь очень редко островерхий пик нарушает правильность молекулярной цепочки.

— Ну, а по свойствам изопреновый каучук близок натуральному?

— А как же иначе? — удивляется ученый.— Ведь строение вещества, его архитектура — зеркало свойств. Поэтому химиков так часто и называют архитекторами молекул.

На солнышке.

Фото Я. Рюмкина

ЗЕМЛЯ ВЕЛИТ

Николай БЫКОВ

II

Как-то остались мы с Бараковым одни в его кабинете. За окном медленно густела синева весеннего вечера.

Начальник Георгиевского производственного управления излагал свое кредо. Суть его в следующем. Когда нет специализации и концентрации производства, экономисты жалуются на распыленность основных средств. В то же время председатели колхозов и директора совхозов сами пожимают плечами: «Руки до всего не доходят». Агрономы бессильны бороться за культуру земледелия: всюду клочки, дороги, прифермские участки. А зоотехники и ветеринары работают на разрыв — в хозяйстве буквально десятки различных ферм, отар, птичников. Механизаторы то и дело перегоняют технику, накручивая порожние рейсы. Партийные и комсомольские работники удручены: нет охвата масс, ведь теперь в колхозах по десятку и больше деревень! И только многочисленные сторожа, дневные и ночные, да заезжие корреспонденты радуются тому, что хозяйство имярек необъятное, многоотраслевое, его, мол, не объехать и за день...

Значит, не распылять производства!

— И считать, трижды считать!..

В районе до сих пор говорят о бывшем председателе колхоза «Великая дружба». Он как-то взял кредиты у государства и заложил огромное бездумное строительство — одиннадцать объектов. Вскоре белокаменный скотный дворец поднялся далеко в степи — на просторе! Завезли коров. А молока как не было, так и нет. Почему? Разлад с экономикой и со здравым смыслом. Коровник далеко от станицы, работать туда женщины не идут. Электричества тоже нет: кредиты иссякли. Воды нет: забыл голова о воде, когда шагами отмерял строительную площадку... Остальные десять заложенных фундаментов, разочаровавшись, забросили...

* * *

Кабинетные куранты пробили поздний час

Бараков заговорил о специализации. Это его конек. Распутать клубок сельских проблем сумеет лишь тот, кто крепко ухватится за главную нить — интенсификацию на основе специализации.

Не травопольe, не пропашная система, а интенсивное земледелие, дающее наибольшее количество продукции при наименьших затратах. И концентрация производства. И механизация. И весь комплекс систем обработки земли, семеноведения, борьбы с сорняками и вредителями — все, все должно быть подчинено требованиям интенсивного ведения хозяйства.

Да, колхозы богатеют. Основные фонды в хозяйствах управления увеличились. А доход на сто рублей этих фондов сократился чуть ли не на пятую часть! Почему? Слабая интенсификация. Земля уже не дает того, что должна она давать при разумном к ней отношении.

Бараков говорил легко, как говорят о хорошо продуманном, совершенно ясном, говорил, как читал лекцию или диктовал стенографистке наброски книги.

Иннокентий Иванович — экономист до мозга костей. Но он еще и философ. Для него самая живая наука — марксизм-ленинизм, который учит, что наивысшая производительность труда достигается при разделении труда вплоть до производства отдельных продуктов, вплоть до разделения отдельных процессов и даже отдельных рабочих операций. В сельском хозяйстве это означает специализацию и концентрацию производства. Два года Бараков и работники Георгиевского управления практически воюют за интенсификацию на основе разделения труда в деревне.

Мне и самому казалось, что время избавить колхозников и рабочих совхозов от труда малоквалифицированного, непроизводительного и нерентабельного. А как? Быть может, золотой ключик в механизированных звеньях, технически хорошо вооруженных и мобильных. Дать трем—пяти мастерам землю, машины, план...

— Фермеризм? — спросил Бараков и покачал головой. — Гарст может передать нам некоторый производственный опыт, но не опыт в организации труда.

В декабре 1962 года совет производственного управления, куда входят лучшие практики, самые светлые и смелые головы района, совместно с ученым советом Ставропольского сельхозинститута обсудили вопросы внутрихозяйственной специализации и перевели район на рельсы научно обоснованного ведения хозяйства. Запевалой был Иннокентий Иванович Бараков, аспирант института.

Анализ хозяйств, их экономики и тенденции в развитии показали, что, например, колхозу имени Шаумяна надо заниматься зерном и молоком, совхозу «Обильненский» — тоже. Колхоз «40 лет Октября» — яичного и молочно-мясного направления. Совхоз «Пятигорский» будет давать ранние овощи и яйца курортам...

Заново составили теперь полевые и кормовые севообороты и поручили их заботам тракторно-полеводческих бригад. Почему не звеньям? Звено механизаторов не самоцель. И тем более не ширма. А ручного труда не избегают даже прославленные звенья В. Светличного и В. Первицкого. У каждой тракторной бригады своя земля, свой набор культур, свой набор техники. Каждая бригада отрабатывает свою технологию, она действительно специализируется на производстве определенных культур. Одна бригада возделывает зерновые и технические культуры, другая производит корма для ферм, третья действует в садах, огородах

А животноводство? Оно тоже строго специализировано. Фермы есть молочные и овцеводческие, у третьих — свиньи, а у четвертых — птица. Фермы на хозрасчетных началах получают корма от тракторно-полеводческих бригад. Конечно, старые, мелкие фермы пришлось ликвидировать, а частью, выражаясь военным языком, передислоцировать. Например, в колхозе «Александрийский» четыре тысячи голов скота были разбросаны на сорока пяти фермах. Это говорило не о могучих масштабах производства, а об экономической безграмотности.

Раньше большинство механизаторов и колхозников работали по принципу «куда пошлют». Он тебе и жнец, и швец, и пахарь, и знахарь... А ведь делать гвозди и то человека учат. В городе без квалификации шагу не шагнешь. Конечно, и в деревне создавались многочисленные зимние кружки, но толку от них было чуть. Человек слушал лекции агронома о том, как дышат растения, а его посылали с вилами раскрывать силосную яму. Такие беспредметные кружки и курсы в деревне прозвали «агрозоосветучебой». Всех учили всему понемногу и не всерьез. Теперь, когда труд в селе строго разделили, стало ясно, кому какой специальностью надо овладеть. Специальностью, а не «куда пошлют»... За учение колхознику даже платят ставку по средней выработке. Сейчас в управлении учатся 7 767 колхозников и рабочих совхозов. Каждому присваиваются квалификационные разряды и классы. Как давно мечталось об этом!..

* * *

Незаменимый «газик» выносил нас во всех четырех ведущих к совхозу «Обильненский». Иннокентий Иванович с удовольствием рассказывал об итогах прошлого года.

За пять лет после 1958 года колхозникам района было выплачено 2 миллиона 400 тысяч рублей. А в прошлом, 1963 году они получили более 2 миллионов 800 тысяч рублей! Вот что такое аккордно-премиальная оплата и материальная заинтересованность. Управление продало более 8,5 миллиона пудов хлеба! Денежный доход 14 колхозов достиг 28 миллионов рублей. Все совхозы закончили год с прибылью. Только дополнительно колхозникам выплачено более 1 миллиона 100 тысяч рублей. Таковы первые плоды работы по-новому.

— Кто не познавал, а выдумывал, нес отсебятину в хозрасчете, тот проиграл...

Есть хозяйства, где на 1 рубль затрат произведено продукции на 3 рубля 40 копеек. А вот колхоз имени Калинина, идущий пока не в ногу с «ротой», проедает больше, чем производит. И этот диагноз тоже помог установить хозрасчет. Теперь все всем видно. рубль проявляет, как лакмусовая бумажка! И председатель ве[illegible] себя в хозяйстве по-иному. Бывало, только солнце поднимется — голова уже едет «по хозяйству». Не куда-то конкретно, а именно «по хозяйству, поглядеть». Чего глядеть? Стоит ли коровник на месте?.. А другой до обеда уполномоченных ждет, потом до ужина возит их по полям... Нет, не объездчиком служить в колхозе, а каждый день осуществлять намеченное в производственном плане! И поменьше опекать людей труда. Так я понял новый стиль работы в хозяйствах Георгиевского управления.

— Новое, передовое, — любит повторять Иннокентий Иванович, — это не слабительное от застарелых недостатков. Новое надо продумать, проверить и внедрить, если оно того заслуживает, в твоем хозяйстве.

Один экс-председатель в колхозе «40 лет Октября» построил ле-

Начало см. в № 16.

герь разом для шести тысяч свиней — бесстаночное содержание внедрял! Хотел без ухода свинину получать. При въезде для фотокорреспондентов арку вывел... Свиньи одичали, тонули в грязи, потом напала инфекция. Когда передохли все, ибо ветеринары были бессильны что-либо предпринять в ошалевшей от голода и неухоженности орде, подсчитали, что лагерь принес по тем временам миллион рублей убытка. Дожили до того, что даже в 1962 году колхозникам нечем было заплатить за три месяца работы. Только арка до сих пор стоит...

— Где же сейчас тот голова?

— Заместителем директора института в Ставрополе... Науку двигает.

Куда?— хотелось спросить. Я вспомнил о диссертации Баракова. Он защищает ее в степи, в четырнадцати колхозах и шести совхозах, на площади почти триста тысяч гектаров. И не в одиночку, что самое дорогое в его научной деятельности. Одиннадцать специалистов и руководителей хозяйств углубленно разрабатывают одиннадцать самостоятельных научных тем — по числу глав его диссертации. Всех их сосватал в заочную аспирантуру начальник производственного управления. Вот этому институту и двигать науку на земле!

* * *

Новое утро—новые заботы, волнения. Каждодневная борьба. А дни за окном такие чистые, синие... Но вот в кабинет к Баракову приезжает один председатель, потом другой, третий. С порога начинает и Алексей Карпович Коршиков, директор совхоза «Пятигорский»:

— Можно при всех?

— Давай, все свои.

— Зачем мне занарядили еще мочевины? Шестьдесят тонн! Да это же лет на пять!

— Пробовал выяснять?

— Начал было звонить, да спохватился вовремя: пока чего-нибудь добьешься, совхозу убыток, за простой вагонов не дядя будет платить!..

— Верно рассудил, Алексей Карпович! Потом разберемся. И не волнуйся, помни, что нервные клетки отмирают и не восстанавливаются. Нам с тобой силы нужны не на бумажную борьбу.

— Да как же эти клетки убережешь, Иннокентий Иванович?—подхватывает Иван Логинович Козырь, председатель колхоза имени Шаумяна,—с «Сельхозтехникой» опять безобразие. Или будем жить, как наметили, или на попятную! Бензовоз у меня третий раз бессовестные ремонтируют. И ухмыляются!.. А расчеты по-старому, деньгу дерут не за километр пробега, а за факт ремонта,— обернулся он ко [redacted]

Разговор о сложившихся отношениях с «Сельхозтехникой» большой и сложный. А пока Бараков решает действовать: он взял лист бумаги и сел составлять телеграмму в Москву. В ней протест против консервативного мышления некоторых руководителей Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехники» и просьба разрешить расчет по отчислениям с гектара мягкой пахоты...

В чем суть проблемы?

Сказав «а», Бараков и бараковцы сказали и «б». Новая организация производства, специализация потребовали и новых форм технического обслуживания колхозов и совхозов. Тогда же, в конце 1962 года, совет производственного управления в Георгиевске принял решение о комплексном техническом обслуживании колхозов и совхозов. «Сельхозтехника» создана недавно, но в ее работе уже наметились существенные недостатки — как в организации труда, так и в системе расчетов. Сейчас «Сельхозтехника» *торгует* машинами. Она должна ими *снабжать*. Сейчас она торгует запчастями, и плохо торгует. Она должна ими снабжать, и снабжать хорошо.

Ход рассуждения у Баракова прост.

Есть у нас понятие «водитель». Водитель такси, командир воздушного лайнера... Тот и другой получают свою машину перед стартом в хорошем техническом состоянии. Готовят машину механики. На текстильной фабрике всего несколько наладчиков. Они обеспечивают работу сотен станков, тысяч текстильщиц. Наладчики... И только в деревне до сих пор тракторист в труднейших условиях, чаще зимой и под открытым небом почти вручную ремонтирует свой трактор. Каждый комбайнер ладит свой комбайн. Чтобы добыть резину, запчасти, которых нет на «прилавках» «Сельхозтехники», колхозные шоферы, механизаторы выходят на большую дорогу — купить, обменять, заполучить любыми средствами, за любую цену. Так совершаются и преступления.

Не оттого ли и колхозный механик или инженер превратился в доставалу запчастей? Ему некогда организовывать техуход. Инженер стал коммерсантом. Не достал запчасть — значит, не инженер. А если еще у него гастрит, как сказал Иван Степанович Давыдов, директор «Обильненского», и он человек непьющий, то считай, что диплом ему без пользы...

В основе комплексного технического обслуживания, разработанного и внедряемого в Георгиевском управлении, лежит отделение труда механизатора, эксплуатирующего машины, от труда людей, обслуживающих эти машины.

У Баракова интересные расчеты, таблицы, схемы.

Машиной теперь чаще всего управляет один человек. Но машина — трактор с гидравликой, различные комбайны, тракторные разбрасыватели — стала сама по себе намного сложнее. Уход поэтому требует большего внимания. Например, комбайн «СК-3» требует в смену 3,5 человеко-часа, а трактор «Т-74» — 3,1 человеко-часа на уход, то есть треть, а то и половину рабочего дня. Но механизатор не может тратить полдня на техобслуживание, и практически машина работает на износ. Да если бы он и захотел ухаживать по-настоящему, ему бы за простой не заплатили.

Сложный ремонт обычно проводит «Сельхозтехника». Спускают план: на столько-то тысяч рублей отремонтировать колхозных машин. Ясно? Принцип поштучной оплаты. И причем оплата не дешевая! Чем больше ремонта, тем выгоднее сейчас «Сельхозтехнике». Значит, чтобы обеспечить выполнение довольно солидного плана ремонта, надо только не очень заботиться о самом ремонте, о его качестве. Абсурд! И тем не менее...

Вот это и поломали в Георгиевске. «Сельхозтехника» здесь организовала несколько отделений на местах — в колхозах и совхозах. Теперь это не торгующая запчастями организация, а боевой отряд самых квалифицированных в районе инженеров, механиков, ремонтников, отвечающих за техническое состояние всей техники [redacted].

Теперь трактористы и комбайнеры здесь — водители сельскохозяйственных машин. А машины эти отныне всегда на ходу. Речь не только о тракторах, но и об автомобилях и о механизмах в животноводстве... Колхозный шофер и механизатор — водители, а работники «Сельхозтехники» — наладчики.

Новое бралось с бою. Баракову было нелегко. Непонимание, равнодушие, нежелание работать по-новому, мелочные счеты — все это надо было преодолеть. Теперь он улыбается, Иннокентий Иванович.

— Конечно, столкнулись два «мое». Колхозное и чиновничье. Некоторым председателям жаль было расставаться с нажитым добром — мастерскими, сундуками с запчастями про запас... Потом поняли свою выгоду. Ведь теперь председатель не отвечает за техническое состояние техники. Земля, машины колхозные, а техническое обслуживание — дело могучего, индустриально развитого государства.

Главный итог работы на земле — рентабельность предприятия, себестоимость конечного продукта. А зависят они во многом от правильной технической эксплуатации. Ни колхозу, ни государству не выгодно, чтобы сложнейшая и дорогостоящая сельскохозяйственная техника работала на износ...

Изменили в Георгиевске и принцип оплаты ремонтных работ. Не поштучно за ремонт здесь платят «Сельхозтехнике», а отчисляют ей деньги с гектара условной пахоты. Чем больше гектаров выработал трактор или комбайн, тем больше рублей перечисляет банк с колхозного счета на счет «Сельхозтехники». Выгодно и тем и другим. Больше километров пробежал отремонтированный грузовик — значит, ремонт был на совесть и за него не жаль отчислить больше денег. Это всем понятно в Георгиевске.

— Для перехода к новой организации работы такой мощной армии, как «Сельхозтехника»,— говорит Иннокентий Иванович миролюбиво,— нужно одно условие — подняться над мелочными обидами. Делить-то между производственным управлением и райконторой «Сельхозтехники» нечего. Надо посмотреть на сельскохозяйственное производство с коммунистических позиций!

Централизация экономической власти и материально-технического снабжения. Централизация средств для капитального строительства силами «Межколхозстроя»... Все это только пойдет на пользу. Все эти теперешние новшества вызваны требованиями дня, самим бурным развитием нашего сельского хозяйства. Кажется, все [redacted]

И все-таки приходится слать телеграммы в Москву...

ЛЕТО

Анатолий БЕЛЮГИН

Жар полдневный.
Разомлели сосны.
И томятся, как пустынь пески,
Желтые открывшиеся десны
За лето мелеющей реки.

Перекаты мелкие лучатся,
Всюду изобилие тепла.
Желтый рай, дремотный рай акаций
Полонен,— там трудится пчела.

И большая роща — все повито
Дымкою зелено-голубой.
И, красуясь, золотится жито,
Даже солнце заслонив собой.

И ветряк за дальним полем
Скрыли
Волны хлеба, умеряя зной.
Распластав медлительные крылья,
Коршуны повисли над землей.

...Близок вечер.
Падает барометр.
Тучки наплывают на поля.
Ветер вскинет клубы пыли,
В громе
Встрепенется черствая земля.

И, как друг, что нас разлукой мучил,
Застучит к нам в окна спорый дождь.
Не куски для нив
Разрежет тучи
Молнии работающий нож.

Подставляй ладони водопаду.
Друга обнадежь —
Мол, подожди:
Будут к нам по графику, как надо,
Летом жарким приходить дожди.

Перевод с белорусского
А. КОРЧАГИН.

[illegible]

...Один жалуется на небывало запоздавшую весну. Другому представляется, что стоит небывалое лето.

Справедливо ли такое мнение?

Вначале мы задумали было задать такой вопрос специалистам за круглым столом в редакции. Но потом решили установить воображаемый круглый стол там, где непосредственно делают погоду, и начать нашу беседу в Центральном институте прогнозов.

Прежде чем задать вопросы, мы предъявили работникам института некоторое количество фактов: небывалые явления природы, попавшие в наше поле зрения. Это были сообщения о совершенно необычайных снегопадах в Хибинской тундре, о небывалых по мощи селевых потоках в горах Средней Азии, об исключительных снежных заносах в США, о потоках дождей в Иране и еще о многом, включая завал на Зеравшане.

— Это еще не все,— сказала сотрудница института, кандидат географических наук Т. Ф. Батлева.— Истекшей зимой похолодало почти во всей Европе. В Варшаве, в Берлине и в Париже среднесуточная температура оказалась ниже многолетней на 6—14 градусов. Исключение составляет Европейская часть СССР, где, наоборот, было теплей обычного на 6—7 градусов. На Кольском полуострове и в Карелии температура воздуха в январе была такой же, как в те же дни в Италии. А вот на юге было холодно: в Ереване январь оказался исключительно морозным, в Батуми 17 января снежный покров достиг 50 сантиметров. Даже в Кушке — самой южной точке СССР — ртутный столбик опустился до минус 26 градусов. Да что Кушка — в Иране и в Турции снег завалил некоторые районы. Жители Бахрейна впервые в жизни увидели ледяные сосульки. Как сообщалось в газетах, впервые в истории выпал снег в Израиле.

В январе в США проносились небывалые снежные бураны. Один из них (в районе Нью-Йорка) длился около 30 часов кряду. На полуострове Флорида погибли многие овощные плантации и фруктовые сады.

— А «Флора» на Кубе! — добавила кандидат географических наук Л. С. Минина.— Кстати, в минувшие осень и зиму зарегистрированы в Атлантике 21 ураган, а на Тихом океане — 24 тайфуна. Это значительно больше, чем обычно.

Не означает ли все это, что и вправду произошли небывалые события или, быть может, ничто не ново под луной?

— Если что-либо произошло давно или явления наблюдались редко, то это вовсе не означает, что подобного никогда не было,— ответил нам профессор В. А. Бугаев, [illegible] Центрального института прогнозов. — Все мы знаем, что потепления и похолодания, засухи и обильные осадки чередуются. Морозы в Армении бывали и до 1964 года, скажем, в 1886 году. Черное море вплоть до Босфора покрывалось льдом в 1011 и 1620 годах. Были зимы на Украине, когда в январе и в феврале цвели сады.

Так,— заключил Виктор Антонович,— обстоит дело с обычным и небывалым.

ПОГОДА МЕНЯЕТСЯ

Мы попросили В. А. Бугаева прокомментировать прошлогоднюю засуху.

— Она у всех на памяти, ее тяжелые последствия объясняются редким стечением обстоятельств: погода подвела одновременно и в Европейской части нашей страны и в Сибири. Обычно, если уж наступает неблагоприятная погода, то либо в Сибири, либо в Европейской части СССР.

Что касается лета 1964 года, то в целом о нем еще рано судить. В апреле над Европой стояла так называемая блокирующая ситуация. Воздушные потоки со стороны Атлантики, которые обычно несут нам влагу, не попадали в центральные районы материка, а шли к северу. Но в мае блокада была взломана. Результаты очевидны — дожди. И это благоприятно для уро[illegible]

Происходили колебания погоды потому, что нарушалась обычная циркуляция атмосферы. Единого мнения, всесторонне объясняющего первопричину этого явления, нет. Мы еще не владеем теорией общей циркуляции атмосферы настолько, чтобы исчерпывающе ответить на все «почему».

Когда-то бытовало выражение: «Арктика — кухня погоды». Считали, что наша погода заваривается в Арктике. Теперь мы знаем: кухня погоды — весь земной шар, включая и Антарктиду.

Сейчас сведения о погоде нам сообщают несколько тысяч метеорологических станций. Кстати замечу, это не так уж много. Хорошо охвачено наблюдениями всего около 30 процентов земной поверхности. Мало станций на океанах, в пустынях, в высокогорных районах. Но простым увеличением сети метеорологических станций наших задач не решить. Метеорологические спутники, разглядывая Землю из космоса, будут восполнять недостаток в метеостанциях.

Ближайшая проблема — полнее [illegible] физических процессов, происходящих в верхних слоях атмосферы, с погодой на земле. Состояние верхних слоев атмосферы во многом зависит от колебаний солнечной активности, но как это отражается затем на погоде, остается пока неясным.

1 января 1964 года начался Международный год Спокойного Солнца. Отличительная особенность его — исследование высоких слоев атмосферы.

[illegible]

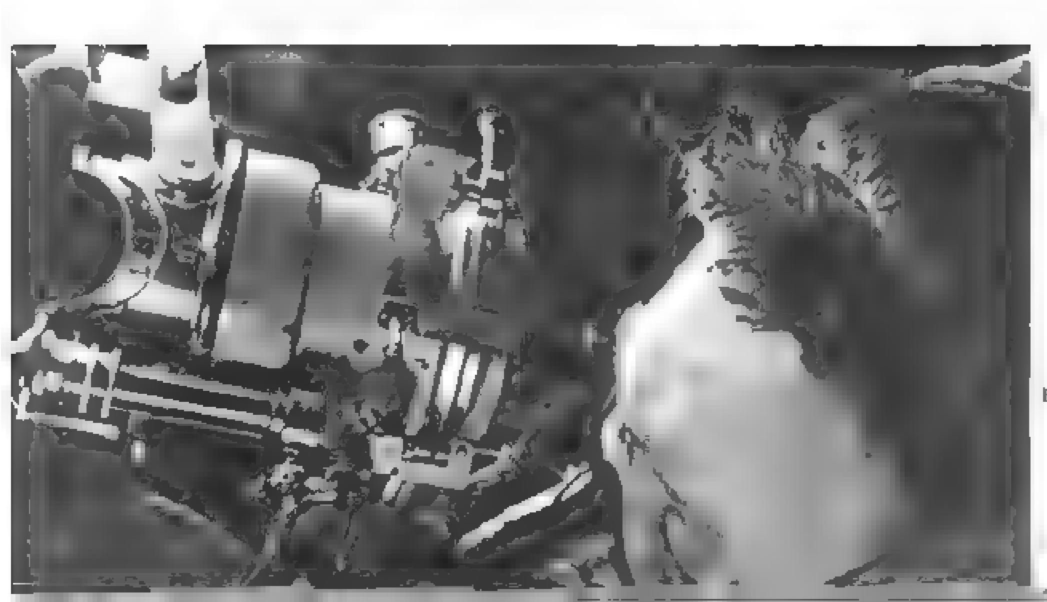
Беседа за воображаемым круглым столом продолжается высоко над землей.

Наш маленький «ЛИ-2» зондирует атмосферу. Весь самолет увешан приборами, к плоскостям прикреплены метеорографы. Это со-

Л. КАФАНОВА,
А. ПЕТРОВ

Фото Ю. Кривоносова.

Почему ид

← Наблюдения в полете

Ежедневно в 15 часов 30 минут заседает штаб погоды

здает дополнительное сопротивление, снижает скорость. А самолет все ползет и ползет вверх.

Полет выполняет Герой Советского Союза Григорий Семенович Данилов. В кабине самолета мы видим таблицу распределения облаков по высотам. Звезды с неба можно хватать только в переносном смысле, а вот облака — в буквальном. Сейчас этим занимается сотрудница Главной геофизической обсерватории Ольга Петровна Петренчук. Ловить облака ей помогают приборы с прозаическим названием «заборник». Капельки небесной влаги оседают на металлических пластинках и стекают в пробирку.

— Как вы думаете, какая вода в облаках? Чистейшая, дистиллированная? Вот и ошиблись! — говорит О. П. Петренчук.— В атмосфере носятся мельчайшие аэрозоли. Они превращают дождь и снег в химические растворы. Вместе с осадками на 1 гектар земли за год выпадает до 10 килограммов серы, 4—5 килограммов азота. Предупреждаем автомобилистов: не верьте инструкциям, не заливайте в аккумуляторы дождевую воду. Это хоть и слабый, но электролит.

У счетчика аэрозолей работает А. А. Круновский, дважды побывавший в Антарктиде. Бортаэрологи О. П. Никандров и В. С. Варгунин измеряют напряженность электрического поля земли. Явления атмосферного электричества связаны с грозами. Знаете ли вы, что молния, сверкнувшая на экваторе, может быть зарегистрирована в обсерватории «Воейково», под Ленинградом? Центральный институт прогнозов в Москве, куда передаются сообщения всех работающих в нашей стране пеленгаторов гроз, предупреждает об их приближении.

Кандидат физико-математических наук Г. П. Гущин подсчитывает озон. Тот самый газ, который после грозы делает воздух таким душистым и свежим. Если весь имеющийся в атмосфере озон сжать до нормального давления, то получится слой толщиной всего в 3 миллиметра. Но если сбросить с земного шара тонкое озоновое покрывало, жизнь на земле прекратится: озон поглощает опасную для жизни солнечную радиацию. Недаром его называют щитом жизни. Существует предположение, что связь между солнечной активностью и погодой осуществляется через озон. Но пока это только рабочая гипотеза, требующая проверки.

...И СПУТНИКИ

Самолеты зондируют атмосферу на высотах до 10 километров, на 35 километров забираются радиозонды, их обгоняют ракеты, забрасывая приборы на 100—150 километров. В последнее время много надежд возлагается на применение метеорологических спутников. Уже сейчас два опытных спутника, запущенных американцами, летают вокруг Земли.

Каждая фотография, сделанная спутниками, захватывает территорию в 1—2 миллиона квадратных километров. Человек научился измерять все элементы погоды, но «увидеть погоду», увидеть, как закручиваются воздушные вихри в циклоне, как зарождаются тайфуны и ураганы, не удавалось никому. Это под силу только спутникам. Им сверху видно, что хорошая погода подобна короткому одеялу — на всех ее не хватает. Если над какой-то территорией ясное небо, рядом идет дождь. Спутники могут показывать северную и южную границы льдов, могут наблюдать за солнечной радиацией. Но это — только начало использования спутников на службе погоды. В скором времени над Землею будут летать метеорологические спутники, которые дадут информацию обо всем, что происходит над Землею, не только днем, но и ночью. Тогда ученые смогут, словно глобус, взять в руки земной шар и ощутить под пальцами его погоду.

ДОЖДЬ ИЛИ СОЛНЦЕ!

Мы снова в Центральном институте прогнозов, в отделе, где предсказывают погоду на длительное время. И хотя прогноз на месяц дается с меньшей уверенностью, чем на 2—3 дня, мы задаем вопрос:

— Какая погода будет в июне?

— На большей части территории нашей страны ожидается благоприятный температурный режим,— сказал профессор Ю. В. Храбров.— По-видимому, можно обрадовать тех, кто собирается в Минеральные Воды, в Сочи, Сухуми. Осадков там будет меньше обычного. Июнь в Закавказье ознаменуется малооблачной и сухой, теплой погодой (выше нормы на 1—2 градуса). В Прибалтике — увы! — не будет так хорошо, как в июне прошлого года: надо ждать больше дождей.

— А как в Азиатской части Советского Союза?

— В Западной Сибири прогноз обещает нам дожди в норме, а температуру на 1—2 градуса выше средней для этого месяца. То же самое можно сказать и о восточном и северном Казахстане. В Средней Азии особых отклонений от нормы не предвидится.

— [redacted] в Москве?

— Температура будет в отдельные дни — до 24—29 градусов. Погода изменчивая, дожди кратковременные, ливневого характера, а не обложные, как в мае.

В целом, думается, июнь 1964 года будет лучше, чем в прошлом году.

Мы заканчиваем наше интервью с «мастерами погоды».

Чем могущественнее становится человек, чем выше технический прогресс, тем меньше мы зависим от условий природной среды. И вместе с тем становится все более необходим многосторонний и точный учет природных явлений, в том числе и верный прогноз погоды. А дальше встает вопрос о воздействии на погоду, о подчинении [redacted]

Встреча с грозой.

...ет дождь?

Так ловят облака.

Машина считает прогноз.

Джон МОРРИСОН

Рассказ

ОСВОБОЖ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Всего за час или два до того, как начаться пожару, мы с Джимом говорили об Эббсе. Джим и его жена Олив — мои старые друзья, у них славная небольшая усадьба между Сассафрас и Олиндой, в Данденонгских горах. Они снимали у меня квартиру в Сиднее, и, когда бы судьба ни забросила меня в Викторию, я обязательно заезжаю к ним на день-другой, неизменно встречая радушный прием.

На этот раз, как обычно по приезде, я выпил чашку чаю на кухне и, встав из-за стола, направился к окну, чтобы снова полюбоваться голландским домиком Эббсов, вид которого всегда освежающе действовал на меня после пыльной дороги.

Он стоял на противоположном склоне выжженной папоротниковой лощины, на таком близком расстоянии от нас по прямой, что из своего сада Эббс, сложив ладони рупором, мог перекликаться с нами поверх поваленных стволов деревьев, кустов куманики и кизила, сменивших пышные некогда заросли древовидного папоротника.

Только миссис Эббс была родом из Голландии. Джо был самый что ни на есть коренной австралиец, но именно национальность хозяйки сказывалась во всем облике жилища. Все называли его «голландским домиком». Позади усадьбы вплоть до мерийской дороги вдоль гребня холма Хакер тянулся огромный пустырь, покрытый папоротником-орляком, акацией да засохшими камедными деревьями; и на фоне этого диковатого, типично австралийского ландшафта, выдержанного в серых, тускло-зеленых и коричневато-красных тонах, дом и сад Эббсов напоминали цветную открытку. По всем законам хорошего вкуса это должно было бы резать глаз, однако почему-то не резало. Так случается иногда, что от нарушения правил выигрываешь.

И отнюдь не мне одному нравился дом Эббсов. Часто на дороге, как раз над усадьбой Джима, откуда открывался прекрасный вид на противоположный склон, останавливались машины, и люди выходили, не в силах оторвать глаз от словно сошедшей со старинной миниатюры голубой кровли, желтых дощатых стен, увитых ползучими розами, окон со створчатыми переплетами, баков для воды, оплетенных проволочной сеткой, увитой буйными побегами винограда, от дорожек, мощенных кирпичом, и разбитого вокруг дома с почти китайской экономностью сада, где были и овощи, и фруктовые деревья, и всевозможные цветы, названия которых встречаются в старинных книгах. Штокрозы рдели на фоне дровяного сарая, крытого корой, в ранним летом, в дождливые вечера, запах сирени доносился до самой кухни Джима

Эббсы — оба — были страстные садоводы и неутомимые труженики, и на их защищенном от ветров участке даже глубокой зимой виднелись яркие пятна цветов. У Эббсов было несколько превосходных камелий; и задолго до того, как первые цветы кутамундры оживляли застывшие окрестные холмы, на задней изгороди сада Эббсов вспыхивало желтое пламя кассий и отоны

Большинство соседей — Джим с Олив в их числе — в то или иное время побывали у Эббсов, и все единодушно согласились, что иначе, чем о кусочке Голландии, вспоминать потом о доме этом было невозможно. Я заходил к Эббсам однажды, и, невзирая на неподдельное их радушие, посещение это скорее разбудило во мне любопытство, нежели вызвало сердечное чувство по отношению к хозяевам Отдохнуть в этом доме вы никак не смогли бы: очень уж он был чистенький, аккуратный, слишком очевидно все делалось здесь напоказ. Вы чувствовали себя обязанным быть все время начеку: следить за пеплом вашей сигареты, за движениями ваших ног на блистающем полу, за пальцами, если вы прикасались к чему-либо, что могло расплескаться.

Я видел только одну комнату — кухню-столовую, и что больше всего поразило меня — это камин, который вполне мог бы занять место в музее древностей: железная подставка для дров, огромная каминная решетка из стали, медный котел, большой металлический чайник и тазы, ведерко и совок для угля, кочерга и щипцы, воздуходувные мехи, каминная доска, уставленная вазами и оловянными кувшинами, и висящая сбоку старинная грелка с длинной ручкой. О назначении последнего предмета я вынужден был справиться позже у Джима. Джим объяснил, что все это прислали миссис Эббс из Голландии к свадьбе и что в обязанности Джо входило каждую субботу чистить камин графитом, красной охрой и наждачной бумагой.

Что ж, этому я мог поверить. Джо был большой, медлительный и добродушный лесоруб; он работал в местной Лесной комиссии и, по-видимому, подобно своей жене, ничем в жизни не интересовался, кроме работы, дома и сада. Домом правила миссис — кругленькая, бодрая и всегда безупречно чистенькая, как и сверкающие полы ее жилища; но правление это, казалось, было мягким. Из слов Джима и его жены я заключил, что жизнь четы Эббсов представляла собой нечто вроде добровольного семейного рабства: постоянно они делали что-то, чинили или приводили в порядок и при всем том были совершенно счастливы и пользовались в округе всеобщим уважением.

Поэтому я очень удивился, когда Джим, стоя рядом со мной, сказал:

— Ты знаешь, ведь Джо теперь один.

Я посмотрел на Джима, ожидая дальнейших объяснений. Только что я наблюдал за Джо, голова которого, то поднимающаяся, то опускающаяся, мелькала в саду, и, естественно, предполагал, что миссис Эббс в это время энергично чистит что-нибудь в комнатах.

— Как один?

— Уже два месяца, как потерял жену.

— Умерла?

— От удара. Сгорела, как свеча. Возвращалась из города и упала. Ее нашли на дороге. К тому времени, когда приехал доктор, ее уже не было в живых.

Новость эта потрясла меня. Миссис Эббс была милой женщиной, а ее дом — далеко не последней из причин, почему меня тянуло в эти края. С удвоенным интересом взглянул я теперь на маленький, похожий на стеганое одеяло участок на буром склоне холма. Казалось, ничто там не изменилось.

— Как Джо?

— Очень сильно горевал, но теперь начинает успокаиваться. Ты, конечно, при встрече поговори с ним, только не касайся этого несчастья. Старик может не выдержать, не совсем еще оправился

— Как же он?.. Приходится ведь самому все делать?

— Ну, ты же знаешь, он всегда был хозяйственный Каждый вечер теперь, как приходит, готовит себе обед. И дом у него блестит, как новенький. Вряд ли заметишь, что хозяйки [redacted].

— У него, наверное, ни минутки свободной не остается?

— Что ж, он к этому привык. И потом, он как будто собирается уйти из Лесной комиссии в следующем году. Старику исполнится шестьдесят пять, значит, будет получать пенсию.

Мне пришло в голову, что при своих скром-

ДЕНИЕ

Австралийский писатель Джон Моррисон родился в Англии в 1904 году. В возрасте 19 лет он в поисках работы переселился в Австралию. Он был сборщиком фруктов, матросом, стригалем овец, докером, садовником; сейчас работает уборщиком в столовой. Он автор романов «Страшный город» и «Порт назначения» и трех сборников рассказов: «Морякам место на кораблях», «Черный груз» и «23».

В 1961 году в «Библиотеке «Огонек» вышла книжка его рассказов «Тебе, Маргарэт»; в ближайшее время издательство «Прогресс» выпускает новый большой сборник его рассказов.

ных привычках и трудолюбии Джо, вероятно, скопил денег и на старости лет едва ли целиком будет зависеть от пенсии, но я промолчал.

— Но Джо никогда не станет сидеть без дела,— уверенно сказал Джим.— Пока его ноги держат,— ни за что. Он не умеет отдыхать.

— И он по-прежнему по субботам чистит камин?

В ответ на мою улыбку Джим тоже усмехнулся.

— Ну, может, не каждую субботу. Но камин у чего все так же блестит, уж это точно. По-моему, у Эббса такое чувство, будто жена следит за каждым его шагом. Давай зайдем к нему завтра утром, поболтаем. Он тебя любит.

Но нам так и не пришлось поболтать с Эббсом, потому что два часа спустя начался пожар.

Случись это чуть раньше, и мы почти наверняка заметили бы дым еще до того, как огонь по-настоящему разгорелся. Дело в том, что Олив готовила салат, а раковина и сушильная доска в кухне Джима расположены у окна, выходящего в сторону долины. Но все началось, пока мы ели, а сам Эббс снова вышел поработать на огороде после ужина.

К окну нас заставил броситься возглас Олив, поднявшейся первой из-за стола.

— Джим... скорей! Откуда этот дым?

В мгновение ока мы очутились рядом с ней. Сперва я не заметил ничего внушающего тревогу. Струйки дыма действительно поднимались над домом Эббсов, но только по соседству с небольшой трубой из оцинкованного железа, расположенной на ближайшем от нас углу крыши. Насколько мне было известно, с этой стороны в доме стояла дровяная плита, и, так как сама труба тоже дымилась, я решил, что просто часть дыма из-за ветра рассеивается по крыше.

Но у сельских жителей гораздо острее развито чутье по отношению к огню, нежели у нас, обитателей городов, и Джим с одного взгляда оценил ситуацию.

— Дым из-под карнизов... Боб, за мной.

Последовал час, полный захватывающих впечатлений; в первый раз я видел, как горит дом, и, надеюсь, в последний.

Спуск в лощину и подъем на ту сторону холма оказался довольно-таки трудным, хотя к дому Эббсов через куманику и поваленные деревья вела чуть заметная тропинка. Джим к тому же помоложе меня, и он взял вполне приличный темп, так что к тому времени, когда я добрался до усадьбы Эббса, Джим уже вызвал Джо из сада, побывал внутри здания, разобрался в происшедшем и отдавал распоряжения, стоя у прачечной с топором в руках. Сам Джо был на кухне; оттуда до меня доносились сильные удары, словно он пытался разбить стену. Дверь с проволочной сеткой от мух была отперта, раскрыта настежь и свободно болталась на петлях. Через нее наружу просачивалась лишь слабая струйка дыма, зато сверху из-под карнизов он валил огромными клубами. Это означало, что пламя уже вошло в полную силу.

Среди многих истин, с которыми я познакомился в тот день впервые, была следующая: невозможно по-настоящему узнать человека, пока не увидишь, каков он в критический момент. Беззаботный Джим совершенно преобразился. Глаза его покраснели и слезились, свежая рубашка — вся в пятнах сажи. Он схватил меня за руку и закричал, словно я чем-то досадил ему:

— Иди на открытое место и крикни Олив, пусть вызовет пожарников!

Я попробовал освободиться, но он держал меня крепко.

— Да подожди ты; за прачечной лежат доски, бери одну и тащи сюда, живо!

И он оттолкнул меня: я бросился вдоль стены, а Джим, оставшись один, подал сигнал тревоги — три долгих пронзительных крика, которым со всех окрестных холмов долго еще потом отвечало эхо.

Олив ничего не надо было объяснять — она уже стояла на открытой лужайке, откуда видела нас, и только ожидала знака. Она подняла руку, показывая, что ей все ясно, и поспешила в дом, едва я раскрыл рот, собираясь кричать.

Когда я вернулся к кухне, весь тот угол дома уже заволокло дымом. Рядом, на подставке высотой мне по грудь, стоял бак на сто галлонов, благодаря ему Джиму удалось забраться на крышу. Я слышал, как он громыхал там; сам я бросился к прачечной и схватил одну из досок, лежавших всего в нескольких ярдах от дома.

— Давай мне один конец! — закричал Джим, и когда я поднял доску, он с такой силой потянул ее на себя, что загнал занозы мне под кожу. Он выглядел фантастически огромным, стоя там, на краю крыши, весь окутанный клубами дыма.

— Достань ведро, два, если можешь, вообще что-нибудь, чем черпать воду, и давай прыгай сюда.

Я нашел в прачечной ведро и бидон из-под керосина со срезанным верхом, вскарабкался на подставку бака и обнаружил, что Джим положил доску поперек бака и, стоя одной ногой на доске, а другой на крыше, рубил листовое железо вокруг трубы. Джим умел орудовать топором, и тяжелое лезвие взрезало крышу, как консервный нож.

— Давай сюда, становись и черпай воду!

В городке ударил колокол. На дороге, идущей от шоссе через поле, показались фигурки: люди бежали по направлению к нам, кое-кто предусмотрительно захватил с собой ведра.

Эббс все еще оставался в доме и производил там страшный шум. Должно быть, он-таки добрался до огня, потому что послышались всплески воды, а затем шипение, и к запаху дыма стал примешиваться запах пара.

Джим взрезал кусок крыши площадью приблизительно в три квадратных фута и отогнул его и верхнюю часть трубы ударами топора. Оттуда поднялся столб еще более густого дыма; впервые на меня пахнуло жаром.

— Боб, воды!

Цепляясь за проволочную сетку и виноград, я кое-как взобрался на бак, и, поскольку он был почти полон, нагнуться и зачерпнуть воды с доски оказалось делом довольно легким. Джим залил в образовавшуюся на крыше дыру несколько ведер, стараясь обработать водой как можно большее пространство, затем огляделся, оценивая положение. Дым валил теперь кругом из-под всех карнизов. Джим посмотрел на меня с полной безнадежностью:

— Пожалуй, дом-то пропал. Очень много трехслойной фанеры во внутренних стенах.

Первым из городка подоспел на помощь крупный мужчина во фланелевой фуфайке и комбинезоне.

— Что надо делать?

— Беги в дом, посмотри, как там Джо. А остальным, пожалуй, скажи, чтобы начинали вытаскивать мебель.

Мы раздобыли лестницу и попробовали прорубить крышу повыше центра пожара, но когда железо накалилось так, что на нем невозможно стало стоять, нам пришлось сдаться и отступить. Из отверстия у дымохода теперь поднимались языки пламени. Спустившись на землю, мы увидели Эббса: жар выгнал его и помогавшего ему мужчину из кухни. Изнутри здания послышался ужасающий треск. С другой стороны дома была организована передача по цепочке ведер с водой от бака, стоявшего у бани, до окна ближайшей комнаты. Несколько человек не отходили от Эббса, пытались успокоить его, уговаривали поберечь себя, убеждали, что мужчины помоложе справятся и без него. Старик был наполовину оглушен, опален огнем, весь почернел от сажи и промок. Он все старался стряхнуть руки утешавших, но попыток вернуться в дом не делал.

— Ничем уже не поможешь,— твердил он,— ничем! Вся крыша, все стены занялись...

Наконец старика удалось увести в дальний конец сада.

Кто-то открыл краны в прачечной, и люди стали обливать прачечную, чтобы спасти хотя бы это маленькое строение.

В передней части здания слышался грохот передвигаемой мебели и громкие голоса. Мужчины выносили мебель из дома, женщины оттаскивали ее на безопасное расстояние. Хорошенький садик Эббса был вытоптан, изрыт тяжелыми комодами, столами, стульями, завален всяким заморским хламом.

Дом был сухой и горел, как спичка. Еще до прибытия добровольной пожарной команды мы уже перестали бороться с огнем и отступили, спасаясь от жара; стены полыхали вовсю, и мы ожидали, что вот-вот обрушится крыша. Даже прачечная не уцелела, и когда все было кончено, на пожарище остались лишь руины да кирпичная труба и еще в конце короткой тропинки маленькая уборная в беседке из опаленных огнем роз. Очень тягостное впечатление оставило во мне это происшедшее на моих глазах молниеносное уничтожение домашнего очага.

Очень многие готовы были немедленно предложить Джо приют, и задолго до вечера следующего дня все его уцелевшие пожитки были благополучно разобраны и обрели временное пристанище. Из бесед с местными жителями я заключил, что трагедия эта вызвала общественное чувство утраты, ибо в некотором смысле, понятном в столь часто посещаемой туристами местности, «голландский домик» являлся как бы всеобщим достоянием. Перед моим отъездом Джим сказал, будто поговаривают о том, чтобы организовать общественные работы для постройки нового дома старику Эббсу, но Джим сомневался, надо ли это.

— По-моему, у него и без этого всегда будет крыша над головой. И потом очень уж старик не любит быть кому-то обязанным.

— Может случиться, что ему уже и не понадобится новая крыша,— заметил я, вспомнив Эббса, каким я его видел в последний раз,— его подсаживали в машину у края дороги; старик невнятно бормотал что-то, глаза у него были совершенно безумные.

Джим со мной согласился.

— Смерть жены, а теперь еще это несчастье, одно к одному,— старик вполне может протянуть ноги в ближайшие дни.

Но Эббс не «протянул ноги». Как раз наоборот.

Прошло около четырех месяцев, прежде чем я снова оказался в Виктории. Я направлялся, как всегда, к Джиму; свернув от долины Древовидного папоротника на нижнюю дорогу, которая у Каллисты идет по чудесной Аллее ломоносов, я доехал до Красной Мельницы, что за Бельгрейвом. Здесь-то я и увидел впереди на дороге знакомую фигуру. Обрадовавшись возможности оказать услугу Джо и в то же время узнать, как он перенес свои беды, я затормозил.

В ту самую минуту, когда его сияющая фи-

зиономия показалась в открытой дверце машины, я понял, что у него все в порядке... Эббс казался моложе, оживленней, и приветствие его прозвучало с не совсем обычной для него сердечностью.

— Так и есть, это дружок Джима Дженнингса! Вот здорово, что вы остановились, всегда мне везет!

Перед тем как сесть самому, он все так же беспечно забросил в машину дорожный мешок, как я заметил с некоторым удивлением, довольно-таки увесистый, типично австралийский мешок. Эббс был одет очень опрятно — черная шляпа, рубашка с открытым воротом, голубой костюм, — и устроился он рядом со мной с видом человека, которому весь мир — родной дом.

— Автобус-то пойдет только через полчаса. Но я так и знал: кто-нибудь меня подберет.

— Как вы поживаете, Джо?

— Лучше, чем когда-либо. Я сейчас из Долины. Сэм Уиллс подвез. Вы Сэма не знаете? Прекрасный парень! Хотел доставить к самому дому, да только не люблю я утруждать людей. В субботу у всех своих дел полно.

Я сказал, что он отлично выглядит.

— Само собой! Я бросил Лесную комиссию, знаете.

Только это и было мне известно об Эббсе из письма Джима. Но мне казалось, основная причина перемены, происшедшей со стариком, в чем-то другом, чего Джим не заметил либо почему-то не захотел написать мне.

— Что ж, вы заслужили свой отдых,— сказал я.— А живете где, все на старом участке?

— Конечно. Там я и останусь, пока не помру. Только теперь у меня домик маленький — я да кошка помещаемся.— И он подмигнул мне, как будто намекал, что в словах его было какое-то скрытое значение, пока непонятное мне.

— Вам ведь большего и не нужно, Джо.

— После пожара ребята хотели выстроить мне новый здоровый дом, да я не дал. Им спасибо, они мне добра желают, только на кой мне теперь такая громадина?

— Чем же вы сейчас занимаетесь в свободное время?

— Свободное время... Да у меня его нет! Слово даю, каждая минута на счету. Но теперь мне не о чем беспокоиться, вот в чем разница. Только и дела — сад, да радиоприемник, да газеты. Но я подолгу на месте не засиживаюсь. Где только не бываю! Знаете, как это: с одним поболтаешь, с другим посидишь... Время бежит незаметно, коли есть с кем поговорить. И потом, если своих хлопот немного — значит, всегда можно другу пособить.

— Во всяком случае, теперь-то вам не приходится так много работать по дому.— Это я, разумеется, пустил пробный шар, но по тому, как Эббс оживился, я понял, что попал в самую точку.

— Работать по дому... Я об этом и думать забыл. Честное слово, вся жизнь идет по-иному, если вам не приходится ухаживать за уймой в е щ е й.

Он как-то особенно подчеркнул слово «вещей» — таким тоном женщины говорят обычно о детях.

— Вещей? — повторил я за ним.

— Вот именно — вещей! — Даже не отрывая глаз от дороги, я чувствовал, что он следит за мной.

— Они-то и сводят человека в могилу... Вещи! Люди так загромождают себя вещами, что им самим и жить некогда. Все им хочется новых вещей, и каждый раз, как обзаводятся новой вещью, наживают новую заботу. Люди вроде как обязанность берут — ухаживать за этими вещами. Понимаете, что я хочу сказать?

Да, я его отлично понимал.

— И какого только хлама люди не разводят вокруг себя! Живешь, живешь, до поры не понимаешь этого; и вдруг в один прекрасный день просыпаешься — и ни одной у тебя заботы, потому что... потому что ничего у тебя нет!

Джо говорил со все возрастающим возбуждением, но потом взял себя в руки.

— Хоть сто лет проживу — никогда не забуду,— продолжал старик.— Сижу это я однажды утром на задней веранде у Теда Кровена (Тед взял тогда меня к себе, вы знаете), гляжу вниз, на свой участок, и почти что плачу. В те дни я только и делал, что сидел там, уставясь на пепелище, да вспоминал комнатки в старом доме, да вещи, что там были, да свою миссис, и как хорошо нам с ней жилось. И вдруг словно осенило меня: ведь мы вечно работали! Ведь мы оба в жизни ничего больше не видели — только надрывались ради уймы вещей. А если мы не ухаживали за ними, так говорили тоже только о них!

Я на одно мгновение отвлекся от дороги, как раз чтобы успеть взглянуть на Джо и заметить смешинки в его глазах.

— Я не шучу,— заверил он меня.

— Я знаю. Так что же дальше?

— Вот и все. Вещи и вещи! Вы, верно, видели у нас над камином такую старинную грелку?

— Как же, помню.

— Хотите верьте, хотите нет, ведь целых тридцать лет каждую субботу чистил ее! И даже после смерти жены все чистил. А разве распроклятая эта штука хоть что-нибудь для меня сделала?

Тут уж я больше не смог сдерживать смех, но Джо понимал, почему я смеюсь, и тоже улыбнулся.

— Просто диву даешься, как тянет поговорить после пары кружек! — с чуть виноватым видом сказал Джо.— Но я не впустую болтаю. И не бойтесь, я не пристрастился к выпивке. Не такой я дурак. Я теперь каждую субботу с утра бываю в Долине, но не из-за пива, нет, ради хороших людей. Прихожу я в бар, и все там мне друзья. Они лучше, чем вещи... Все они старики, как и я сам. Раньше я уж и не помню, по скольку лет с ними не встречался. А сейчас, стоит мне войти, тут со всех сторон: «Как жизнь, Джо?» да «Выпей и со мной кружечку, Джо». Вот это по мне!

Джо подтолкнул лежавший у него в ногах мешок.

— Завтра утречком собираюсь к Энди Карузерсу в Монбалк. День рождения у него. Мы с ним вместе лес валили еще до моей женитьбы. Вот уж сколько лет, как о бедняге все позабыли! Мы собираемся на недельку куда-нибудь забраться, рыбку половить — он да я.

— Такой жизни, как у вас, Джо, каждый позавидует,— сказал я, искренне обрадованный за старика.

— Что ж, может, вы и правы,— откликнулся Эббс; в голосе его слышалось удовлетворение.

Я понимал, конечно, что многое тут шло от чистого умствования. Но и истинная мудрость открылась мне в словах старика Эббса, та же мудрость, какою поражает нас, всегда неожиданно, Эзоп.

Да, если жил на земле когда-нибудь счастливый человек, то им был Джо Эббс — теперь.

Перевела с английского
И. ПОЛЕТАЕВА.

Красота добывается трудом

Розовое марево заката опустилось над северной карельской землей. Подразделение пограничников возвращается с занятий на родную заставу

— Конечно, после трудного строевого дня бойцы не шагают так молодцевато, бодро, грудью вперед, как на картине. Но нам хотелось выразить все, что мы узнали о героизме, самоотверженности этих людей, об их трудной, полной тревог и опасности жизни,— рассказывает один из авторов картин, помещенных в журнале, Олег Савостюк.

Авторов двое: Олег и его друг Борис Успенский. Еще в Суриковском институте сдружились они и стали работать вместе. Вдвоем делали курсовые работы, вд[redacted] диплом — четыре плаката. Учились Олег и Борис на графическом факультете в мастерской Михаила Черемныха — замечательного советского плакатиста.

— Михаилу Михайловичу мы обязаны всем, что знаем и умеем в искусстве, он научил нас любить, понимать, [redacted]ливать жизнь, видеть ее в образах,— говорят художники.

Тема одного из дипломных плакатов — жизнь лесорубов Карелии. Этот суровый северный край полюбился молодым художникам. И после окончания института они продолжают наведываться туда.

В последнюю поездку довелось побывать не только у лесорубов, но и у пограничников.

Рисовали без устали...

— Хотелось запечатлеть каждый характер, черты каждого лица,— рассказывают друзья,— но работать приходилось очень быстро: полчаса — сорок минут на портрет,— чтобы подолгу не «эксплуатировать» усталых бойцов.

— Когда долго занимаешься плакатом, невольно привыкаешь к обобщенному типу лица, а тут столько выразительных индивидуальных характеров, биографий! — поясняет Олег Савостюк.

От пограничников отправились к лесорубам — навестить старых друзей.

— Вот по этим круглым шпалам лесной узкоколейки каждое утро ходили «На работу» вместе с людьми, которых написали здесь. Рубили лес, ели из походной кухни щи — ох, какие вкусные!

— Места здесь суровые, работа трудная. Оттого и на картину как бы сами собой ложились холодно-синие, сдержанные краски,— рассказывают Олег и Борис.

Но все кругом — и люди и природа — очень нравилось художникам. И невольно хотелось подчеркнуть, усилить в картинах красоту этих мест, заставить приглушенные северные тона вспыхнуть, засверкать.

— В выходной день писали поселок лесорубов. За спиной стояли жители поселка, смотрели и удивлялись: вот в каком, оказывается, красивом месте мы живем...— вспоминают Олег и Борис.— И мы старались, как только могли, раскрывать людям красоту мира и красоту их самих. Люди радовались и платили нам дружбой.

Мы тоже не оставались в долгу. Написали для них агитационные плакаты: «Берегите лесной молодняк!», «План лесозаготовок выполним досрочно!»,— помогали самодеятельным художникам, устроили выставку своих картин о московском балете. Эту серию мы сейчас готовим к выставке «Москва — столица». Артистов балета мы показываем не в блеске огней рампы, а во время репетиций, стремясь рассказать о том, что красота добывается трудом.

Да, трудом добывают [redacted] все лучшее на земле: счастье, радость, красоту, дружбу, мир. Об этом и должно рассказывать искусство.

Эльвира ПОПОВА

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ В ПОСЕЛКЕ

О. Савостюк, Б. Успенский.

НА РАБОТУ

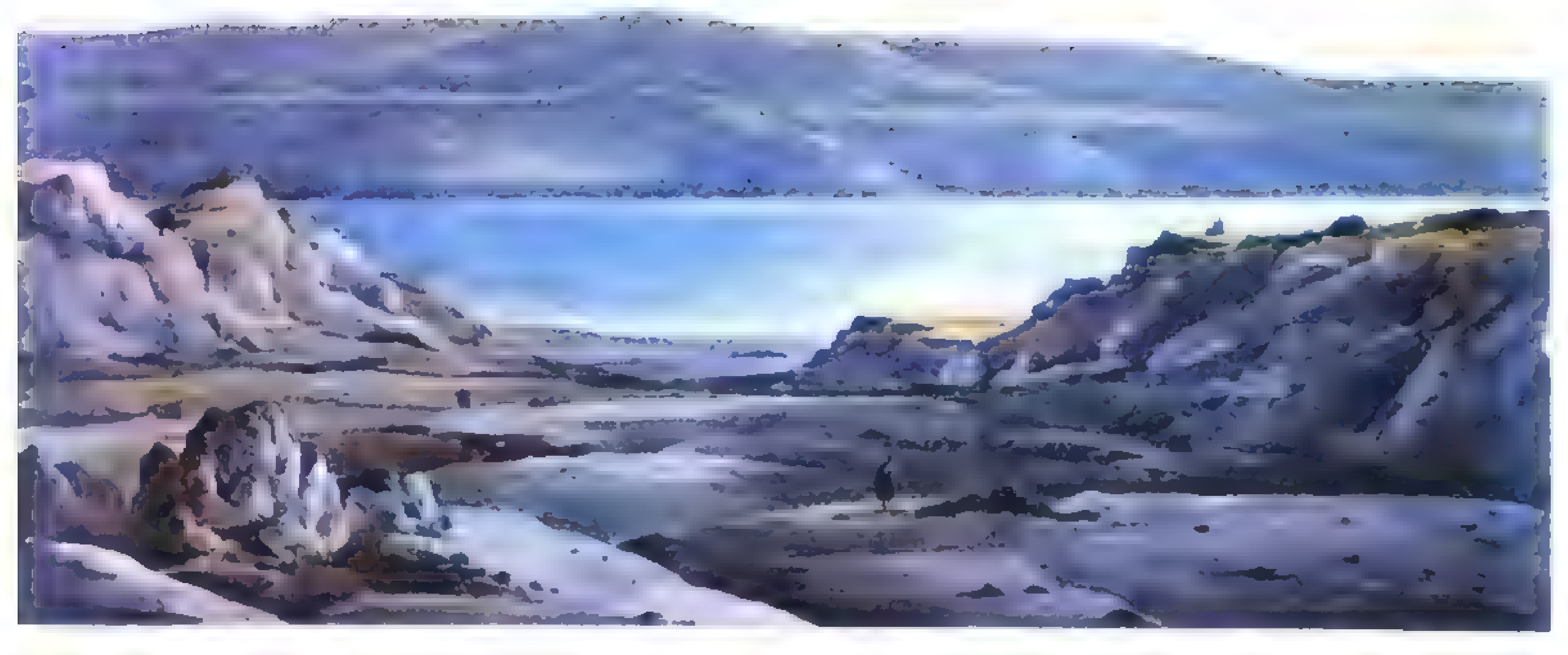

О. Савостюк.
Б. Успенский.

ПО ТРЕВОГЕ

С ЗАНЯТИЙ.

У ЗАСТАВЫ.

Братья Г. и Н. Чернецовы.

МЕРТВОЕ МОРЕ ПРИ ВОСХОДЕ СОЛНЦА

Государственный Русский музей.

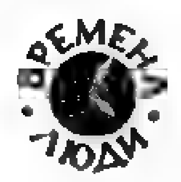
Публикуются впервые.

ОБЕЛИСК КЛЕОПАТРЫ

МЕЧЕТЬ В АЛЕКСАНДРИИ

ГОРОД ТИВЕРИЯ (ТИВЕРИАДА).

Светлая звезда на горизонте

В. ВЛАДИМИРОВ

Через Синайскую пустыню шел караван. Мерно позванивали бубенцы на шеях верблюдов.

В середине каравана на длинных жердях высилось нечто вроде палатки. Рядом ехали два всадника с пестрыми египетскими сумами, из которых торчали необычные для пустыни предметы: подрамники, кисти, ножки мольбертов.

— Никанор, как чувствует себя Поликарп? — спросил один из всадников, кивая в сторону палатки.

— Ничего, Григорий, вроде получше,— ответил другой всадник,— жара нет, просил воды, я дал самую малость. Проводник говорит, что больному в пустыне пить много не гоже. Вечером попробуем вина дать, может, полегчает.

— Довезти бы братца хоть до Иерусалима — задумчиво сказал Григорий,— там все-таки свежее, зелень...

— Как судьба...

* * *

Братья Чернецовы половину жизни провели в странствиях.

В те времена в самых недоступных и далеких местах — на горных вершинах, в ущельях, на палубах кораблей, в тропических джунглях и полярной тундре — можно было увидеть людей, одетых то в брезентовые куртки, то в оленьи парки, людей, сидящих на раскладных, походных табуретах перед мольбертами.

Сначала был «прикладной пейзаж»: дворцы, набережные, исторические памятники, парады, сражения. Постепенно элементы прикладного пейзажа стали отходить на задний план. Главным стало изображение природы.

Художники начали рисовать и писать горы, реки, моря, города и села родного края. Потом на фоне пейзажа стали появляться сцены из жизни народа.

Все эти этапы прошел в своем творчестве старший из братьев Чернецовых, Григорий. Как ни странно, наиболее известным из его произведений стала даже не картина, а часть ее.

Вся громадная картина изображала парад на Царицыном Лугу (на Марсовом Поле, в Петербурге) 6 октября 1831 года. Григорий Чернецов, мастер далекой перспективы, воплотил на полотне «лоскутья сих знамен победных, сиянье шапок этих медных». Зрителями на параде были изображены 223 человека, в том числе писатели — Пушкин, Гнедич, Жуковский и Крылов, художник Венецианов, гравер Уткин.

Но картина не понравилась Николаю Первому. Не понравилась именно потому, что стройные ряды кавалерии послужили лишь фоном для писателей, актеров, художников и людей «простого звания». Зато в передовых слоях общества писательская группа имела такой успех, что Чернецов переписал литераторов на новое полотно.

П. А. Вяземский послал копию этой картины баснописцу И. И. Дмитриеву в подарок. «Вы, вероятно, видели эту картину в Эрмитаже»,— писал Вяземский.

Никанор, младший брат Григория, в то время путешествовал по Кавказу, неустанно работая (70 акварелей горной Грузии, Тифлиса и Черноморского побережья для себя и 50 «для других особ»). С Кавказа его вызвал князь М. С. Воронцов и направил в свое имение, в Алупку. Никанор стал писать еще малоизученный Крым — Мисхор, Гурзуф, Феодосию, татарские сакли, греческих рыбаков, скалы, песчаные берега, пестрые восточные базары.

«Санкт-Петербургские Ведомости» за 1839 год описывали как курьезную новость путешествие братьев Чернецовых по Волге «в плавающем доме», с парусами и веслами. Братья сделали две тысячи рисунков берегов великой реки, зарисовали все типы волжских судов, нижегородскую ярмарку, жигулевские дали, бывшую столицу золотой орды... Они плыли шесть месяцев и добрались до Астрахани уже в ледостав. Впоследствии из этих эскизов была сделана огромная панорама Волги, но царь не заинтересовался этой невероятной по масштабу работой и повелел сдать ее в Эрмитаж, где она пропала и лишь недавно была найдена в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

В 1840 году братья Чернецовы отправились за границу. В Государственном Русском музее в Ленинграде хранится объемистая рукопись с рисунками, в плотном переплете с золотым тиснением. На титульном листе значится: «Путевые записки по Востоку братьев Г. и Н. Чернецовых в 1842 и 1843 годах». 3(15) сентября 1842 года записано: «Настал определенный час, в который мы должны были оставить твердую землю Европы — Италию и Неаполь — и отправиться в далекий путь, через синее море, обвораживающее взор наш своими игривыми, лазурными и бирюзовыми отливами...»

Вот оно, «сине-море», скрытое в альбомах акварелей. Залитые солнцем стройные минареты Каира и Александрии... Покрытая иероглифами «игла Клеопатры», впоследствии бесцеремонно увезенная англичанами и ныне украшающая набережную Темзы в Лондоне... Пирамиды в Гизе...

Братья были приняты знаменитым в истории Ближнего Востока египетским правителем Мохаммедом Али и получили особое право рисовать в мечетях. Но шел мусульманский пост Рамазан, мечети были полны молящихся, и пришлось перенести работу на улицы и площади.

Перед глазами художников развертывались картины, никогда ими не виданные. «Базар невольников,— писали Чернецовы,— теперь опустел, по крайней мере публично уже не существует, хотя невольников и продают в закрытых местах. Нередко случалось нам видеть на улицах промышленников этого унизительного торга, водящих полунагих абиссинцев по домам для сбыта этих несчастных».

В Каире Чернецовых настигла беда: тяжело заболел самый младший брат, девятнадцатилетний Поликарп. Врачи посоветовали увезти его на север. Решили ехать в Палестину, через Синай. Каравану предстояло пересечь безжизненные пес[illegible]

В пустыне Поликарпу стало еще хуже. Никакие усилия не могли восстановить его здоровье. Он скончался, как тогда говорили, «от трудностей климата» и был похоронен в Иерусалиме.

Чернецовы продолжали путешествие. Назарет... Тивериада... Акка... Бейрут... Стамбул... Братья вернулись в Россию только в 1844 году «...Так окончилось путешествие наше на Восток,— писали Чернецовы.— Идея о нем родилась еще в детстве нашем... Какое-то тайное предчувствие нас манило и постепенно приготовляло к сему, и не было оно напрасным: желание быть на Востоке осуществилось»

Газета «Северная Пчела» отметила возвращение художников: «Чернецовы совершили подвиг замечательный, важный и знают это только про себя... Без сомнения, просвещенная публика их поддержит...»

В предисловии к дневнику Чернецовы писали: «Окончив посильный труд свой «Путевые записки по Востоку», которые не что иное, как рассказ русских художников о виденном и слышанном ими в этом путешествии, и приведя все в порядок, путешественники присовокупили к сему рисунки, как более способствующие к объяснению многих предметов, для описания которых иногда недостаточно од[illegible]...»

Однако книга не увидела света. Попытка выпустить литографированный альбом также не имела успеха. Издание оказалось дорогим и невыгодным.

Шли годы, но материальное положение братьев Чернецовых нисколько не улучшалось. После «подвига замечательного» они остались в бедности. Да и кто они были? Сыновья безвестного богомаза из безвестного же городка Луха, Костромской губернии. По словам «Художественной газеты», в детстве братья «пытались попасть в семинарию, но не посчастливилось; дети остались при одной грамоте...» Григорий рисовал «сперва по стенам и заборам», пока его не заметил случайно заехавший в Лух П. П. Свиньин, считавший себя покровителем русских художников. Он устроил Григория «посторонним учеником» Академии. О Никаноре позаботился член общества поощрения художников В. И. Григорович. В юности братья жили бедно и работали от рассвета до заката. Так же трудились они и в старости. Григорий скончался в 1865 году. Скудных средств Никанора на похороны брата еле хватило, и ему было выдано «поощрение» в 300 рублей. Сам он умер в 1879 году в полной нищете.

В. В. Стасов в статье «Художественная статистика» привел длиннейший список живописцев из крестьян, солдат, ремесленников, рабочих, мещан. Под рубрикой «сыновья мещан» рядом с Крамским значатся Григорий и Никанор Чернецовы.

«Наши юноши-художники,— писал Стасов,— хватались за карандаш и кисть, выползая бог знает из каких нор и трущоб, шагая вперед через невесть какие беды, лишения и несчастья — все же шагали, все же доходили до того, что светилось им светлой звездой на горизонте».

БЕЗ СКАЛЬПЕЛЯ

В США построен микроскоп для изучения внутренних тканей человека. Аппарат состоит из двух связок проводников света. 10 тысяч миниатюрных стеклянных волокон умещаются в специальной игле, соединенной с микроскопом. Игла вводится в исследуемую ткань. Это устройство позволяет наблюдать за работой кровеносных сосудов ткани без надреза кожи.

ПТИЧИЙ ПРОГНОЗ

За последние семь лет в Голландии зарегистрировано 413 столкновений между птицами и самолетами, и если пернатые всегда гибнут в неравном воздушном бою, то и самолеты в результате столкновения часто выходят из строя.

Не мудрено, что летчики обратились за помощью к зоологам. Один из них, доктор Харденберг, попробовал применить на взлетных площадках запись криков испуганных чаек, сделанную в Соединенных Штатах. Но голландские чайки отнеслись к записанным на магнитофонную ленту крикам своих заатлантических сородичей с абсолютным спокойствием. Чайки, должно быть, говорили на разных языках. Тогда были записаны испуганные крики голландских чаек. На этот раз птицы вняли тревожным возгласам и каждый раз освобождали взлетную дорожку. Впрочем, чайки оказались довольно легкомысленными, и, как только грузовичок с громкоговорителем отъезжал на сотню-другую метров, птицы снова оккупировали аэродром. Пришлось установить вдоль взлетной дорожки семьдесят громкоговорителей.

Система акустического отпугивания птиц действует только на аэродромах. Столкновения в воздухе продолжаются. Доктор Харденберг считает, что в недалеком будущем придется ввести службу птичьих прогнозов, оповещающую летчиков о возможных скоплениях птиц в воздухе.

МАРС ПОД МИКРОСКОПОМ

Существует ли жизнь на Марсе хотя бы в форме бактерий? Профессор Ледербергер (Франция) разработал микроскоп, при помощи которого можно будет изучать состав марсианской пыли. Снимки, сделанные через микроскоп, будут переданы на Землю.

СТАНОК ИЗ ПЛАСТМАСС

Это уже не облицовка из синтетики, не деталь, не шестерня, не втулка — целый станок изготовлен из пластмасс. Польские конструкторы, авторы проекта, подсчитали, что новый станок в три раза легче металлических, значительно маневреннее. Синтетические материалы, из которых он построен, хорошо поддаются обработке, не требуют специального ухода: пластмасса не ржавеет. В массовом производстве станки нового типа обходятся много дешевле своих металлических коллег.

И еще одно преимущество синтетики. К машинам, как и к людям, применимо понятие «акклиматизация». Новые польские станки из пластмасс одинаково хорошо себя чувствуют на родине и в жарком тропическом климате, где воздух горячий и влажный.

Е. Ф. ГНЕСИНА.
Портрет работы В. Апфельбаума.

ЧЕЛОВЕК, УВИД

Знаменитый пианист Феруччо Бузони недолго был профессором Московской консерватории. Сетуя на «нерадивость учеников», он возвращался в Италию продолжать свою блестящую концертную деятельность. За границу для завершения музыкального образования у прославленных маэстро звал он и свою любимую ученицу Елену Гнесину, которой пророчил большое будущее пианистки-виртуоза.

Соблазн был велик для небогатой девушки из провинции. Да и концертная деятельность всегда увлекала ее. В ученические годы Елена много выступала в Москве и других городах, и студенческая аудитория, основной слушатель, всегда восторженно ее принимала.

Но, видно, музыка для девочки из Ростова значила больше, чем личная слава, успех, восторги, цветы, овации, богатство, всемирная известность... Сестры Гнесины — к этому времени уже трое окончили консерваторию — отказались от блистательного артистического пути во имя того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное.

Так в одном из тихих и, как обычно в старой Москве, извилистых переулков Пречистенки, именовавшемся Гагаринским, 15 февраля 1895 года появилась маленькая вывеска: «Музыкальное училище Е. и М. Гнесиных». «Е» означало Евгения, Елена и Елизавета. «М» — только Мария. Много волнений доставила эта вывеска владельцам. Хотя и прибили ее крепко-накрепко и очень высоко, всё беспокоились: а вдруг помешает прохожим? Не бывать тогда школе. Так и написал Елене Фабиановне обер-полицмейстер, когда пошла она к нему за разрешением открыть школу: «Вывеску повесить разрешаю с тем, чтобы она была крепко и плотно прибита к стене и не препятствовала проходящим. И. об. Московского Обер-Полицмейстера. Полковник...» Увы, подпись автора этого казенного манускрипта разобрать не удалось. Этим ограничилась забота царского правительства о Школе Гнесиных.

Но Гнесиных и это не обескуражило. Когда человеку двадцать лет и он очень верит в свое дело, даже обер-полицмейстер в качестве культуртрегера нипочем. Особенно, если в семье есть такой энергичный, решительный и храбрый человек, как Елена. В силу этих особенностей ее характера сестры единогласно возложили на нее, кроме преподавательской работы, миссию директора. Должность оказалась почти пожизненной — 60 лет провела Елена Фабиановна на этом посту. «Даже в анкете писать нечего»,— шутливо сетует она.

В том, как неуклонно, постоянно Елена Фабиановна Гнесина находится на своем посту, я убедилась в первый же свой приход в Институт имени Гнесиных.

Поговорив с ректором института Ю. В. Муромцевым, в прошлом учеником Елены Фабиановны, я сообщила ему о задании редакции побеседовать с Еленой Фабиановной в связи с предстоящим ее 90-летием и просила помочь мне встретиться с ней в любой удобный ей день и час.

— Это мы сейчас узнаем,— ответил Юрий Владимирович, берясь за телефонную трубку.

Через мгновение он уже передавал мою просьбу. Я же в это время приговаривала, что-де, мол, не обязательно на этой неделе, можно не той — словом, когда удобно, когда она будет хорошо себя чувствовать и прочие слова для собственного оправдания: нарушаю, мол, покой такого пожилого человека.

— Елена Фабиановна ждет вас у себя через пять минут!

Квартира Гнесиной находилась тут же, в институте. Спустившись на один этаж, я увидела на двери табличку: «Художественный руководитель Института имени Гнесиных, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Елена Фабиановна Гнесина». Старинная мебель, два рояля, очень много фотографий с автографами, по ним можно изучать не только историю русской музыки, но, наверное, всего советского искусства.

Елена Фабиановна — в большом кресле, рядом телефон.

— Без него никуда. Сейчас у меня горячая пора. Я ведь многодетная мать, хлопот уйма, а ходить не могу. Вот и приходится все утро проводить у телефона. Начинаем строительство нового здания училища. Разрешение получено, и место мы отвоевали тут же, рядом с институтом, но все равно дел еще масса...

Одного взгляда на раскрытую большую записную телефонную книжку, что лежала у нее на коленях, было достаточно, чтобы в этом убедиться: «Главмосстрой» — 3 телефона, «Моспроект» — 2, райсовет, райком, Моссовет...

— С архитектором еще надо поговорить. Пропустишь, потом не поправишь. А ведь здание особенное — музыкальная школа. Вот этот дом в 1944 году строили для училища, а в это время на базе училища был учрежден правительством Музыкально-педагогический институт, пришлось потесниться. Школу нашу семилетку тоже рядом пристроили, а десятилетка теперь размещается на улице Фрунзе — огромное такое здание; общежитие пятиэтажное для студентов воздвигли на проспекте Мира, концертный зал на 500 человек. Теперь в городе везде наши афиши — выступают учащиеся, студенты, аспиранты, выпускники, педагоги. Ведь только в институте 6 факультетов — 750 человек, да еще заочники... Видите, сколько у меня детей.

А я помню первый день на Гагаринском, когда мы только открыли школу. Мы так боялись, что никто не разглядит вверху нашу крепко прибитую вывеску. Но в первый же день пришла девушка — первая наша ученица. Потом появились и другие. Правда, их было немного, но это нас не обескуражило. Рассчитывать, что родители сами приведут детей в нашу школу, не приходилось, не то время было. Но музыке учить надо с детства, особенно одаренных, тех, которые могут стать профессионалами. На окраинах Москвы в поселках были школы-трехлетки для рабочей детворы, туда мы и направились. Расспрашивали директоров, учителей, разговаривали и слушали самих ребят. И нашли. Замечательных, талантливых детей отыскали. Не всегда удавалось уговорить родителей: одним затея казалась пустой, другим денег не хватало. Но когда узнавали, что плата небольшая, а некоторых, особо одаренных, мы соглашались учить бесплатно, стали приводить ребят. Денежные осложнения были не единственными. Не было программ, учебников, планов — все приходилось составлять самим.

При школе организовали хоры: женский — его вела я — и детский — для него репертуар писал Гречанинов. Иногда малыши вы-

ИЗ ТЕТРАДИ ПОЭТА

Константин МУРЗИДИ

Литературное наследие, оставленное Константином Гавриловичем Мурзиди, включает в себя и поэзию и прозу. В связи с 50-летием со дня рождения этого талантливого советского писателя мы печатаем еще не публиковавшиеся его лирические стихи.

ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

Поднимайся, ты же птаха ранняя,
Временем умеешь дорожить...
Снова смены, праздники, собрания —
Так ты жил, так будешь дальше жить.
И свиданья будут между сменами,
Если ты по-прежнему влюблен.
С виду никакими переменами
Ты не будешь очень удивлен.
И сады, и площади, и здания —
Все, как прежде, будешь узнавать.
Только жить начнешь ты с опозданием,
От других на годы отставать.
Но часы — за труд вчерашний премия —
Будут здесь, конечно, ни при чем.
В чем секрет? Тебе не хватит времени,
Если ты не будешь увлечен
Новым планом. Все, что было сделано,—
Все это на старом рубеже.
И вчера задуманное, смелое,
Нынче робким кажется ужѐ.
С ритмом жизни робкому не справиться.
Так смелей вступай за время в бой!
Это не указ, не речь, не здравица,
Это разговор с самим собой.

К Я Й

Тучам вряд ли ниже опуститься,
Но уходят, тают вдалеке...
Дождь прошел, заговорили птицы
На своем певучем языке.
Голубые дали расстояний

[illegible]

...ЭВШИЙ ВСХОДЫ

ступали с целыми музыкальными спектаклями; с огромным успехом прошла у нас детская опера Гречанинова «Теремок» и «Репка» Витачека. С не меньшим оживлением проходили и музыкальные вечеринки взрослых учащихся, которые мы устраивали неизменно в день основания школы после официального дневного концерта в Малом зале консерватории. Эта традиция сохранилась у нас.

Мы старались всегда, чтобы наша школа была не фабрикой музыкантов, а эстетически воспитывала молодежь. Прививала любовь к музыке, к искусству, к красоте и гармонии в жизни.

Недавно в Доме ученых проходил концерт моего бывшего ученика Юрия Сухаревского, я узнала об этом из газет. Писали, что он с огромным успехом играл Третий концерт Рахманинова, а ведь он не пианист, а профессор акустики. Но кто любит музыку, никогда ее не бросает.

У меня был очень талантливый ученик Витя Апфельбаум. Он блестяще окончил училище, но любовь к рисованию взяла верх, он пошел в Суриковский институт и стал художником, стал хорошим художником. Вот на стенах его картины: цветы, пейзаж, мой портрет. Но как бы много он ни писал, он никогда не бросал музыку, и я думаю, это она дала ему тонкое, ясное, чистое восприятие мира и умение красками передать это на полотне.

Воспитать у человека потребность в музыке гораздо важнее, чем научить его владеть инструментом.

Когда была гражданская война, разруха, голод, в школе не было дров. Но никто не уходил из школы, не уходил от музыки. Музыка в маленьком, холодном доме (школа помещалась тогда на Собачьей площадке) полнозвучно царствовала, согревала и одухотворяла нас.

В те годы при Наркомпросе организовали музыкальный отдел. Старшая Гнесина, Евгения Фабиановна, была назначена заведующей всеми музыкальными школами Москвы, на Елену Фабиановну возложили культурно-просветительскую работу. Но просветительство началось с заботы о нуждах музыкантов. Елена Фабиановна решила обратиться к А. В. Луначарскому. Они не виделись с тех пор, как Луначарский приезжал нелегально в Россию и останавливался у ее друзей. Прошло 25 лет, узнает ли?

«Анатолий Васильевич встретил меня с распростертыми объятиями. «Плохо живете! Почему не обращались раньше?» Я сказала, что живу плохо, как и вся музыкальная интеллигенция, что помочь необходимо всем, а не мне. Луначарский дал мне письмо к начальнику музо — и я поехала. Приехала, он не принимает. Я сказала: «Требую, чтобы меня приняли!» Тогда впустили в кабинет. Он даже не предлагает мне сесть. «Что надо?» «Надо, чтобы помогли голодающим музыкантам!» Никакой реакции. «Вот письмо от Луначарского». Сразу вскочил, усадил, все подошли, здороваются — вдруг узнали. «Что следует предпринять?» «Надо немедленно выдать рабочие карточки музыкантам!» — сказала я».

Назавтра карточки были выданы. Так Елена Фабиановна выполнила первую общественную нагрузку. Ну и, конечно, достала дров для своей школы. К этому времени она была национализирована, переименована во 2-ю показательную музыкальную школу (б. Гнесиных). А в 1923 году «Маленькая Московская консерватория», как именовали Школу в Москве, по просьбе студентов стала называться имени Гнесиных.

— В начале 1965 года будет 70-летие всей Школы Гнесиных, так что мне предстоят два юбилея. Только празднуй, работать некогда! Читать некогда!

...Читает Елена Фабиановна очень много. Ее привлекают самые разные книги. Да и в жизни, как я убедилась, ее занимают очень различные области.

Мы встречались три раза. И каждая наша встреча-интервью начиналась не с моего вопроса: я не успевала его задавать,— а с вопроса Елены Фабиановны. Эту по-молодому любознательную женщину интересовало все, она все хотела знать, и досконально.

— Вы читали это? (На коленях в развернутом виде кверху обложкой покоится томик «Ленин и книга».) Очень много интересного. А вы знаете писателя Сергея Сергеевича Смирнова? Я 8 марта прочла в «Правде» его рассказ о Катюше. Вы читали? Беспримерный героизм! Мне захотелось непременно написать этой женщине. Позвонила в Союз писателей, узнала телефон Смирнова, и вот видите...

Это было письмо к Елене Фабиановне из города Электросталь. Екатерина Илларионовна Михайлова-Демина (Катюша) благодарила Гнесину за теплое письмо, просила разрешения по приезде в Москву навестить ее.

— С нетерпением жду этой встречи.

А я смотрю на нее и думаю: каким же надо быть энергичным человеком, заинтересованным во всем происходящем, какой полной жизнью надо жить в 90 лет, чтобы вот так вникать во все вокруг, на все откликаться, реагировать, возмущаться и радоваться, поддерживать, бранить и одобрять!

Как эта кипучая, активная, насыщенная жизнь не похожа на ту, что нарисовала я для Елены Фабиановны, пока не переступила порога института. Не квартиры, а именно института, ведь это очень характерно для нее, что живет она здесь, в сердце института.

Елена Фабиановна показывает мне и другое очень важное письмо из Благовещенска от воспитанников — дорогой подарок к юбилею.

«Что написать о нашей жизни? Вся она — труд.

Кроме училища, часть наших выпускников работает в детской музыкальной школе. Читаем лекции и иллюстрируем их в университете музыкальной культуры. В педагогическом институте поставили оперу «Евгений Онегин».

Редкая музыкальная передача по телевидению обходится без нашего участия, играть приходится [illegible]

Я понимаю сомнение, возможно, возникшее у вас: а качество? Могу только твердо сказать: музыкантской чести мы не теряем. Аспирантские занятия мы вынуждены относить только на период каникул. Усталость иногда валит с ног, засыпаешь в кресле. Но есть и своя польза в этом — проба жизненной энергии и воли, и не только проба, но и воспитание».

Приятно читать Гнесиной эти строки, значит, все, что было когда-то задумано,— выполнено. Как мечталось — и музыкантов выучили и настоящих людей воспитали. Да разве тому доказательство только это письмо?

С каким удовлетворением и гордостью читает Елена Фабиановна газеты, где музыкальные критики восторгаются коллективом Большого театра («там главный дирижер Евгений Светланов»), концертами Льва Оборина и Зары Долухановой. Как по-матерински, словно о сыновьях, говорит об Араме Хачатуряне и Тихоне Хренникове — тоже гнесинцы — старшее поколение. А вот и самое младшее поколение — выпускники этого года. Еще один-другой экзамен, и разъедутся они по стране, в Якутск, Хабаровск, Темир-Тау, Нижний Тагил, Улан-Удэ, Ашхабад, Фрунзе, понесут традиции Школы Гнесиных...

Все ясней, все явственней встают.
За стеной играют на баяне
И чуть-чуть вполголоса поют.
И невиданное обаянье
Голосу и пенью придают
Робостью и скрытностью... Должно быть,
Только-только учится играть.
Что милее этой робкой пробы?
Только — нет, не следует скрывать...
Звуки попритихли и ослабли,
Вот уже не слышно ничего.
Я услышал птичий щебет капли
За окном и распахнул его.
Ярче вдруг зазеленела ветка.
В ярком платье, с зонтиком в руке
Вышла на крыльцо моя соседка,
Повернулась вдруг на каблучке
И взглянула, будто бы спросила:
«Разве не почувствовали вы,
Как сверкает молодая сила
В гордом повороте головы?
Разве мне откажешь в обаянье,
Разве догадаются друзья,
Что сейчас играла на баяне,
Робкая, неопытная — я?!»

ПИГМАЛИОН

Была невидная девчонка,
Но и не так, чтобы урод.
Бездумно взвихренная челка
И зверски выкрашенный рот.
И всякий хлам на ней нанизан,
Что не подступишься к нему.
И вся она была как вызов,
Быть может, богу самому.
И ведь нашелся смелый парень,
Как говорят, средь бела дня
Он расхрабрился и ударил,
И высек искру из кремня,
И осветил девчонку эту,
И сам горит на том огне
Который год, неся по свету
Любовь, заказанную мне.

РУЧЕЙ

От счастья, что ли, он лепечет
И все течет себе, течет...
Трава на взгорье стрелы мечет,
Неподалеку сад цветет.
И невдомек деревьям сада
Сказать хоть что-нибудь ручью.
...Мне ничего взамен не надо,—
Я счастлив тем, что я даю.

Виктор БЕЗОРУДЬКО

Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Три мушкетера из Сухих Млинцев

Юмористическая повесть

Виктор Григорьевич Безорудько родился в 1913 году в селе Хомутец, на Полтавщине, в семье рабочего.
С 1923 года живет в Лубнах. Там закончил семилетку, работал в литейном цехе завода «Комсомолец», потом учился в Харькове.
В. Безорудько часто печатает свои рассказы в журналах «Перець», «Крокодил», «Украина», «Смена» в украинских газетах.
Первая книжка В. Безорудько «Оноприй Минимум» вышла в 1957 году. Потом выходили сборники юмористических рассказов «Феномен», «Юмореска», «Солом'яний капелюх», киноповесть «Перше побачення». На русском языке издан сборник рассказов «Феномен» («Советский писатель», 1961).

I

Мартын Кныш посмотрел в зеркальце, вмазанное в стену. Когда-то было принято вмазывать в стены зеркальца, чтобы не падали.

Он посмотрел в зеркальце и подумал: «Знал бы, никогда бы не пил. И не нюхал бы. Куда теперь с таким носом?»

В зеркальце Мартын Кныш увидел свой сизо-красный нос, который уютно примостился между розовыми пампушками щек. Ну и нос! Срам один. Точно нельзя было сделать так, чтобы человек не стыдился собственного носа.

Конечно, Мартын Кныш преувеличивал. Нос как нос. Бывает даже хуже. Все на свете бы-[illegible]

Не так уж часто задумывался Мартын Кныш над своей внешностью. Не было для этого повода. А вот сейчас такой повод есть. Сейчас он пойдет свататься. Пойдет и просто скажет:

— Горпино, а давай жить вместе.

В тех случаях, когда идешь свататься, конечно, обращаешь внимание на свою внешность. И на свой нос. Когда у мужчины другие изъяны, их можно скрыть. А нос куда денешь? На виду он — в карман не запрячешь. Каждый может им любоваться и свободно разглядывать.

В тех случаях, когда идешь свататься или в любви объясняться, присматриваешься к себе. А в иные дни нет нужды это делать. Какой ты есть, таким и живи.

Когда мужчине, не испытавшему всех прелестей семейной жизни, уже за сорок и он вдруг решает, что ему пора познать все радости семейной жизни, поглядишь в зеркало. И к деду Омельке сходишь. Он тебе такую «польку» сделает, что в самой Польше такой «польки» не найдешь. Мастер дед Омелька «под польку» стричь (парикмахерской в Сухих Млинцах нет).

Даже побреешься лишний раз, когда идешь в любви объясняться и предлагать Горпине пойти замуж. Даже одеколоном на себя брыз-[illegible]

Но не брызгал на себя Мартын Кныш одеколоном — не было в доме. Иных запахов здесь порою хоть отбавляй, а одеколоном — нет, не пахнет.

Мартын Кныш посмотрел в окно. Солнце стояло высоко над овином. Весною солнце всегда садится за овин. Летом оно все вправо клонится, а зимою садится вон там за вербами, что у Многи (Многа — речка такая, в Удай впадает). «Рано еще идти,— подумал Мартын Кныш и подсел к столу,— пускай солнце за овин сядет».

Мартын Кныш сел к столу и окинул взором хату. Когда мужчина собирается жениться, он обязан критически осмотреть свою хату. А то как же! До сих пор он здесь один жил, а теперь они вдвоем жить будут.

Печь — вот главное в хате Мартына Кныша. Хорошая печь, просто замечательная. На полхаты. Внизу — подпечек; он похож на малюсенький туннель метро. Лишь мозаики там нет, и никто не изваял людей умственного и физического труда. И никто там не бывает, кроме мышей.

Повыше — карнизик. А еще выше — маленькие ниши. Там покойная мать держала спички и соль,— чтобы все под рукой было. Вытащишь из печки горшок с борщом и, пожалуйста, соли. Вот здесь же, прямо под рукой, соль.

Нет, печь хорошая. Горпине понравится такая печь.

Мартын Кныш посмотрел на полати. Удобная вещь полати. Распаришься на печи — спустись на полати, прохлаждайся, набирайся сил, спи. Жестко, конечно, зато просторно, как в степи.

Теперь во многих домах выкинули полати — не те времена, чтобы на полатях спать. Лучше в кровати: на пружинах мягко. Лежишь себе, а пружины играют, словно струнный оркестр.

Кто знает, может, Горпине не понравятся полати. Может, она сразу же заявит, что на кровати желает спать? Ладно, он купит кровать с никелированными финтифлюшками. Купит, как только в кооперацию привезут, так и купит. Это и в самом деле должно быть очень интересно — спишь и струнный оркестр слу-[illegible]

Затем Мартын Кныш посмотрел на сундук. Прекрасный сундук, ни у кого в Сухих Млинцах нет такого сундука. Обит железом, а на железе

изображены лошадки и петушки: одна лошадка, один петушок, одна лошадка, один петушок. Очень красиво.

В этом сундуке покойная мать привезла свое приданое. К сундуку он привык, нет, его он не выбросит из хаты. Теперь, правда, не возят приданое в сундуках, теперь возят на автомашинах: шкафы, радиолы, буфеты. Сундуки теперь забыты.

Под лавкой около дверей — вербовый чан. О чане ничего хорошего не скажешь. Дрянной [illegible]

Захочет ли Горпина войти в его дом с полатями и дрянным чаном? Может, подавай ей тут же радиолы, шкафы и всякие буфеты? Все может быть. Кто их поймет, этих женщин? Мартын Кныш как-то не успел приглядеться к ним. И прожито немало, а не успел.

Без любви ни один человек не проживет. Хоть раз в жизни человек должен кого-нибудь полюбить. А то как же! Закон природы.

Когда Мартын еще парубковал, он однажды почувствовал нечто похожее на любовь. Как-то грустно и весело становилось у него на душе при встрече с Оришкой Мацаренковой. Однажды, когда на посиделках погасили коптилку (на посиделках всегда кто-то гасит коптилку), Мартын Кныш попробовал обнять ее. Она прильнула к нему и шепотом спросила:

— Это ты, Миколо?

— Мг-мг,— ответил Мартын Кныш.

Ему очень больно было, что он не Микола. Но так хорошо было обнимать Оришку Мацаренкову, сердце так стучало. А она все крепче прижималась к нему, все крепче.

— Ой, да это же Мартын! — вскрикнула Оришка Мацаренкова и отпрянула от него, точно обожглась.

На том и кончилась любовь. Первая, самая горячая. Поломался закон природы, точно воз на колдобине.

После этого Мартын Кныш одиноко блуждал по леваде. Грустил, слушал пение соловьев, страдал. Стихов, правда, не писал; хотелось, но не писал. Он и не догадывается, как ему благодарно за это человечество.

Вышла Оришка замуж за Миколу. Ладная была дивчина, красивая. И вышла за Миколу.

Любил когда-то Мартын Кныш — закон природы,— но больше не пожелал. Потому и не знал женских прихотей. Может, Горпина Горюн и вправду скажет:

«Подай мне кровать с никелированными финтифлюшками. И чтобы играла, как струнный оркестр. А полати — на дрова! И чан из хаты вон!»

Мартын Кныш посмотрел на овин. Солнце уже задело краешком гнездо аиста.

Пожалуй, пора идти. Сейчас Горпина будет возвращаться со свинофермы домой. Он ее встретит и все скажет. Ежели хочет выходить замуж, то нечего фордыбачить. До каких же это пор можно во вдовах сидеть? Эдак и засидеться не мудрено, никто тогда уж не посватает. Да и женихов не так уж много в Сухих Млинцах. Село маленькое. За кого тогда пойдешь, кому ты тогда нужна будешь?

Больше Мартын Кныш не пожелал глядеть на себя в зеркальце, вмазанное в стену. Зачем себе портить настроение, когда ты идешь свататься к вдове Горпине Горюн?

II

Он шел совсем медленно, Пилип Одудько. Точно ему жали большие, серые от пыли башмаки из юфтовой кожи. Продают еще такие башмаки в магазинах. С того дня, когда человек получает бессрочный паспорт, в таких башмаках можно ходить до того дня, когда паспорт сдают в загс.

Не ноги болят у Пилипа Одудько — болит у него голова. И не с похмелья: вчера не пил. Позавчера пил, но всем известно, что на третий день никакого похмелья не бывает. От дум болит голова, как будто кто-то набил ее кирпичами да еще кельней придавил.

За спиной Пилипа Одудько мешок. В мешке — топор, дрель, бурав и ватерпас. Ничего больше в мешке нет. Никаких гостинцев жене и детям он не несет. Нет такой манеры у Пилипа Одудько гостинцы и подарки дарить.

Нелегко сейчас Пилипу Одудько возвращаться в родное село. Он оставил его, когда укрупнялись колхозы. Он тогда выступил на собрании и сказал, что не желает, чтобы колхозы

укрупнялись, им и без укрупнения живется хорошо. Да и ничего не получится из этого укрупнения. Не послушались его — укрупнились. И он ушел из села.

Ан, видишь — получилось. Живут хорошо, даже лучше, чем до укрупнения. И зачем он тогда сказал, что ничего не получится? Какой черт его тогда за язык потянул?

Если бы черт не потянул тогда Пилипа Одудько за язык, жил бы в селе, как все, около своей быстроглазой Евдохи. А то пришлось бросить все к черту. Надо же было доказать, что он, Пилип Одудько, слов на ветер не бросает.

Ушел тогда Пилип Одудько из родного села в город плотничать. Плотник он отменный. Пошел халтурить. Бригаду такую в районе нашел — халтурщиков. Кому дом поставить, кому сарай — бригада халтурщиков тут как тут. Лишь бы платили да магарычи ставили. Если, бывало, подряжались, то о магарычах обязательно договаривались. Когда тебе дом ставят, не пить же за свои, ты и ставь. Сохи закопали — ставь, стропила возвели — ставь, матицы уложили — тоже ставь. Тогда и работать будут хорошо. Не за свои же пить, когда тебе строим.

Зимою, правда, Пилип Одудько возвращался в Сухие Млинцы. Он не басурманин какой-нибудь, не нехристь или какой-нибудь забулдыга. Ни к кому в городе в примаки не шел. Он свою Евдоху почитает — законная жена, в церкви с ней обвенчаны. Бывало, конечно, ударит. Под пьяную руку, если подвернется, то ударит. Норовистая она у него. Такую, если не бить, то она тебя бить будет. И вообще, тогда неизвестно, кто глава семьи. Так уж заведено: глава — муж, и ты не возражай ему, не возражай. А то хуже будет.

Он, видите ли, сказал, что ничего из этого укрупнения не получится, а она, законная жена, обвенчанная с ним в церкви, пошла работать дояркой. На рядовую пускай бы работу определилась, еще куда ни шло. Так нет, дояркой пошла. Потихонечку работала бы: день на работе — неделю дома. Так нет — на постоянную, на ферму, в доярки.

Пошел как-то Пилип Одудько на рынок. В райцентре он по воскресным дням всегда на рынок ходил. Там, как в театре,— все люди на виду. Идет он, ан, глядь — на него Евдоха смотрит. Как живая смотрит с портрета. Гордая такая, голова приподнята, даже немного улыбается. А под портретом подпись: все, мол, равняйтесь на маяка.

Это его Евдоха — маяк? Это она — лучшая доярка района? Дожили! В передовые, значит, полезла. И улыбается на весь рынок. Допрыгалась. Активистка. Был бы он в селе, он бы ей показал, как в маяки лезть.

Она маяк, а он что? Он кто такой, черт побери? Но нет. Ты перед мужем своим будь передовой, с ним ты в церкви обвенчана. А то, вишь, на базаре всем улыбается, еще и Евдохой Ивановной величают. По отчеству, значит, зовут, почет! А он что такое? А он кто такой?

Никому тогда в бригаде халтурщиков ничего не сказал Пилип Одудько, смолчал. Совестно как-то. Но по вечерам он как бы невзначай ходил на рынок смотреть на свою жену. На [illegible]

А потом не выдержал. И вот идет домой, к своему маяку, в свое село.

Еще задолго до этого он как-то на рынке встретил Мартына Кныша. Мартын карасями торговал.

— Ну как там? — спросил Одудько.

— Потихонечку,— отозвался Мартын Кныш,— может, по сто грамм?

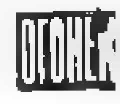
Потом, уже после первой стопки, Мартын Кныш сказал:

— Осел, значит, в городе. А твоя там такой стала!

— Какой?

— Такой. По сто рублей в месяц получает. Вот какой. Новыми.

Прямо в сердце запали эти слова. Сто рублей получает доярка в Сухих Млинцах. Его жене! Сто! А он что имеет? Ничего подобного

у него и в помине нет. Собирал деньги целых два месяца, а затем линия такая пошла — пропил все до основания. Все восемьдесят рублей пропил за пять дней.

И пропьешь, когда живешь бобылем, словно у тебя нет ни родных, ни жены. Пропьешь.

Потом Пилип Одудько еще бывал на рынке. И еще захаживал. Наконец ему надоело смотреть на портрет, хотелось живую увидеть. Хотелось на свою быстроокую Евдоху вблизи поглядеть и голос ее услышать.

А сто рублей в месяц — это просто поразительно. Чтобы в Сухих Млинцах по сто рублей дояркам платили! Он сказал: ничего не получится. А вот получилось.

Пилип Одудько поднялся на бугор. Сухие Млинцы лежали перед ним, как яичница на сковороде: справа левада, слева село. Вдоль села текла Многа (в Удай впадает). А там вдали — свиноферма. Без него поставили. Кирпичная и шифером крытая. А в другой конец села посмотреть — там другая ферма. Метефе. Там на молочнотоварной ферме Евдоха маяком работает.

Пилип опустил мешок на траву, сел на него и закурил «Север». Что же теперь в селе скажут? Когда зимою приходил, никто ничего не говорил: каждому ясно — зимой Пилип Одудько отдыхает. Кто же зимою дома строит? А сейчас весна. Зачем, подумают люди, Пилип Одудько пришел? Может, подумают, он пойдет в контору на поклон и скажет, мол, каюсь, я такой-сякой и еще вот какой, простите меня грешного и возьмите на работу. Как бы не так, дожидайтесь! Никогда Пилип Одудько не будет землю лбом колупать, никому он не будет кланяться. Он мастер, плотник, пускай ему кланяются, пускай перед ним лбом землю колупают. А он еще подумает, идти ли ему в колхоз работать или нет. А Евдоху надо проучить. В активистки полезла, в маяки. Не лезь, говорят тебе! Ишь!

Докурив «Север», Пилип швырнул окурок в траву, поднялся, затоптал его тяжелым башмаком из юфтовой кожи, с маху бросил мешок на плечо и пошел.

Он шел тропинкой, проложенной в озимых. Каждый год тропинку эту распахивают и каждый год протаптывают. Привыкли люди напрямик ходить через поле в село. Но Пилип Одудько не пошел в село. Вот так он и пойдет улицей на виду у всех: дескать, смотрите, люди, я вернулся.

Пилип Одудько свернул к леваде. Давно не был на леваде. Крепкие запахи явора, осоки, жабника ударили в нос. В городе он совсем отвык от таких запахов. Там асфальтом и дымом пахнет, жабник там не растет.

«Хорошее сено будет,— подумал Пилип Одудько,— трава уже выше щиколок».

И еще он подумал:

«Любопытно, дома ли сейчас Евдоха? Хорошо бы она на ферме была. Тогда вечером можно было бы сказать: «Ходишь, шляешься?! Как будто у тебя мужа нет!» Если же она дома, ничего такого не скажешь. Поздороваешься, и все».

По тропинке навстречу шла молодуха. Кто это? Не иначе Онуфрия Каленика Оришка. Так и есть, несет ее нелегкая. Думал никого не встретить, а она идет да еще улыбается. А как же! Сразу все село узнает, что он пришел. Радио, а не женщина, последние известия.

— Здравствуй, Пилип. Откуда это ты? — остановилась Оришка.

Она улыбается толстыми губами, а глаза так и бегают, так и щупают Пилипа. Больно уж любопытна, все ей знать надо.

— Откуда ни иду, лишь бы пришел. Здравствуй, Оришка! Как твой Онуфрий?

— Живет Онуфрий, живет. И округлился прямо, как пуд. А ты надолго или как?

— Будь здорова,— ответил Пилип Одудько и обошел вредную бабу.

С ней только заговори! До вечера стоять будешь и не наговоришься.

Но Оришка Каленикова не сразу ушла. Она постояла, подумала и уже вслед Пилипу крикнула:

— Так ты ж приходи. Вот мой Онуфрий рад будет, вот обрадуется. Приходи, Пилип.

Зайдя к себе во двор, Пилип посмотрел на грядки.

Хорошие грядки. Она хоть и маяк, а дома порядок. Лук вот уже какой. И чеснок чуб свой греет на солнце. Он, Пилип Одудько, очень любит молодой чеснок. И врачи говорят: в нем такая сила, в молодом чесноке-то, что, когда будешь его есть, никакие раки тебе не страшны. Да и прочие болезни будут убегать от тебя, как кошка от собаки. Такая в нем сила, в молодом чесноке. Но почему она посадила его посреди огорода? Ведь он еще осенью распорядился — под плетнем, а она все по-своему. Ну и норовистая, ну и вредная же Евдоха! Нет, учить таких жен надо!

В сенях Пилип Одудько бросил мешок с инструментом на пол и прислушался: что это стрекочет? Что там такое, интересно знать, стрекочет и стрекочет?

Открыв двери, Пилип замер на пороге. Возле швейной машины сидела Евдоха и шила.

«Швейная машина уже есть,— подумал Пилип Одудько,— вишь, без согласия мужа тратит деньги». Но ничего, он ее научит.

Увидев мужа на пороге, Евдоха не поднялась, не бросилась его обнимать. Она только широко раскрыла свои черные очи, удивленно подняла свои черные брови, и на ее красивом лице, точно таком же, что висит на рынке, промелькнула улыбка.

— О, это ты, Пилип! Такого гостя я и не ждала. Сказал же, что только осенью возвратишься.— И тут, после этих слов Евдоха поднялась и пошла навстречу мужу. Она шла и смотрела ему прямо в глаза. Так внимательно смотрела, что Пилип не выдержал и тоже улыбнулся. Нет, черт возьми, красивая-таки у него Евдоха! Такую и рисовать можно, и портреты вывешивать на всех рынках. Пускай знают, какая у него, Пилипа Одудько, жена. А фигура какая! В городе, там нарочно так одеваются, чтобы фигуру показать. А его Евдохе вовсе не нужно как-то там особенно одеваться. Кто ни поглядит, скажет: красивая. И фигура видная.

Пилипу Одудько хотелось обнять жену и сказать ей что-то такое хорошее, как в кино. Но он сказал только:

— Шьешь, значит?

— Шью,— ответила Евдоха и опустила руки. Она тоже хотела обнять своего мужа, но потом передумала и руки опустила.— Девочкам платьица шью.

— Купила, значит, машинку?

— Премировали. На районном совещании в городе.

— Это хорошо, что премировали. А я думал, купила.

— А тебе там в городе не дали премии? — спросила Евдоха и улыбнулась. Она прямо смотрела в глаза Пилипу, своему законному мужу, и улыбалась.

Пилип Одудько сдвинул брови. Вишь, уже насмехается. Его маленькие глаза под густыми бровями загорелись, а скулы начали ходить ходуном. Желваки зашевелились, точно они перемалывали эту улыбку жены.

— Не премировали,— ответил Пилип Одудь-[illegible]

Велико было искушение тут же подойти и пнуть ногой машину. Но нет — нельзя. Дорогая вещь. Нельзя. Вот она платьица шьет дочуркам, а он хочет ногой пнуть. Нельзя пинать.

— Может, спросила бы мужа, не хочет ли он есть,— гневно взглянул Пилип Одудько на жену. Он грозно усмехнулся и добавил:— И выпить. Забыла уже, как мужа почитать? В маяки пошла.

— И пошла. И еще пойду. А как прикажешь себя почитать, как гостя или как хозяина?

— Поговори мне!

— Послушай, Пилип. Если бы ты не приехал ко мне, я бы отправилась в город, я бы тебя под землей разыскала. Скажу прямо, чтобы не разводить канитель: если хочешь быть законным мужем и отцом, то живи с нами, а если хочешь шататься по отхожим промыслам, то не возвращайся.

Пилип Одудько тяжело вздохнул, стремясь выдохнуть ярость, которая подкатила к горлу. Вздохнуть-то вздохнул, но ярость осталась. Выходит, что не он Евдоху, а она его поучает. «Не возвращайся!» Ишь, как мужа почитает! Ей все равно, возвратится ли он или нет. А может, другого уже завела? Вишь, намекает, чтобы не приезжал. Есть, должно быть, кто-то другой. Он сжал кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони. При этом Пилип сам почувствовал, какие они, кулаки, у него тяжелые. Ну нет, только не сейчас, немного погодя. Он научит уважать законного мужа, с которым она в церкви обвенчана.

— Обедать! — гаркнул Пилип Одудько, да так громко, что стекла в окнах зазвенели.

Хотя, если правду сказать, ему сейчас вовсе не хотелось обедать. Сейчас ему хотелось обнять Евдоху, как тогда, когда они возвратились из церкви и сбежали от всех в клуню.

— Обедать! — уже тише произнес Пилип Одудько.— И бутылку поищи.

III

Всю свою жизнь Онуфрий Каленик считал, что он совсем случайно родился в Сухих Млинцах. Ему вовсе не пристало тут жить и кормить комаров у Многи.

Ему бы в город. Не в какой-нибудь там райцентр, а в большой город. Может, даже в столицу. Ему следовало бы жить там, где культура кипит, где ходят в универмаги, играют в футбол и ежедневно смотрят всевозможные балеты и кино. Там ему следовало бы жить, а, поди ты, в Сухих Млинцах родился, здесь и погибает, здесь и кормит комаров у Многи.

Онуфрий Каленик имел основание так думать. Уж кто, кто, а он в городе нашел бы к чему руки приложить и применить свои способности. Не обязательно, конечно, министром быть; можно заместителем, можно даже где-то потихонечку в канцелярии сидеть и бумажки пописывать. И там бы его заприметили. А как же! И выдвинули. А в Сухих Млинцах никто его не хочет замечать и выдвигать. Да и некуда: кругом уже полно, навыдвигали. Только его не заметили.

Смотрел на мир Онуфрий Каленик маленькими глазами, цвета болотной тины. Круглое, словно арбуз, лицо, тонкие губы, ироническая улыбка подчеркивали, что он принадлежит к существам высокоразвитым и что его мозг состоит из четырнадцати миллиардов клеток. А может, не четырнадцать, может, даже больше. А может, каких-нибудь двух миллиардов клеток и не хватает. Кто их считал?

Сейчас Онуфрий Каленик сидит возле старой груши и курит самокрутку. Табак свой, а газета — областная. Он специально выписывает областную газету «Зорю Полтавщины», чтобы быть в курсе, и кроме всего прочего, табак в ней становится не таким ядовитым. А в «Известиях» завернешь — курить невозможно: жжет табак. Он, Онуфрий Каленик, сидит сейчас под старой грушей и размышляет. До чего же красиво цветет нынче вишня! Хороший урожай будет. А сколько за вишню выручить можно, если повезти ее в Москву!! Его давно уже сильно беспокоит то, что москвичи, жители столицы, передовые люди, вишни не едят, даже не видят ее. Правда, доставляют в Москву на самолетах. Но разве на самолетах навозишь, когда их там в Москве столько миллионов? Вот ему бы самолет! Нагрузил бы, включил реактивный двигатель и со скоростью звука — вперед! Поднялся бы над домом, помахал Оришке рукой, мол, не грусти — и курс на Москву.

Хоть бы скорее уже разоружались. Тогда, может, начнут самолеты продавать. А почему бы нет? Без вишни же сидят в Москве. Что это за жизнь, когда летом не поешь вареников с вишнями и со сметаной? Еще сахаром присыпанные. Что там в Москве за жизнь без таких вареников! Культуры там, конечно, много, а вареников нет. Сколько в телевизор ни смотри на балеты, сколько в кино и зоопарки ни ходи, а вареников с вишнями все равно хочется.

— Онисьо, Онисьо, поди-ка сюда! — крикну-[illegible] Оришка.

Онисьо — это он, Онуфрий. Так его жена зовет. Так нежнее, красивее. Онуфрий как-то не так звучит, а Онисьо — красиво. С первого дня замужества жена его так зовет — Онисьо.

— А что там? — спросил Онуфрий, не подымаясь с колоды.

— Обедать будем,— отвечает Оришка,— и новостей целый мешок принесла. Да иди же, Онисьо!

Ишь какая у него жена, Оришка! Словно только искупалась, словно она не бураки сейчас прорывала, не спину гнула, а где-то там разалелась — такая она чистенькая и хорошенькая. От всех женщин Сухих Млинцев Оришка Каленикова отличается тем, что вот уже двадцать лет любит своего мужа и никогда с ним не ссорится, никогда не ругает, будто они вчера только обвенчались. И смотрит на него такими же глазами, что и в первый

день после свадьбы. Ох, как она любит своего мужа, Онисьо! А почему? А потому, что с ним весело. С таким не заскучаешь. Он всегда придумает что-то интересное. И еще — он ласков, как сытый кот. Только погладь его, так и прижмется к тебе, так и замурлычет.

— А новости такие,— налила Оришка борща в миску, в одну на двоих (они всегда из одной миски едят),— Пилип Одудько вернулся. Сама видела. Шел грустный такой, хотел меня обойти. А я его спросила: надолго ли? Говорит: недолго. Как, спрашиваю: в колхоз или, может, так — погулять? Молчит. А чего молчать, а? Ты говори честно, когда тебя спрашивают. Думаю, что, должно быть, в колхоз. А куда еще денешься? Привык там баклушничать, в городе. А тут ведь у него жена, дети. Да какая жена! Она уже маяк. На работе у нее все под руками горит. Такая жена, что орденом могут наградить. А он без дела околачивается.

Ели борщ, вкусный, с солониной. Перед пасхой кабанчика закололи. Вкусный борщ.

— Взвару тебе налить? — спросила Оришка.— Или, может, молока выпьешь?

— Взвару.

— Нут-ка, расскажи что-нибудь, Онисьо. А то мне уже на работу пора. Еще четыре рядка нужно сегодня пройти. А свекла у нас в звене на славу! Только бы какая-нибудь нечисть ее не попортила. Рассказывай, отчего ты такой грустный.

И Онуфрий рассказал, как бы хорошо было, если бы все стали разоружаться. Может, тогда самолеты будут продавать. Тогда москвичи уже наедятся вишни. А что, в самом деле? Когда при коммунизме кто-нибудь пожелает иметь свой собственный самолет — пожалуйста, бери. Вот тебе самолет, летай сколько душе твоей угодно. Вези вишню продавать в Москву, а хочешь — в Ленинград. Там, небось, давно уже забыли вкус вишни: своей-то нет. Но ничего — потерпят. Может, все-таки начнут разоружаться, тогда он вишню повезет.

— И ты бы полетел? — спросила Оришка и с любопытством поглядела на мужа.

— А почему бы нет? Полетел бы и тебя с собою взял.

— Ой, страшно! — сказала Оришка.— Я не хочу, я лучше пешком пойду.

Онуфрий отхлебнул взвара и рассмеялся.

— Самое страшное место на земле — это печь.

— И вовсе нет. На печи... Ой, да что это мне в голову взбрело! Даже в краску бросило.

Хотя Оришка нисколечко не покраснела, однако Онуфрий понял, что именно ей в голову взбрело.

— А где, по-твоему, люди умирают?

— Где смерть найдет.

— Ну, а где она больше всего их находит? То-то же. Ну как, поняла теперь? На печке больше всего умирают люди. А мы ведь не боимся там спать.

Оришка не сводила глаз с мужа. Ну и умница же он у нее! Когда-нибудь он все же выбьется в люди: такое придумать — на печке страшно. Страшнее, чем на самолете. Но что там ни говори, а она печки не боится. Вдвоем на печке не страшно. Это тебе не самолет.

Главное, чтобы он никуда не ходил. Пускай сидит дома и кабанчиков кормит. А то ежели пойдет, какую угодно молодуху заговорит. Сразу же найдет себе другую. Не такую, которая на рядовых работах трудится. Чего доброго, ветеринаршу заговорит. Ведь незамужняя ходит по селу, даже совестно. Ей, должно быть, уже лет под тридцать, а она одна ходит по селу и чужих мужей смущает. Замечательная женщина, эта ветеринарша, и умница, а замуж не вышла. Говорят, инженера любит, но он не хочет в село выехать. Не хочет — значит, не любит.

— А что там еще люди говорят? — спросил Онуфрий.

— И не спрашивай. Говорят, из управления какой-то приезжал, инструктор и еще организатор. Такого наговорил! Я, правда, не слышала, в звене передавали. Страх один!

— А что там такое?

— Говорят, сказал, что кто не работает, тому и места нет у нас. Тот и есть, говорят, не должен. Закон такой вышел. Вот как! Хоть бы тебя не трогали, Онисьо.

— Если всех трогать будут, то и меня не минует. Закон! В конституции имеется. Записано там.— Онуфрий пожевал грушу и добавил: — Закон. Придется идти работать.

— Боже ж ты мой! Кому нужна эта работа. У нас всего вдоволь, хватит на двоих. Сиди уж дома! А может, поговорят и забудут, может, и на этот раз как-нибудь обойдется?

Онуфрий Каленик знал, что скажет жена. Он знал, что она и про ветеринаршу думает. Больше всего Оришка опасалась, что муж пойдет на работу, а там этих молодух и девчат! Известное дело, мужчин после войны мало осталось, а их, женщин, много! Как тут не бояться! Нет, пускай уж лучше дома сидит.

Онуфрий Каленик закуривает самосад и, чтобы подразнить жену, начинает рассуждать:

— На работе вроде веселее — кругом люди. А здесь, дома, одни только куры и кабаны. Надоело!

Он говорит, а сам наблюдает за Оришкой, у которой глаза начинают зеленеть. Задел-таки за живое. Когда она сердится, у нее всегда глаза зеленеют. Ну и пускай немножко посердится. Крепче потом любить будет.

Онуфрий Каленик выходит из хаты. Не к груше идет он: солнце клонилось к закату, и там, под грушей, холодка уже нет. Он идет под вишню. Курит самосад и вспоминает, как вскоре после войны его избрали председателем колхоза. Да, была жизнь! Поработал он тогда для общества. Но потом переизбрали. Сказали, не ту линию взял. А линия была правильная. Законная. Половина государству, половина — себе. А как же? А то все государству сдавай, а крестьянину что? Нет, правильная была линия. Планы давали. А какие могут быть планы, когда никто не знает, уродит или нет?

Ну, а потом секретарем сельсовета пошел. Тоже неплохая работа. Хорошая работа, даже интересная. Да еще когда почерк красивый. И люди относятся к тебе с уважением. А как же! Кому справку напишешь, кому заявление. Конечно, люди довольны. Почерк у него хороший. Жалобам тоже давал ход. Ну, и уважение отовсюду. Все на свадьбу зовут: он-то регистрирует. И на крестины: он метрики выписывает. И на поминки, конечно, тоже. Кругом уважение было.

Затем укрупнились. Сперва колхозы, а потом и села. А Онуфрий Каленик не укрупнился. Он остался в Сухих Млинцах кормить комаров у Миоги.

Жаль, очень жаль. Ведь он и не рабочий и не колхозник. Он прослойка. Он интеллигент, если хотите знать. А куда в Сухих Млинцах прослойке деваться? Как-то назначили его учетчиком в бригаду. Но разве это работа для прослойки? Ходишь и меряешь. А прослойке положено за письменным столом сидеть и бумажки писать.

Вдруг Онуфрий Каленик представил себе такую картину: он где-то за тридевять земель от Сухих Млинцев, в том месте, где оказались те, кто не работал, а ел. Что они там делают? Для прослойки там, должно быть, нет подходящей работы. Видимо, лес валят для народного хозяйства. Факт — лес. В тайге валят деревья и обрубают сучья. А затем к речке трелюют, тракторами, конечно. А валка леса и обрубка сучьев—это уже вручную. И он там. Может, этот инструктор и организатор действительно правду сказал. Вот и газеты уже пишут: довольно, мол, лодырей воспитывать, довольно их агитировать. Те, кого можно было сагитировать, уже сагитированы, а тех, что остались,—учить надо.

Но то о городских стилягах пишут. А он не стиляга. Он даже вот какие штаны носит — почти в два полотнища. Но и за него могут взяться. Выселят — и все. А как же Оришка? Как его жена, хорошенькая, тепленькая! Она как? Плакать будет? Конечно, будет плакать. Но потом привыкнет. К нему привыкла, и без него привыкнет.

— Онисьо, не забудь к Пилипу сходить. Интересно же, совсем ли вернулся, или так. Сходи, а потом расскажешь. А я в поле.

Тут только Онуфрий Каленик опомнился и заметил, что цигарка погасла. А клятый комар все же укусил его в нос.

Авторизованный перевод с украинского
В. ДОРОНИНА и А. СЕМЕНОВА.

Продолжение следует

Я. МИЛЕЦКИЙ Фото Н. ТУНКЕЛЯ.

Пусть заголовок никого не введет в заблуждение: это не детектив.

Бриллианты, о которых пойдет речь, появились на свет божий всего какой-нибудь десяток лет назад, после того как в Якутии были открыты на огромной площади богатейшие месторождения алмазов. Геологи именуют этот край «алмазной провинцией».

Якутские месторождения алмазов не уступают по качеству всемирно известным в Южной Африке, которая в течение долгого времени была основным поставщиком алмазов на мировой рынок.

А бриллианты — это и есть алмазы, но ограненные и отшлифованные, отчего они становятся сказочно красивыми, переливаются всеми цветами радуги, словно вобрав в себя частицу солнечного света.

Эти драгоценные камни известны человечеству еще с глубокой древности. Правда, алмаз принадлежит к числу весьма редких минералов земной коры. Встречается он в виде хорошо образованных кристаллов и притом разной величины — от мельчайших до очень крупных, весом в тысячу каратов (один карат равен двум десятым грамма). Крупные камни настолько редки, что им даже присваиваются собственные имена. Ценятся они очень высоко, причем стоимость их возрастает не пропорционально весу, а в геометрической прогрессии.

Когда говоришь об алмазах и бриллиантах то ли с геологами, то ли с ювелирами, разговор всегда заходит об исключительных свойствах, которыми природа наделила эти камни, об их уникальной твердости, волшебном блеске и чарующей красоте. Арабское слово «ал-мас» означает «твердейший», а греческое «адамас» — «непреодолимый», «непобедимый», «несокрушимый». Свойства алмаза и редкость его месторождений придали этому камню ореол таинственности. О нем было создано множество легенд и преданий.

Да, и вправду биографии некоторых бриллиантов были занятными.

...Алмаз «Орлов» весит 200 каратов. Сейчас он хранится в алмазном фонде нашей страны и стал народным достоянием. Некогда он украшал трон шаха Надира, но по преданиям был украден в 1747 году одним солдатом и после долгих приключений неведомыми путями попал в Амстердам. Граф Орлов купил его у купца, отвалив тому 450 тысяч рублей и пожаловав ежегодную ренту в четыре с половиной тысячи рублей серебром.

Во времена Екатерины бриллианты ценились особенно высоко. Придворная знать, вельможи и дворяне не скупились на деньги, лишь бы украсить драгоценностями свои костюмы и платья.

Орлов приобрел бриллиант для Екатерины. Императрица не осталась в долгу перед своим любимцем. Она пожаловала Орлову костюм, осыпанный множеством бриллиантов, оценивавшихся в миллион рублей.

Другой екатерининский фаворит, князь Потемкин, завел себе шляпу, унизанную столькими бриллиантами и другими драгоценными камнями, что из-за тяжести он не мог ее носить на голове. Специальный адъютант шествовал с шляпой на церемониях следом за своим господином.

В алмазном фонде СССР хранится и бриллиант «Шах», который весит 87 каратов. В древности этот бриллиант, как и «Орлов», был найден в Индии, потом перевезен в Персию. В Россию бриллиант этот попал в 1829 году — как возмещение за убитого в Тегеране русского посла, великого писателя А. С. Грибоедова.

...Среди якутских алмазов много прекрасных камней, без трещин, без посторонних примесей, совершенной формы и чистой воды, — именно такие и применяются в ювелирном деле.

Самые крупные якутские алмазы весили: один — 32,5 карата и другой — 54,14 карата. Недавно в «Трубке мира» нашли алмаз в 51 карат и назвали его «Валентина Терешкова».

Я побывал на фабрике, где делаются бриллианты.

— А каким был самый большой бриллиант, над которым вы работали? — спросил я Алексея Ефимовича, старейшего гранильщика.

Мы находимся в большом, высоком помещении — цехе, производящем бриллианты. За десятками станков работают гранильщики. В правой руке у них лупы, а в левой — цанговые зажимы с вставленными в них алмазами. Огромные окна зашторены белой материей, чтобы солнечные лучи не проникали внутрь: отражаясь в алмазах, они мешают тщательной и аккуратной их огранке.

— Самый крупный? — переспросил Алексей Ефимович. — Вот в этом месяце был камень в 6,66 карата...

Сделать бриллиант — это значит нанести на алмаз 57 граней. Именно такое количество граней дает камню наибольший блеск и игру. Обработка ювелирных алмазов — очень трудоемкая и ответственная работа. За станками я увидел и людей молодых. Они обладают всеми качествами, необходимыми гранильщикам, — исключительная собранность, обостренное внимание, стопроцентное зрение и какая-то особенная способность прочитать камень, понять, как подойти к нему, чтобы максимально использовать его природные качества.

— А что труднее делать, большой или маленький бриллиант? — не даю я покоя Алексею Ефимовичу.

У него в руках цанговый зажим с алмазиком величиной с крупинку. Диск на станке вращается со скоростью в три тысячи оборотов в минуту. Алексей Ефимович осторожно прикасается к нему алмазом, и маленькие искорки вспыхивают на мгновение. Он рассматривает алмаз в шестикратную лупу, прежде чем снова прикоснуться к вращающемуся диску.

— И то и другое трудно, — бросает он.

Но мне и без того уже ясно, как ответственно каждое движение гранильщика, какое напряжение требуется от него.

В это время раздался звонок и на стене вспыхнула электрическая лампочка.

— Не двигайтесь с места! — предупреждают меня. — Потерян бриллиант!

— Как потерян?! — с ужасом переспрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

Неподалеку, возле зашторенного окна, один из гранильщиков взял в руки сильную электрическую лампу, и яркий сноп света заплясал по полу.

— Это случается, — успокаивают меня. — Маленький бриллиант иногда соскакивает с зажима и, бывает, откатывается довольно далеко. В таких случаях все застывают на месте, никто не имеет права ни уходить из цеха, ни входить в него. Камень обязательно находится...

И действительно, вскоре раздаются два звонка, лампочка на стене гаснет: отбой!

Мы идем дальше по цеху. От станка к станку, от гранильщика к гранильщику, пока не останавливаемся возле Марии Семеновны — молодой женщины. Она уже несколько лет делает бриллианты и, несмотря на то, что некоторые ее подруги по цеху предпочли переменить специальность и уйти на более легкую и спокойную работу, остается верной заворожившим ее драгоценным камням.

— Не трудно ли?

— Может быть, и трудно и очень ответственно, но мне нравится, — улыбнулась Мария Семеновна и, снова сосредоточившись, ловко продолжает орудовать бриллиантом.

Теперь мы подходим к большому, необычной формы сейфу. Он разбит на ячейки: каждая принадлежит одному гранильщику, здесь он держит выданные ему из кладовой алмазы. У каждого свой ключ и своя печать, которой он опечатывает отделение перед уходом с работы. Но запоры в сейфе сделаны так хитроумно, что уразуметь все сложности мы даже не сумели.

Но вот мы очутились в кладовой. Сюда привозят алмазы, отсюда увозят бриллианты.

Хозяйничает в кладовой Нина Ивановна, женщина со строгим, серьезным лицом. Это, может быть, потому, что ей приходится иметь дело с огромными ценностями и осторожность наложила на нее свой отпечаток. А может быть, это мне только показалось, ведь Нина Ивановна в этот момент взвешивала новоиспеченные бриллианты.

Весы рядом со столом. Особенно точные, специально для взвешивания драгоценных камней. Они закрыты стеклянным колпаком. Установлены на стеллаже, накрепко прикрепленном к стене, чтобы никакие колебания пола не отразились на их показаниях.

Нина Ивановна бережно берет камень пинцетом и опускает его на весы. Потом также неторопливо кладет обратно на стол, рядом с десятками других камней. И они вспыхивают под лучами солнца — стол стоит у самого окна, и здесь оно не зашторено.

Все бриллианты одной формы — круглые, похожи друг на друга. Что украсят они: кольцо или сережки? Попадут ли невесте в день бракосочетания или обрадуют молодую мать в день рождения первенца?

Нина Ивановна укладывает камни в пакетики. Потом открывает большой сейф и прячет их туда. Сейф с бриллиантами. Сколько их здесь! Сотня или тысячи? А если все взвесить, — сколько сот каратов они потянут?

Их увезут отсюда, они разбредутся по всей стране, нет, по всем странам, потому что якутские бриллианты уже хорошо зарекомендовали себя на мировом рынке.

Недаром говорят, что у бриллиантов волшебный блеск и красота!

Так наносятся все пятьдесят семь граней.

Эти якутские алмазы умелая и твердая рука гранильщика превращает в бриллианты.

Из цикла «Вечерние беседы»

Максим РЫЛЬСКИЙ

Когда я учился в Киевской гимназии Общества содействия среднему образованию, в пятом классе преподавал у нас литературу, или, как у нас тогда говорили, словесность, Дмитрий Николаевич Ревуцкий. Помню первое его появление, которого мы, гимназисты, ждали, естественно, с большим интересом. Вошел не старый, но уже лысеющий человек, просто и приветливо поздоровался с нами и без всяких предисловий прочитал нам стихотворение А. К. Толстого «Курган» — о витязе, который прославился великими подвигами, стяжал себе «громоносное имя» и умер. Его похоронили, насыпали над ним высокий курган, и никто теперь не знает, кто покоится под этим холмом. Ни у кого не осталось в памяти этого «громоносного имени».

Все, даже самые отъявленные шалуны, слушали внимательно. Мы сразу почувствовали, что перед нами незаурядный чтец...

Почему для первого знакомства с нами Дмитрий Николаевич выбрал именно это, не входившее в школьную программу стихотворение, я не знаю. Забыл, к сожалению, также, какой состоялся в классе разговор после чтения, а что он состоялся — это безусловно. Мне ясно только одно: Ревуцкий хотел сразу, с первого же урока ввести нас в мир поэзии, задеть струну любви к литературе и показать, как звучит подлинно поэтическое произведение в подлинно художественном исполнении. Под этим знаком и проходила дальнейшая его работа в нашей гимназии, где он учительствовал, к сожалению, год или два, не больше.

Я сказал об отступлении от официальной школьной программы. Было это после революции 1905 года, и хоть всякие иллюзии «свобод», «дарованных» царским манифестом, к тому времени уже окончательно рассеялись, однако гимназические учителя иногда позволяли себе некоторые «вольности»: например, мы якобы учили историю России по одному учебнику, на самом же деле учили ее по другому (не обозначенному в программе, хотя, конечно, также дозволенному цензурой и допущенному, но не рекомендованному к школьному изучению).

Дмитрий Николаевич преподавал древний период русской литературы, но часто отходил от него, перескакивая в литературу XIX, а то и XX столетия. То и дело касался он вопросов теоретиче- [illegible] нас с «Пятью чтениями» об искусстве» Ипполита Тэна. Нам известны методологические ошибки Тэна, ограниченность его мировоззрения, но все же эти «Чтения» показали нам, как интересно можно обобщать проблемы искусства, чего нельзя было обнаружить в официально утвержденных учебниках по теории литературы. К тому же написаны эти «Чтения», надо отдать им справедливость, с чисто французским блеском...

Дмитрий Николаевич был не только прекрасным чтецом (после 1917 года он выпустил на украинском языке отличный учебник выразительного чтения), но и заядлым театралом. С первых же шагов он взялся за устройство любительских гимназических спектаклей.

Стоит, между прочим, напомнить современным читателям, что в мужских учебных заведениях женские роли исполняли тогда мальчики. С улыбкой вспоминаю, что в фонвизинском «Недоросле» роль Софьи исполнял мой сосед по школьной скамье, товарищ и друг, ныне здравствующий академик Михаил Павлович Алексеев (между прочим, он избран во Всесоюзную Академию в один день со мной). Не припоминаю только, шел ли тот спектакль под режиссурой Дмитрия Николаевича. Чтобы покончить с этим отклонением от темы, скажу лишь, что однажды наше гимназическое начальство добилось нарушения правила об исполнении женских ролей мальчиками. Учитель-француз Морис Майер поставил на французском языке — не в гимназии, а в каком-то клубе, но [illegible] драму Ростана «Сирано де Бержерак», где роль Роксаны играла дочь Скалона — киевского полицмейстера. Таким образом, это прекрасное произведение, которое Горький назвал «шампанским» и которое я намного позднее по заказу Львовского театра имени Заньковецкой перевел на украинский язык, впервые увидел я исполненным на французском языке. Жаль мне, что пьеса так и не пошла на украинской сцене, и жаль не только как переводчику, но и как зрителю. В московских театрах в советское время «Сирано» в один из сезонов, а пожалуй, и несколько сезонов подряд шел параллельно в двух переводах — Т. Щепкиной-Куперник и В. Соловьева.

Не помню точно, какие именно спектакли ставил на нашей гимназической сцене Дмитрий Николаевич, припоминаю только «Тяжбу» Гоголя, где он сам исполнял одну из ролей, а также такую сложную и большую вещь, как трагедия Корнеля «Сид». В одном из старших классов гимназии уделялось специальное внимание так называемому тогда псевдоклассицизму (одним из представителей которого был Корнель), и один наш гимназист-старшеклассник на основании лекций Ревуцкого и рекомендованной им литературы написал небольшую работу об этом литературном явлении — о французских «псевдоклассиках». Эта работа была издана отдельной брошюрой, конечно, по инициативе и под редакцией Дмитрия Николаевича.

Однако не только на школьной сцене, а и в классе прибегал Дмитрий Николаевич к «театрализации» литературных произведений. Я уже вспоминал как-то в одной из бесед, что с его участием была исполнена у нас силами учеников одна из маленьких трагедий Пушкина — «Скупой рыцарь». Правда, я был не согласен с трактовкой роли герцога Дмитрием Николаевичем, который натуралистически подчеркивал старость этого и впрямь немолодого, но все же физически еще крепкого маньяка, и мне не по душе было, когда он в знаменитом [illegible]

Как молодой повеса ждет
свиданья
Ш какой-нибудь развратницей
лукавой...

Кажется, я как-то даже намекнул осторожно любимому учителю, что не согласен с такой трактовкой роли... И он, конечно, не обиделся.

В этом отношении его характеризует такой случай. Как-то один гимназист во время урока рисовал карикатуру на Дмитрия Николаевича («дружеский шарж», выражаясь по-современному). Он так был увлечен своей работой, что не заметил, как за его спиной очутился сам оригинал портрета, заглядывавший в рисунок. Бедняга художник хотел как можно скорее сунуть рисунок в парту, но Дмитрий Ніколаевич серьезно сказал ему:

— Пожалуйста, когда закончите, отдайте мне этот рисунок: я коллекционирую карикатуры на себя...

В школьную нашу программу входило народное творчество, или фольклор. Тогда это называлось, и хорошо называлось, если говорить только об устном творчестве, народной словесностью. В преподавании этого предмета использовал Ревуцкий хорошую книгу Н. Коробки «Народная словесность», обращался он и к другим [illegible]

Дмитрий Николаевич не был тем, что называют блестящим лектором. Он любил не столько рассказывать, сколько показывать. До сих пор живет в памяти, как он читал нам примитивную песенку австралийцев:

Кенгуру бежал быстро,
А я еще быстрей,
Кенгуру был жирен,
А я его съел...
Кенгуру, кенгуру!

С этими словами Микеша (так мы иногда в шутку называли его между собой) начинал пританцовывать, изображая удачливого австралийского охотника.

Основное место, конечно, занимали здесь былины, и мне навсегда запомнился тот напев, которым исполнял былину про Илью Муромца знаменитый сказитель Рябинин, как-то приезжавший в Киев. Ревуцкий перенял у него манеру исполнения и, конечно, продемонстрировал ее перед на- [illegible]

По соседству с Ревуцким, в доме на одной из тихих киевских улиц, жил известный знаток фольклора, и в частности былинного эпоса, профессор Андрей Митрофанович Лобода, дружбой с которым очень дорожил Дмитрий Николаевич. Как-то раз он пригласил Лободу к нам в класс, и тот в течение нескольких уроков прочел нам, как взрослым, как студентам, самый настоящий краткий курс о былинах. Дмитрий Николаевич во время этого чтения скромно сидел за партой рядом с одним из учеников.

Подлинным праздником было, когда Микеша собирал нас (иногда несколько старших классов вместе) в гимназическом зале, садился за пианино и, аккомпанируя себе, исполнял русские и украинские песни и думы. Не следует забывать, что по тем временам слова Украина, украинский язык, украинская литература были под запретом, что за одно только употребление украинского языка некоторые верноподданные директора гимназий и покорные им педагогические советы иногда даже исключали учеников из гимназии. Одно то, что Дмитрий Николаевич знакомил нас с украинскими думами и песнями, было в ту пору немалой смелостью.

Рядом с любовью Дмитрия Николаевича к выразительному чтению и к театру стояло не меньшее, а пожалуй, еще большее его увлечение вокальным искусством. Голос у него был небольшой, но приятный, и владел он им артистически. Когда уже в годы Октября и послеоктябрьский период мы встречались с ним то у общих знакомых, то у него, то у меня дома, он непременно испол-

ня номера из своего неисчерпаемого репертуара. Иногда ему аккомпанировал скромный студент — младший брат Дмитрия, ныне славный наш композитор Лев Николаевич Ревуцкий.

В послеоктябрьское время в Музыкально-драматическом институте имени Лысенко Дмитрий Николаевич читал специальный чрезвычайно интересный курс истории песни. Искусством он увлекался прямо-таки по-детски. Когда в Киев в двадцатые годы приезжал певец Анатолий Доливо со своим оригинальным и обширным репертуаром (значительную часть которого составляли песни народов), то Ревуцкий не пропускал ни одного концерта. Он буквально был очарован этим талантливым и оригинальным певцом, с которым завязал сердечную дружбу.

Всего в одной беседе не расскажешь. Хочется мне только напомнить, что Д. Н. Ревуцкий был серьезным научным исследователем, автором обширных монографий об украинских думах и исторических песнях, о Миколе Лысенко (издание произведений которого он редактировал), составителем сборников народных песен, а также редактором таких изданий, как песни Бетховена, Шуберта и др. В его кабинете на видном месте висел портрет Стасова, и было что-то общее в характере Дмитрия Николаевича с этим энтузиастом русского национального искусства.

Литературные вкусы у Ревуцкого были широкие, и, говоря правду, именно он, декламируя у себя дома Маяковского, впервые по-настоящему привлек мое внимание к этому поэту.

В двадцатые годы — да и позднее — в Академии наук Украины иногда устраивались музыкальные и литературные вечера, в частности вечера народной песни (кстати, очень жаль, что практика таких вечеров как-то позабылась). Ревуцкий, связанный с работой тогдашней Этнографической комиссии Академии наук, всегда был организатором и, как говорится, душой этих вечеров. Так, благодаря его стараниям там выступал старый, но еще бодрый Панас Карпович Саксаганский, которого Дмитрий Николаевич считал одним из крупнейших актеров современности, знакомил слушателей со своей удивительно интересной трактовкой народных песен организатор знаменитого Охматовского народного хора незабвенный Порфирий Данилович Демуцкий, показан был сотрудникам академии подлинный старинный вертеп и пр.

Таков был он, наш Микеша, которого часто вспоминаю я молодым еще преподавателем словесности, вспоминаю, как он, бывало, выходит из гимназии с туго набитым портфелем под мышкой, неизменно окруженный толпой гимназистов, которые непринужденно, без всякого угодничанья, вели с ним оживленный разговор на разные, не только литературные темы, а иногда от души хохотали над добродушными анекдотами — на них тоже был мастер наш Дмитрий Николаевич.

Таков он был, и таким мы его любили.

Авторизованный перевод
с украинского
Татьяны СТАХ.

ГРАЖДАНСКАЯ ГОРДОСТЬ

Автор книги «Кому отдано сердце» — писатель Всеволод Анисимович [redacted]

Широкий круг читателей давно принял в число своих любимых книг романы «Журбины», «Братья Ершовы», «Секретарь обкома». В сборнике, о котором пойдет речь, Всеволод Кочетов предстает как публицист, как неутомимый и взволнованный путешественник по времени и событиям, по родной стране.

И такая уж особенность у этого писателя: о чем бы ни вспоминал, о чем бы ни задумывался, где бы ни оказался, неизменно приходит он к своей главной теме — советский рабочий человек.

Книга открывается небольшой публицистической новеллой «Кому отдано сердце», давшей название сборнику.

Ленинград, двадцатые годы, юность писателя...

«Все было в ту пору иным, чем сегодня. И прежде всего — иными были люди. Мальчишкой я хаживал тогда на ленинградские заводы, несколькими годами позже сам работал на одном из них. Уже не делали там зажигалок, уже строили корабли и тракторы, но еще воровали заводской инструмент. Уже начиналось ударничество, появлялись первые ударники среди рабочих. Было это не так-то просто на первых порах — ходить в ударниках: могли и избить, и станок поломать, и сплетню пустить. Старое не брезговало ничем в своей жестокой борьбе с появлявшимся новым».

Здесь, на пороге сборника, начинает Всеволод Кочетов страстную свою полемику с теми, кто, подслеповато щурясь на жизнь, брюзжит, возводя в общественное явление неприглядную частность, и с теми, кто склонен покрывать розовым, одноцветным лаком все сущее.

«К людям, к людям!» — призывает автор. За широкую жизненную правду в литературе, в искусстве ратует писатель-коммунист.

Он имеет на это неоспоримое право. Право паренька, получившего больше трех десятков лет назад в окошечке биржи труда путевку в жизнь. Право человека, прошедшего вместе с честными рабочими людьми трудные и славные годы, много пережившего, понявшего и оттого полюбившего дело всей своей жизни еще крепче и вернее.

«Так вот, повторяю, теперь можно изощряться в остроумии по поводу так называемых «производственных» или «колхозных» романов, а ведь авторы этих романов были разведчиками, с[redacted] людьми, идущими впереди. Это они шли через минные поля неизведанного в литературе, и это они бросались первыми под критические пулеметы, прокладывая дорогу другим» («Мы многому научились»).

Писатель Всеволод Кочетов в числе этих разведчиков и саперов нашей большой литературы. Книга «Кому отдано сердце» — еще одно тому свидетельство. Широк круг знакомств писателя, знакомств разнообразных, тесных, дружеских. О них автор сборника рассказывает читателю, делясь своими раздумьями, высокой гражданской гордостью за свою страну, за время, в которое он живет.

[redacted]

Всеволод Кочетов. Кому отдано сердце «Советский писатель». Москва. 1963.

БЕЗ ТВОРЧЕСКИХ ПРОСТОЕВ

Константину Яковлевичу Финну шестьдесят лет. Но это совсем не много.

Не много потому, что сам Константин Финн постоянно молод, горяч, энергичен, влюблен в жизнь, в людей.

Константин Финн — один из старейших по опыту и авторитету, по испытанному мастерству драматурга. Он очень многое сделал для советского театра, по существу, начав славную летопись советской сцены.

Пьесы Константина Финна — подлинно театральные произведения, где есть великолепные роли, сюжеты и большие проблемы. Пьесы Константина Финна — это хроника наших дел и наших побед, это драматический и комедийный, психологически острый и страстный рассказ о людях новых характеров, новых мыслей и новой морали.

С большим успехом идет сегодня по сценам наших театров, а в Москве в Театре имени Пушкина спектакль Константина Финна «Дневник женщины». Эту пьесу полюбили актеры, и режиссеры, и зрители. Ее полюбили потому, что драматург рассказал в ней о чувствах наших людей, о том, что даже такие извечные понятия, как любовь, материнство, долг, меняются сегодня вместе с движением жизни. Тепло, человечно, правдиво говорит драматург о своих героях, хороших наших людях, простых советских тружениках. Не так уж много драматургов сумели написать такую роль, какую дал К. Финн актрисе Театра имени Пушкина Людмиле Скопиной,— роль матери в пьесе «Дневник женщины».

Мы ждем от Константина Финна новых пьес, да он уже и написал их. Две новые его пьесы уже переданы в театры и приняты там с интересом.

У Финна не бывает творческих простоев, нет длинных периодов творческого молчания и скучных годов творческой хандры. Он всегда трудится, всегда теснейшим образом связан с жизнью и молод в свои шестьдесят лет, потому что всегда служит своим творчеством народу, родному советскому искусству.

[redacted]

Фото А. Лесса.

ФЕЛЬЕТОНИСТ И РЕДАКТОР

М. Семенов.
Дружеский шарж А. Цветкова.

Говорят, что каждый человек может раз в жизни написать фельетон, особенно если его, как говорится, допечет. Но писать фельетоны регулярно, в течение многих лет — дело нелегкое, требующее недюжинных творческих сил, железных нервов, отменного здоровья, веселой, неунывающей натуры. Не так-то просто возиться с угрюмыми персонажами фельетонов, разными уродствами и недостатками, «родимыми пятнами» и «отрыжками».

Фельетонисту Мануилу Семенову исполнилось 50 лет. За плечами не одна сотня фельетонов и юмористических рассказов, десяток книжек, больших и малых, жизненный опыт, которому могут позавидовать все прокуроры, судьи и участковые уполномоченные большого города. Множество людей читают фельетоны М. Семенова: одни с улыбкой, другие — с негодованием, третьи — с удовольствием, четвертые — без всякого удовольствия (это те, кого они непосредственно касаются). Одно можно сказать: равнодушных не бывает. Таково уж свойство жанра — фельетоны читаются всеми.

Шестой год М. Семенов — редактор «Крокодила», любимого сатирического журнала нашей страны...

Фельетонисту приходится иметь дело с фельетонистами, карикатуристами, мастерами эпиграмм, «темистами» — народом шумным, острословным — и отвечать не только за себя, но и за все, что появляется на страницах журнала. Надо отбирать лучшее и отсеивать худшее, ссориться и браниться, выискивать новые таланты и отвергать необоснованные претензии. Словом, нелегкая это работа — быть редактором сатирического журнала.

И при этом еще оставаться фельетонистом М. Семеновым, которого читатели любят, знают и от которого ждут не только подписи под номером журнала, но и новых умных, тонких, острых фельетонов.

Пятьдесят лет — возраст, когда можно многого ожидать и многое получить.

Ник. КРУЖКОВ

ДА СБУДЕТСЯ ВЕРА В ПОЭТА

Иногда бывает так — знаешь поэта по имени, по отдельным стихам, радуешься его энергии в журналистской работе, но не придаешь этому большого значения. А потом почти случайно откроешь его новую книгу и убедишься, что совсем не знал его.

В самом деле, откроем наугад книжку с располагающим именем «Доверие», и в глаза брызнет безудержный восторг юности:

Сиди и плачь под изумленным небом —
Подснежник белый вспыхнул над виском.
Подснежники,
Как медленные лебеди,
Ко всем дорогам вышли косяком...
От их знамен мне никуда не деться:
В подснежниках дымится шар земной.
Как быть тогда,
О, что со мной содеется,
Когда вы вдруг не явитесь весной!

Для меня эти строчки Анатолия Зайца открыли путь в его поэзию, восторженную и земную, еще юношескую и уже зрелую.

Его биография начиналась на винницкой земле, где осенью бушует ветер, настоянный на красных листьях, и журавлиный косяк, застыв в небе, хочет вновь вглядеться на прощание в родной край,

Где алый цвет
У винницких калин
Одалживают утренние зори.

Родная земля дала поэту поэтическое зрение, чувство природы, и он запомнил, как «раскачивались весны на стропах первых мартовских лучей».

С годами все шире и богаче становилось понимание Родины. Многому научила поэта армейская служба. Она помогла ему видеть в строфе обойму из четырех строк-патронов — каждая должна стрелять. И с радостью встречаешь в книге простые и емкие афористические строки:

...И вновь грохочет пушка, не остынув.
«Противник» скрылся где-то за рекой.
Сегодня мы стреляли холостыми,
Но боевые были под рукой.

Так — на военной службе. А в поэзии Анатолий Заяц предпочитает пользоваться боевыми зарядами.

Поэт знает цену добру и злу, знает меру любви и ненависти, и потому весомо звучит его признание в любви к Родине:

Родину,
Где родился и рос я,
Где дано любить и строить нам,
Родину,
Ее поля и весны
Никому в обиду я не дам.

Справедливости ради, а также в предостережение поэту следует сказать, что порой умение владеть пером идет ему во вред, стиховая инерция влечет автора, и тогда появляются стихи, отмеченные нечеткой мыслью и стертостью образов, например, «Не отрицай...», «Когда снега последние сойдут», «Баллада о далекой встрече». Хочется верить, что не они определят дальнейший путь поэта.

В. ШОШИН

Анатолий Заяц. Доверие. «Молодая гвардия» Москва, 1963.

Исповедь Татьяны Беловой

Новый роман Николая Дементьева «Замужество Татьяны Беловой» посвящен острым проблемам жизни нашего молодого современника, подлинному и мнимому счастью, борьбе с пережитками мещанства.

Главной героине романа Татьяне двадцать восемь лет, она красива, нигде не работает. У нее порядочный и любящий муж, полный достаток, и все же она глубоко несчастна. Почему? Вот это «почему» и раскрывает перед нами писатель.

Татьяна — умный, незаурядный человек, но она не из тех, кому с милым рай и в шалаше. Окончив школу и сменив несколько мест работы, она поступила в конструкторское бюро копировщицей. Именно здесь Татьяна встретила Анатолия Локотова, начальника лаборатории института человека обеспеченного, полюбившего Таню первой своей любовью. Любила ли его Таня? Видимо, нет. Когда все уже было готово к свадьбе, появился товарищ Анатолия — Олег, и Таня неожиданно для себя сблизилась с ним. Внезапно разгоревшаяся любовь к Олегу тоже оказалась непрочной. Татьяна понимает, что ей с Олегом будет трудно. И комната у него одна, двенадцать метров, и тетка-пенсионерка тут же, и работает Олег очень много, часто забывая о Тане. Жажда благополучия берет верх над любовью.

И вот теперь Таня живет так, как мечтала раньше: в хорошей квартире Анатолия, родила сына, все у нее в быту идет по раз навсегда заведенному распорядку...

Историю Татьяны Беловой писатель рассказал психологически достоверно. Читатель не может не осудить Татьяну. Истоки ее неудачного замужества лежат в самом характере Тани, ее легкомыслии. И хорошо, что в конце романа героиня приходит к правильному решению: она уже готова вырваться из пут мещанства во имя подлинного счастья.

Роман Николая Дементьева будит мысль, заставляет задуматься о жизни.

Виктор ШИШОВ

Н. Дементьев. Замужество Татьяны Беловой. Журнал «Нева» № 12 за 1963 год.

ИСКУССТВО И ПРОБЛЕМА ПРЕКРАСНОГО

Так озаглавлена книга И. Астахова, вышедшая в издательстве «Советский писатель». Она заинтересовывает с первых же страниц. В чем же достоинства этой работы? Прежде всего в том, что она проникнута глубокой убежденностью в великих преимуществах искусства социалистического реализма перед модернистским искусством капиталистических стран. Автор враждебен тем, кто готов примирить две противоположные идеологии — коммунистическую и буржуазную. Нельзя не согласиться с И. Астаховым, когда он заявляет: «В то время как социалистический реализм отстаивает принципы высокой и благородной морали, здоровые эстетические вкусы, возвышенные и прекрасные идеалы, буржуазный модернизм, если судить о нем по таким модным течениям, как абстракционизм, абстрактный импрессионизм, сюрреализм, ташизм и т. п., по существу, глумится над прекрасным, эстетизирует безобразное, не приемлет нравственно высокого и утверждает аморальное». Коммунизм и красота неотделимы — таков лейтмотив работы И. Астахова. Исходя из него, автор приходит к выводу, что средствами искусства советский художник ведет борьбу с пережитками прошлого в сознании людей, развивает в каждом гражданине СССР качества строителя нового мира.

И. Астахов решительно осуждает тех «теоретиков», которые ограничивают предмет искусства только прекрасным. Ссылаясь на традиции великих русских революционных демократов Белинского и Чернышевского, на труды Плеханова, автор правильно подчеркивает, что искусство изображает и прекрасное и безобразное. Сила искусства в том, что оно способно отобразить все, что представляет интерес для общественного человека; его прямая задача — критиковать и осуждать с позиции прекрасного и высоко морального все отвратительное и безнравственное, все то, что мешает людям жить.

Проф. М. БАСКИН,
доктор философских наук

КНИГА О ВЕЛИКОМ РОМАНТИКЕ

Есть в военном блокноте Александра Довженко знаменательная запись: «Двое смотрят вниз. Один видит лужу, другой — звезды. Что кому». В этом афоризме — ключ ко всему творчеству великого романтика. И хорошо, что Юрий Барабаш [illegible]

Довженко был убежденным новатором, притом не кабинетным, а прочно вросшим в народную почву. Вокруг его удивительного творчества, раздвинувшего рамки экрана и ворвавшегося в литературу, на сцену и в живопись, вокруг его мудрой романтики до сих пор ломается немало критических копий.

Барабаш смело атакует уязвимые аргументы отдельных критиков, стремившихся под флагом борьбы с украшательством и лакировкой в искусстве перечеркнуть творчество Довженко. Перспективность романтической стилевой линии в нашей литературе бесспорна. Речь идет о романтической форме выражения правды жизни, свидетельствующей о многообразии нашей литературы.

В книге Ю. Барабаша верно подмечено, что Довженко прежде всего интересовал факт заостренный — вплоть до символичности, явление типическое, но необычное — вплоть до условности, до гиперболы. Он стремился к синтетическому охвату событий, к созданию эпопеи, панорамы эпохи.

Отсюда своеобразные довженковские приемы перебивки, неожиданные перемещения во времени и пространстве, крупные планы, символика массовых сцен. Главный герой его фильмов — народ. Мудро сказал Довженко о сюжете своей «Земли»: «Сюжет — земля; на этой земле — хата; в этой хате — жизнь людей». По существу, все его филь[illegible]

Закрыв последнюю страницу книги Ю. Барабаша, над многим задумываешься. Становится понятное, почему за три года до запуска первого советского спутника именно Александр Довженко с трибуны Второго всесоюзного съезда писателей заговорил о космических полетах. Этого беспокойного, прозорливого человека волновало все: и старая хата у зачарованной Десны, и загадочная Антарктида, и звезды, которые он умел видеть даже в лужах.

Об Александре Довженко будут еще написаны тома. Тем интереснее книга Юрия Барабаша, книга-разведка.

Владимир ФЕДОРОВ

Ю. Барабаш. Чистое золото правды. О некоторых особенностях эстетики и поэтики Александра Довженко. «Советский писатель». Москва. 1963.

Фото И. Века и Л. Фомичева

Рокуэлл Кент у палешан

Он долго сидел, задумавшись, а потом быстро написал по-английски в книге отзывов: «Для нас, двух американцев, посещение Палеха было событием, о котором мы мечтали в течение многих лет... Это искусство явилось для нас своего рода откровением, оно заслуживает того, чтобы быть среди величайших художественных явлений всех вре[illegible]

Преданны и признательны вам Салли и Рокуэлл Кент».

«Каждая вещь здесь такая,— говорит Кент,— что смотрел бы на нее целый день. Миниатюры и красивы и содержательны. Они захватывают, трогают сердце. Эти маленькие вещицы, безусловно, принадлежат к большому искусству».

С интересом осматривали гости работы палешан в других областях декоративного искусства: вазопись и роспись фарфоровой посуды, эскизы театрально-декорационных и кинопостановок, монументально-декоративные тематические росписи и фрески и, наконец, многочисленные работы по оформлению книги.

Кент с гордостью сказал, что в его личной библиотеке есть книга Афанасия Никитина «Хождение за три моря» в оформлении художников Палеха Дмитрия Буторина и Бориса Ништинова.

В производственно-творческих мастерских Палеха гостей познакомили с процессом создания палехских миниатюр, с техникой живописи яичной темперой на папье-маше. Рокуэллу Кенту захотелось даже самому попробовать «отписать» какой-либо сюжет по-палехски. Принимаясь за работу, Кент заявляет, что, если ему удастся освоить хоть сотую долю того, что умеют палешане, он будет горд и счастлив.

Большой зал не смог вместить всех, кто пришел на встречу с гостями из Северной Америки.

Беседа касалась не только искусства. Как бы подытоживая свои мысли, Рокуэлл Кент сказал:

— Искусство должно служить одной цели — помогать людям познавать прекрасное, еще больше любить [illegible]ние сделать ее еще лучше. Именно такой цели служит советское искусство вообще и искусство палешан в частности, созданное Октябрьской революцией. Вот почему я говорю: ради блага всего мира да здравствует социализм, да здравствует Советский Союз!

А потом, следуя старинному русскому обычаю, гостей одаривали подарками.

Наступали часы расставания. Художник Кент внимательно слушал стихи — Блока, Есенина, величальную русскую песню, в которой русские художники величали двух американцев, ставших друзьями Палеха.

Прощаясь с Палехом и палешанами, Рокуэлл Кент сказал по-русски: «Я люблю тебя, до свидания, [illegible]

Николай СОБОЛЕВСКИЙ

Мы с Мишкой

Рассказ

Борис ЛАСКИН

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Дружески похлопав меня по плечу, Аркадий сказал:

— Ты прекрасный человек. И что в тебе особенно ценно — ты гармонически развит. Казалось бы, любовь к науке владеет тобой без остатка. Томик стихов, ветка сирени, час, проведенный в открытом бассейне, делают тебя счастливым!..

— Физик и лирик слились в тебе воедино,— добавила Нина, и в ее голосе явственно прозвучала льстивая нотка.

По мнению друзей, простодушие — одна из моих добродетелей. Простодушие, но не наивность. Слушая Аркадия и Нину, я легко догадывался, что их неумеренные похвалы в мой адрес не бескорыстны. А если к тому же учесть, что разговор наш происходил в кафе «Космос», куда меня специально пригласили супруги Аркадий и Нина Корнеевы, было ясно: мне надлежало держать ухо востро.

Попивая кофе, я смотрел на Аркадия, на Нину, неизменно встречая ответные взгляды, полные преданности и негасимой любви.

— Ты знаешь, о чем мы жалеем? — продолжал Аркадий.— Мы жалеем о том, что одна из главных радостей жизни еще не коснулась тебя своим ласковым крылом...

— Аркадий, не говори красиво! — сказал я, безуспешно пытаясь понять, куда он клонит.

— Знакомо ли тебе чувство материнства? — нежно спросила Нина и по недоумению, отразившемуся на моем лице, видимо, поняла, что вопрос ее требовал более точной редакции.

— Господа присяжные заседатели,— сказал я,— не трудитесь. Я разгадал ваш нехитрый замысел. Вы хотите меня женить.

— Ничего похожего,— сказал Аркадий.

— Женишься ты и без нашей помощи,— добавила Нина.

— Между прочим, дети — наше будущее! — неожиданно заявил Аркадий.

— Я, пожалуй, это запишу,— сказал я. Мне надоела игра в загадки, и я стал держаться независимо и даже вызывающе.— В порядке культурного обмена могу предложить новую формулу: «Дети — цветы жизни».

— Правильно! — воскликнул Аркадий.

— Ты сейчас очень образно выразился,— заметила Нина.

И я готов поклясться, что это было сказано без тени иронии.

— Давай, старик, перейдем к делу,— сказал Аркадий и принялся энергично потирать руки. Сие, по-видимому, означало, что меня ждет какая-то большая и нечаянная радость.— Ты нашего Мишку знаешь?..

— Да... знаю...— осторожно, после паузы, ответил я.

Пауза длилась ровно столько, сколько мне нужно было, чтобы вспомнить свой недавний визит к Корнеевым. В тот самый вечер оставленный без внимания малолетний Мишка быстро смастерил не хуже птичье гнездо. Добыв для этой цели из холодильника полдесятка яиц, он бережно сложил их в мою новую шляпу, беспечно брошенную на стул в передней. В результате этой операции девушка, которая на следующий день принимала пострадавшую шляпу в чистку, укоризненно заметила, что только убежденные и не приспособленные к жизни холостяки пользуются столь неподходящей тарой.

— Скажи честно: нравится тебе Мишка? — спросил Аркадий.— Ты только скажи: да или нет?

— Да.

— Он совсем самостоятельный,— сказала Нина,— с ним уже можно разговаривать, как со взрослым...

— Вчера был номер,— усмехнулся Аркадий.— Напустил я воды полную ванну, буквально на минутку отлучился, прихожу, и что же я вижу? Вода синяя-синяя, и мои тапочки плавают, как кораблики. Я говорю: «Мишка, ты что же это наделал? Зачем ты в ванну чернила вылил?» А он говорит: «Папа, это море!»

Родители Мишки засмеялись счастливым смехом, а я терпеливо ждал, когда же наконец Аркадий перейдет к делу.

— Значит, так! — Аркадий с нескрываемой надеждой посмотрел на меня.— Дело, значит, такое... Такое, значит, дело...

Меня начала забавлять робость супругов Корнеевых, и я решил перехватить инициативу.

— Ну, вот что. Судя по твоей заискивающей улыбке, ты собираешься меня о чем-то попросить. Так не теряй же времени, проси! Проси, пока я добрый!

Выслушав меня, Аркадий благодарно улыбнулся и подмигнул жене.

— А ты сомневалась, Ниночка...

— Я-то не сомневалась. Это ты!..

— Я?! Да я был совершенно убежден, что он согласится!

— А чуткий человек и не мог поступить иначе.

— Ты прав!..

— Хватит! — сказал я.— Все! Прощайте! Я ухожу. Ну вас к лешему! Вы мне надоели!

— Подожди! — сказал Аркадий.— Ладно. Слушай. Значит, так. У нас с Ниной отпуск. Нинин брат Андрей женится. Андрей живет в Серпухове. Свадьба будет в Серпухове. Мы с Ниной поедем в Серпухов.

— Понимаю. Вы с Ниной поедете в Серпухов, а Мишка не поедет в Серпухов. Он останется в Москве.

— Но не один,— жалобно сказала Нина,— смекаешь?

— Смекаю,— сказал я и тяжело вздохнул.— Мишка останется со мной.

— Старик, все будет прекрасно! — не давая мне опомниться, горячо начал Аркадий.— Ты переедешь на три денечка к нам. Двухкомнатная квартира. Мусоропровод. Светло. Чисто. Удобно. Три дня ты будешь работать над своим дипломом. Полная тишина. Телефон. Пока ты будешь чертить и считать, где-то у твоих ног или в соседней комнате будет тихо играть Мишка. Продуктов хватит на три дня. Все будет в холодильнике. Устанешь от работы — пойдешь погуляешь. Мишку с собой захватишь для компании. Три дня пролетят — не успеешь оглянуться! Спасибо! Мы были уверены, что ты нам не откажешь. Спасибо!

— Это вам спасибо,— растерянно сказал я,— спасибо за внимание и мусоропровод...

Вообще говоря, последняя моя фраза могла быть и более осмысленной, но в эту минуту мной овладело легкое смятение. Я живо представил себе грядущие трое суток в обществе Корнеева-младшего.

Назавтра, лучезарно улыбаясь, Аркадий и Нина покинули столицу.

Мы остались с Мишкой, позавтракали, выпили чайку и вместе вымыли посуду. Потом я начал работать. Мишка сидел на тахте и прилежно вырезал из бумаги птичек. Светило солнце. За окном звене-[redacted]

Углубившись в свои вычисления, я не заметил, что Мишка израсходовал все сырье. В руках у него оказалась «Динамическая устойчивость сооружений». Об этом я догадался чуть позже, когда на столе совершила посадку бумажная птичка и принесла на своих крыльях ряд полезных сведений о симметричных конструкциях.

Пришлось отложить работу и заняться Мишкой. Назидательная речь об уважении к науке и технике должного впечатления на Мишку не произвела. Тогда я сделал попытку придать беседе максимально доступный характер.

— Видишь, Мишка, ты вырвал страничку и вырезал птичку. Это очень нехорошо!..

— Почему?

— Потому что на этой страничке есть буковки, которые соста-[redacted]

— Какие?

— А вот какие: «В случае симметричной конструкции следует основную систему выбирать симметричной и заменить нагрузку симметричными и антисимметричными силовыми группами...»

Мишка громко засмеялся.

— Напрасно смеешься,— сказал я.

Мишка перестал смеяться. Он слез с тахты и молча удалился. Через пять минут из кухни раздался дикий грохот.

Ничего страшного не случилось. Это любознательный Мишка вывалил из шкафчика пирамиду кастрюль.

Когда приспело время обедать, я сказал Мишке:

— Вот что, Микей, чем нам есть манную кашу, которая только и делает, что подгорает, рубанем-ка мы с тобой, братец мой, любительской колбаски! Кто за это предложение, прошу поднять руку!

Мишка поднял обе руки.

Сейчас уже все позади, и я помню, что к концу первого дня богатырский сон свалил нас обоих. Было от чего устать. Сперва я долго рассказывал разные разности. Это был причудливый хрупкий сплав житейских историй, полузабытых басен и анекдотов. Потом мы долго слушали магнитофон. Убаюканный музыкой, я задремал. Не желая терять времени, Мишка успел за несколько минут с ног до головы обмотаться магнитофонной лентой. Потом я проснулся, и мы смотали ленту обратно на кассету. После небольшого перерыва я показал Мишке, как стоять на голове, упираясь ногами в стену. В заключение мы всласть поиграли в лошадку и не-[redacted]

Под утро мне приснилась защита диплома. Зал. Играет музыка. Я выхожу на четвереньках и вместо того, чтобы что-нибудь сказать, изображаю цокот копыт. Председатель ученого совета тут же садится на меня верхом. Он кричит: «Но-о!» Теребит меня за нос и говорит тонким голосом: «Мама! Мамочка!»

На следующий день я обзвонил друзей и знакомых. Я рассказал о своих переживаниях и получил совет. Теперь я могу сказать, что это был самый счастливый совет из всех, полученных мною в жизни.

Я узнал номер телефона и позвонил в Бюро добрых услуг.

— Пришлите, пожалуйста, человека для укачивания!

— Что?!

— Прошу прислать няню,— сказал я, и в голосе моем прозвучало, наверно, такое отчаяние, что на другом конце провода торопливо ответили:

— Не волнуйтесь. Няня будет. Пожалуйста, ваш адрес.

Я назвал адрес и услышал, что няня придет к шести.

Как я ждал няню!

Ровно в шесть раздался звонок, и на пороге возникла она.

Она не вошла, не появилась, а именно возникла, как добрая фея из сказки.

Радостно улыбаясь, я смотрел на нее и ждал, что она скажет: «Здравствуй, добрый молодец! Баба Яга превратила меня в лягушку, но ты улыбнулся, и я снова красна девица!»

Девушка вошла, сняла плащ и сказала:

— Здравствуйте. Вот наряд. Я из Бюро добрых услуг. Меня зовут Вероника.

— Здравствуйте, Вероника! Мы очень рады. Мишка! Где ты?

Мы вошли в комнату. Мишки не было.

— Микей, ты куда девался?

В ответ из-под тахты раздалось мяуканье.

— Это он,— сказал я.— Садитесь, прошу вас.

— Мама уехала, да? — спросила Вероника.

— Мама наша уехала. Но не только мама. Папа тоже уехал.

— А кто же там, под тахтой, мяукает? Это ваш племянник?

— Нет. Это приятель. Товарищ мой. Друг детства.

Вероника села на тахту.

— Мяу!..— раздался голос Мишки.

— Мяу! — ответила Вероника.

Тогда я и решил внести свою лепту. Я залаял.

— Нет, если здесь собачка, котенок ни за что не выйдет, правда? — сказала Вероника.

— Не выйду! — подтвердил котенок и тут же вылез.

— Знакомься, Микей. Эту тетю зовут Вероника.

Мишка протянул Веронике руку, потом, сложив губы трубочкой, изобразил паровозный гудок, затем влез на тахту и, кряхтя, сделал попытку встать на голову.

Я с гордостью смотрел на Мишку. Не зря я его учил. Сейчас он демонстрировал свои достижения.

— Тебя зовут Миша? — сказала Вероника.— Здравствуй!..

— Здравствуй.

— У меня есть знакомый мальчик, его зовут так же, как тебя.

— А он может на голове стоять? — ревниво спросил Мишка.

— Может. Но ему сейчас некогда. Он готовится к весенней сессии. Мы с ним вместе учимся. В одном институте, понял?

Мишка кивнул. Потом он влез на тахту, спрыгнул на пол и сказал:

— Умывальников начальник и мочалок командир!..

Потом Мишка испытующе поглядел на Веронику и вдруг выпалил:

— Рубанем-ка мы с тобой, братец мой, любительской колбаски!

Вероника засмеялась.

— Спасибо, я сыта.

— А мама с папой уехали на свадьбу,— сообщил Мишка.— А ты поедешь на свадьбу?

— В свое время надеюсь поехать,— ответила Вероника и почему-то покраснела.

— Тетя Вероника на свадьбу поедет с дядей Мишей,— сказал я и вдруг поймал себя на том, что больше всего хочу услышать в ответ: «Нет, я не поеду на свадьбу с дядей Мишей».

— Нет. Я не поеду с дядей Мишей на свадьбу,— адресуясь к Мишке, сказала Вероника и, метнув на меня иронический взгляд, спросила: — Вам, вероятно, нужно уйти? Пожалуйста. Я побуду с малышом. Я ведь, собственно, для этого и пришла.

«Не надо подчеркивать, что вы пришли к Мишке. Я очень рад, что вы пришли. И не как няня, а просто так, как Вероника!»

Именно это я собирался сказать Веронике, но сказал другое:

— Нет, я никуда не ухожу. Мне нужно поработать. Я пишу диплом, и этот злодей мне страшно мешает.

Мишка молчал. Потом, вспомнив, что давно ничего не демонстрировал, он ловко пролез под стулом, после чего весьма доверительно заявил:

— Пошла муха на базар и купи-[redacted]

Какой же это был приятный вечер!..

После того, как я пару часиков поработал, мы вместе ужинали: Вероника, Мишка и я.

Укладывая Мишку спать, Вероника что-то спела. Потом уже не Мишке, а мне рассказала, что учится на втором курсе педагогического института, а в вечерние часы работает няней.

Мишка спал. Я расписался в каком-то наряде, заплатил деньги и, провожая Веронику, спросил:

— Сможете ли вы прийти снова?

— А вы позвоните, оформите заказ,— сказала она и ушла.

Назавтра я позвонил в Бюро добрых услуг.

— Няня будет в шесть,— сказа-[redacted]

Днем, когда мы с Мишкой гуляли, я купил торт.

К шести часам у нас дома был полный порядок.

Ровно в шесть пришла няня — старая полная женщина с добрым [redacted]

У нее, вероятно, был богатейший опыт обращения с ребятишками. Через полчаса она кормила Мишку. Я работал, и до меня доносился голос старой няни:

— Еще ложечку. Вот так... А потом пришли старик со старухой в райжилотдел, а уж там Золотая рыбка сидит-дожидается с ордером...

На следующий день я позвонил в Бюро добрых услуг и, насколько мог, деликатно объяснил, что прошу прислать няню Веронику, потому что ребенок привык к ней и без нее очень скучает.

Вероника пришла в шесть часов и тут же отправилась с Мишкой на прогулку.

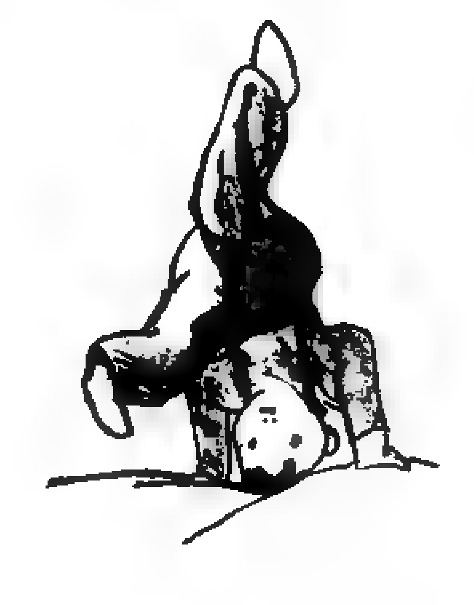
Потом они вернулись румяные и веселые. Мы пили чай с остатками торта и говорили о жизни. Мишка участия в беседе не принимал. Он лишь время от времени делал стойку.

Когда Вероника ушла, я написал телеграмму в Серпухов: «У нас все хорошо точка Можете гулять еще несколько дней точка Мы себя прекрасно чувствуем точка».

Телеграмму я отправил вечером.

А с утра мы с Мишкой начали с нетерпением смотреть на часы. Мы ждали нашу Веронику.

Сцена из спектакля Псковского государственного театра драмы имени А. С. Пушкина «Дочь России». Лиза — В. Шмакова. Карл Маркс — Н. Крицкий.
Фото И. Ефимова.

Татьяна Кравченко.

Любовь Парадиева.

ВСТРЕЧА С МАРКСОМ

На сцене Кремлевского театра Псковский государственный театр драмы имени Пушкина показал свой новый спектакль — документальную драму «Дочь России» П. Чередниченко (режиссер — Л. Лункер). Многое неожиданно, необычно в этом спектакле. Неожиданна мало кому известная рассказанная в пьесе драматическая история верной дочери молодой России Елизаветы Томановской-Дмитриевой. Одной из первых встала она под революционные знамена, сумела принести к Марксу в туманный Лондон горячие мечты русской революционной демократии. Неожиданна, удивительно эмоциональна встреча в этом спектакле со скромным и бессмертным автором «Интернационала» Эженом Потье, защитником одной из последних парижских баррикад. Рядом с ним стоит на этой баррикаде русская наша амазонка Елизавета Томановская.

Но самое неожиданное, самое радостное в этом спектакле — образ Карла Маркса, впервые воплощенный на нашей сцене.

Карла Маркса в спектакле играет актер Н. Крицкий. Вот Маркс в окружении своих дочерей впервые появляется на сцене. «До чего же похож!» — раздается возбужденный шепот в зрительном зале. На кого похож, чем похож и откуда так уж безошибочно знают современные наши зрители, как выглядел, во что был одет, как говорил и двигался Маркс? Однако действительно похож. И не на портреты, не на статуи, не на описания похож Маркс в исполнении Крицкого, образ совпадает с душевным представлением каждого из нас о том, каким был Маркс, каким мы взяли его к себе в сердца, в нерасстанные спутники жизни нашего общества.

Маркс Крицкого — это вовсе не монументальная, ожившая история, не позирующий по известным снимкам человек. Маркс, как раскрывает перед нами его характер актер,— это и есть самый земной, самый простой человек на свете, которому ничто человеческое не чуждо. А раскрывая в Марксе человеческое, близкое каждому, актер уже потом, найдя в нем неподдельную душевность и установив неразрывное общение со зрительным залом, ведет своего героя дальше — от человека к человечеству, от семьянина к философу, от гражданина к борцу.

Когда смотришь на Маркса в исполнении Н. Крицкого, видишь вокруг всю его семью, думаешь и еще об одном человеке и о его семье — думаешь о Ленине. И эта перекличка времен и идей, характеров и мыслей, вызванная к жизни исполнителем роли Маркса в псковском спектакле «Дочь России», плодотворна, интернациональна и современна.

В этом спектакле есть, к сожалению, слабости и просчеты. Где-то слишком наивна и прямолинейна пьеса. Иногда в каком-то неистовом азарте автор, режиссер и актриса перекладывают чуть ли не все заслуги всех мировых революций на сильные, но, как понятно, не единственные в революциях плечи русской женщины Томановской. Не всегда точны представления Псковского театра о высшем петербургском свете. Но все это сейчас не главное, не самое главное.

Главное то, что мы увидели, услышали Маркса, что мы провели вечер с Человеком, с историей, с правдой большой революционной [illegible]

В. ФЕДОРОВ

ТОМИК-МАЛЮТКА

Они поставлены рядом для сравнения — две книги, два «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. Одна книга — обычного среднего формата, размер второй — спичечная коробка. Томик-малютка, на обложке которого вытиснен золотом портрет великого украинского поэта, по всей вероятности, принадлежит к числу самых миниатюрных «Кобзарей».

В коротком предисловии сказано: «Этот «Кобзарь», вероятно, самый маленький из всех, какие до сих пор вышли, ибо он значительно меньше женевского издания 1872 года».

Томик-малютка напечатан на украинском языке, он издан в Кракове в 1940 году — к столетию появления шевченковского «Кобзаря».

Любопытно, что маленькая книжечка во всем, кроме размера, является точным повторением самого первого «Кобзаря»: в ней на 180 страничках напечатаны все те стихи, которые были включены в «Кобзарь» 1840 года. Стихи размещены в том же порядке и так же оформлены.

Как же попала ко мне редкостная книжечка?

В январе 1945 года наша армия шла на Запад, освобождая города и веси Польши от фашистского ига. На рассвете мы вступили в город Скерневице. Несмотря на ранний час, многие жители вышли на улицы. Люди обнимались, приглашали освободителей в свои дома хотя бы на минутку.

Волнующие встречи, каких много было на дорогах войны. В то утро нас, двух корреспондентов армейской газеты, пригласил старик учитель. Мы обменялись памятными подарками. Мне был преподнесен вот этот миниатюрный «Кобзарь».

В. РУДИМ

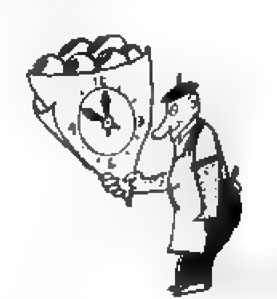
НА ИСКУССТВЕННОМ ПИТАНИИ

Этот кенгуренок живет в варшавском зоопарке. Недавно он осиротел: погибла его мать. Малыша поместили в ветеринарную лечебницу, где приняты все меры, чтобы сохранить жизнь общему любимцу. Для кенгуренка сделан специальный мешок, такой же мягкий и теплый, как сумка матери. Кормят малыша из пипетки.

ХИМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Сотрудник американского технологического института в штате Иллинойс Феликс Кальбин придумал химические часы. Подобно песочным, они показывают только отрезки времени. Эти часы представляют собой кусок бумаги, окрашенной светочувствительными растворами. Цвет бумаги меняется через определенные промежутки времени.

Изобретение Кальбина уже используется. В такую бумагу заворачиваются пищевые товары. По окраске этой необычной обертки определяется степень свежести продуктов.

САМЫЕ ИСКУСНЫЕ

А. КУЛЕШОВ

Фото А. Бочинина и Л. Бородулина.

Это был удивительный матч — соревнования шли одновременно в двух городах, но зрителям это нисколько не мешало: выступление спортсменок транслировалось по телевизору. Легким нажатием кнопки оператор переносил москвичей в Киев, а киевлян в Москву, и очень скоро зрители забыли о необычных условиях этого матча: захватила спортивная борьба. На арене мерились силами представители самого молодого спорта — художественной гимнастики.

В 1939 году в Ленинграде впервые было проведено соревнование по художественной гимнастике, спустя девять лет начали разыгрываться чемпионаты страны, а в начале нынешнего года в Будапеште состоялось первое, хотя и неофициальное, первенство Европы, и победу на нем одержали советские гимнастки Людмила Савинкова и Татьяна Кравченко. Эти две спортсменки на телевизионном матче выступали за команду Москвы, а главной их соперницей была киевлянка Любовь Парадиева. Своим выступлением замечательная гимнастка покорила всех зрителей.

Откуда же появились у нас спортсменки, добившиеся такого филигранного мастерства? Ответ на этот вопрос я получил у Любы Парадиевой.

— Художественной гимнастикой занимаюсь с пяти лет,— сказала она.— Ходила в балетный кружок Грозненского Дворца пионеров...

— Но ведь то балет...

— Ну и что? — удивляется Люба.— Какая же художественная гимнастика без балетной подготовки? А потом я стала ученицей Нины Николаевны Силаевой — она во Дворце пионеров вела кружок художественной гимнастики.

В десять лет Люба уже выступала по 1-му разряду, в одиннадцать — по мастерам, в тринадцать лет выполнила норму мастера спорта. С тех пор Люба участвует в первенствах страны. В 1959 году у нее было 3-е место. А потом она приехала в Киев, поступила в университет и здесь-то и добилась выдающихся успехов: на чемпионате страны 1963 года она разделила победу с другой киевской гимнасткой — Еленой Бирюк, до этого трижды завоевывавшей золотые медали.

История Любы Парадиевой очень похожа на историю ее главных соперниц — московских спортсменок. Для того чтобы встретиться с Людмилой Савинковой и Татьяной Кравченко, надо побывать в тренировочном зале «Крыльев Советов» у Марии Вартановны Лисициан. С фамилией сестер Лисициан — Марией Вартановной и Тамарой Вартановной — связаны все первые шаги молодого спорта. Эти замечательные педагоги начинают занятия с девочками пятилетнего возраста и доводят их до великолепного мастерства.

Спускаемся в зал. Вот и прославленная гимнастка Людмила Савинкова. Но почему она такая сумрачная, озабоченная? Оказывается, у нее не получается какой-то элемент новой комбинации. Этого было достаточно, чтобы будущий архитектор Людмила Савинкова помрачнела так, будто бы на нее обрушилось ею же спроектированное здание!

Просто поразительно, как эта лучшая гимнастка мира переживает малейшую неудачу в своем любимом спорте! Оговорюсь: до выступления или после. Никогда — во время.

Иду к Татьяне Кравченко. Та совсем иная. Она светится радостью, эта русская красавица, с ее ослепительной улыбкой, с ее золотой, могучей, уложенной короной косой. Насколько Людмила замкнута, немногословна, сосредоточенна, вечно во власти мыслей, о своем любимом спорте, настолько Татьяна общительна, тянется к шутке, и каждая из спортсменок выражает свой характер, свой вкус в гимнастических выступлениях.

Замечательный это спорт — художественная гимнастика. Жизнерадостность, счастье, свободу, красоту и благородство чувств — вот что, оказывается, можно выразить движением тренированного гибкого тела.

А недавно в шеренгу самых искусных встала еще одна москвичка, Эльвира Аверкович. На первенстве СССР в Ташкенте она победила всех и завоевала титул абсолютной чемпионки страны. Случайность? Нет, какая же это случайность, если на первых международных соревнованиях в Будапеште и на предыдущем чемпионате страны ученица тренера З. Тучкиной, преподавательница педагогического института Эльвира Аверкович занимала четвертые места. Просто шеренга самых искусных становится все длиннее.

Людмила Савинкова.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦА СПОРТА

Не каждый поверит, что коза может участвовать в скачках с препятствиями. А вот коза Нелли, как видно на снимке, любит такой вид спорта (Англия).
↓

СУДЬЯ СИЛЬВА

Семнадцатилетняя Сильва Грегрова из Карловых Вар, ученица средней медицинской школы, единственная женщина — судья футбольных состязаний в Европе.

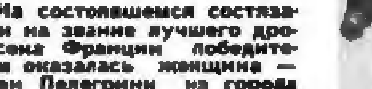
Сильва с десятилетнего возраста интересуется футболом. Она не пропустила ни одного состязания, на котором судьей был ее отец.

По мнению специалистов, Сильва отлично знает правила и при необходимости умеет навести нужный порядок на футбольном поле.

НЕОПЫТНОСТЬ ДЕТСТВА

В нью-йоркском зоопарке у львицы появилось двое детенышей. Уже спустя два месяца после рождения львята стали во всем подражать своим родителям. Особое же удовольствие доставляет им вместе с отцом точить когти. Случается и так, что львенок ошибается и начинает царапать не ствол дерева, а спину папаши.

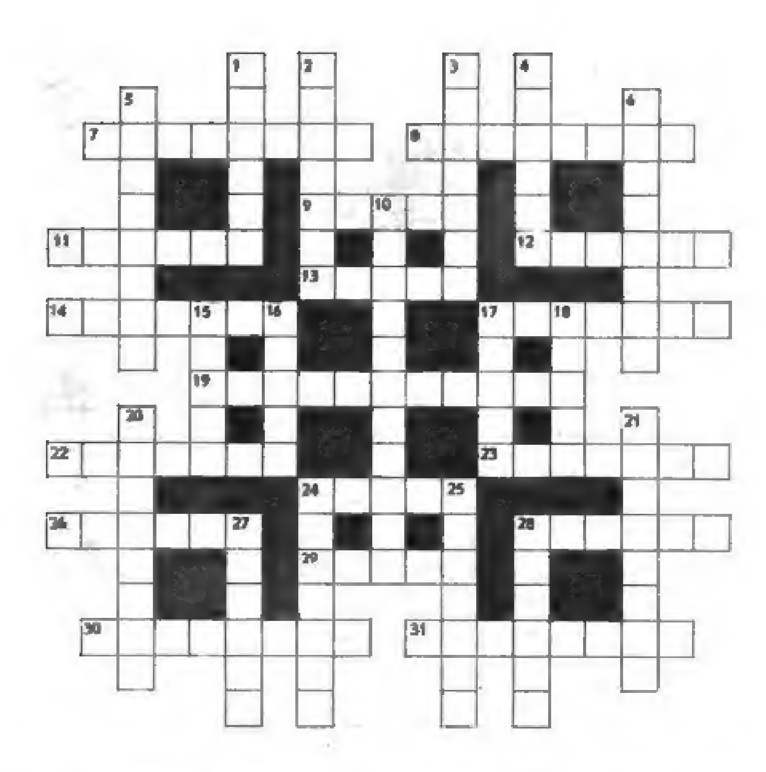
ЛУЧШИЙ ДРОВОСЕК

На состоявшемся состязании на звание лучшего дровосека Франции победителем оказалась женщина — Элен Пелегрини из города Тизн. По числу сваленных деревьев она оставила далеко позади многих искусных дровосеков-мужчин.

ТРЕТИЙ ПАССАЖИР

Овчарка Карл — верный помощник полиции английского города Ноттингема. На счету собаки 25 задержанных опасных преступников. Обычно на операцию Карл едет на мотоцикле в качестве третьего пассажира.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Горный хребет в Киргизии. 8. Шест для подъема флага. 9. Контрольный листок. 11. Драгоценный камень. 12. Актер, заменяющий основного исполнителя роли. 13. Промысловая рыба. 14. Газ. 17. Хищное животное. 19. Русский писатель. 22. Платок. 23. Научное сочинение. 24. Плод пальмы. 26. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 28. Крепость в старинных городах. 29. Часть речной долины. 30. Разноцветные бумажные кружочки. 31. Озеро в Канаде.

По вертикали:

1. Футбольная команда. 2. Корабельный трос. 3. Комнатная собака. 4. Столица Ирака. 5. Костюм космонавта. 6. Скульптурное изображение. 10. Математик XIX века. 15. Автор песни «Смело, товарищи, в ногу». 16. Приток Днепра. 17. Модель. 18. Народная песня румын. 20. Порт Парагвая. 21. Столярный инструмент. 24. Командир судна. 25. Устройство для запуска двигателей. 27. Облицовочная плитка. 28. Кухня на корабле.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали:

4. Вахтангов. 7. Штифт. 8. Кобра. 11. Сера. 12. Ротонда. 13. Грим. 16. Ярмарка. 18. Брасс. 21. Еврипид. 25. Рассада. 26. «Школьник». 27. Бобруйск. 28. «Апостол». 31. Шеридан. 32. Маска. 34. Идиллия. 37. «Баня». 39. Отметка. 40. Плюш. 41. Мезон. 42. Архив. 43. Пантомима.

По вертикали:

1. Фанфара. 2. Парабола. 3. Водопад. 5. Утка. 6. Бриг. 9. Бекар. 10. Визир. 14. Трускавец. 15. Философия. 17. Комната. 19. Рессора. 20. «Спартак». 22. Верблюд. 23. Аркан. 24. Рабле. 29. Тираж. 30. Аллюр. 33. Светофор. 35. Потомак. 36. Бахрома. 38. Япет. 40. Приз.

На первой странице обложки: в Институте высокомолекулярных соединений. Лаборант Ирина Хуторскова проводит очередной опыт (см. в номере очерк «Архитекторы молекул»).

Фото Н. Ананьева и Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00684. Подписано к печати 3/VI 1964 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 078 000. Изд. № 946. Заказ № 1535.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПУТЕШЕСТ

В детстве мир представляется нам совсем иным. Кажется, что и трава была гуще, и солнце ярче, и дожди сильнее. И каждая самая будничная вещь была тогда страшно интересной. Желтый песок во дворе или сквере — пустыня, через которую шагают отважные геологи. Бумажный кораблик в весеннем ручье — кругосветное путешествие.

Детские игры никогда не обходятся без романтики, дальних странствий. Теперь у ребят прибавилась еще одна игра — в космонавтов, в путешествия на другие планеты. Даже пятилетние малыши хотят, чтобы им купили в магазине не оловянного солдатика, а космонавта в гермошлеме. И книги с картинками они хотят смотреть тоже про космонавтов.

Вот такую книгу сделал для малышей художник Вадим Гортинский. Он автор и текста и интересных иллюстраций.

Герои книги — маленькие пластмассовые космонавты, которых вы можете купить вашему сыну или дочке в любом магазине игрушек. Посмотрите, какие забавные приключения переживают они на Марсе!

Любопытна история создания книги.

Года два назад Вадим Гортинский задумал веселые рассказы в рисунках о путешествии космонавтов на Луну. Он сделал наброски, разработал сценарий. Казалось, работа идет хорошо, но что-то не удовлетворяло художника. Он не мог найти того единственного героя, в которого сразу бы поверили малыши.

И вот однажды где-то в сквере он увидел, как ребята увлеченно играли с пластмассовым космонавтом. Произошла встреча художника с его героем — игрушкой, которую уже полюбили малыши.

И тогда Гортинский отложил карандаш и взял впервые в жизни в руки фотоаппарат. Почему? Да потому что найденный реальный герой требовал такого же достоверного окружения. Нарисованный на бумаге, он терял свою прелесть. Одно дело рисунки о Луне, а вот похождения героев на Луне, запечатленные на фотопленке,— это совсем другое дело! Этому можно верить сразу.

Так родилась у художника мысль сделать иллюстрации к книге фотографическими, умело сочетая рисунок, декорацию, натурные съемки. Надо сказать, что эта идея оказалась выполненной с большим вкусом.

Книга «Как мы на ракете летали» сразу понравилась малышам.

Сейчас В. Гортинский закончил вторую книгу — «Путешествие в мечту». Она скоро выйдет в издательстве «Малыш».

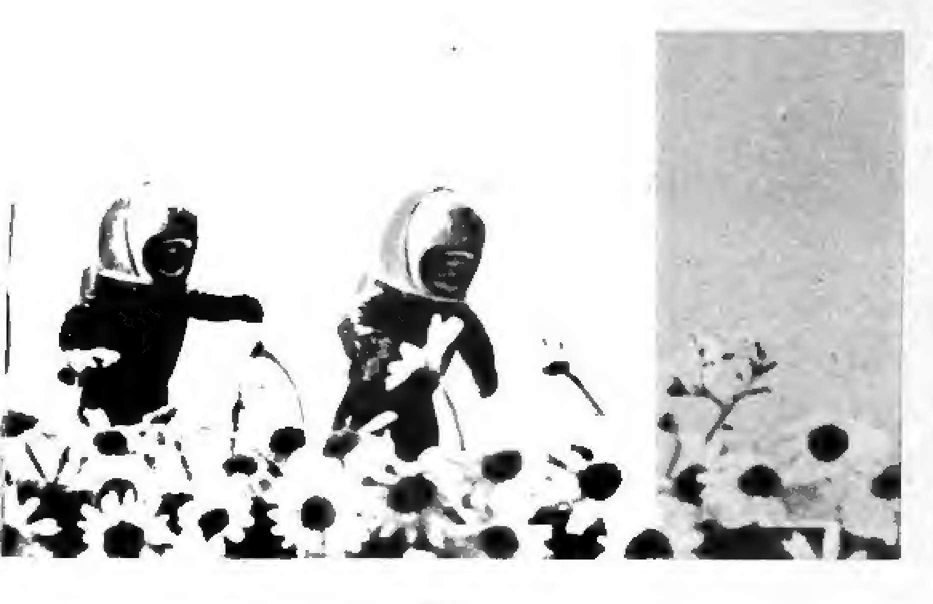
На этот раз автор не сомневался, кем будут его герои. Он писал о путешествии трех маленьких космонавтов. Они прилетели на Марс, исследовали планету, сражались с гигантскими насекомыми, открыли в пещере рисунки древних марсиан, поставили на далекой планете автоматическую станцию и вернулись домой, на родную Землю. И тут, на ромашковом лугу, их встретил автор, взял за руки и повел знакомить с маленькими читателями.

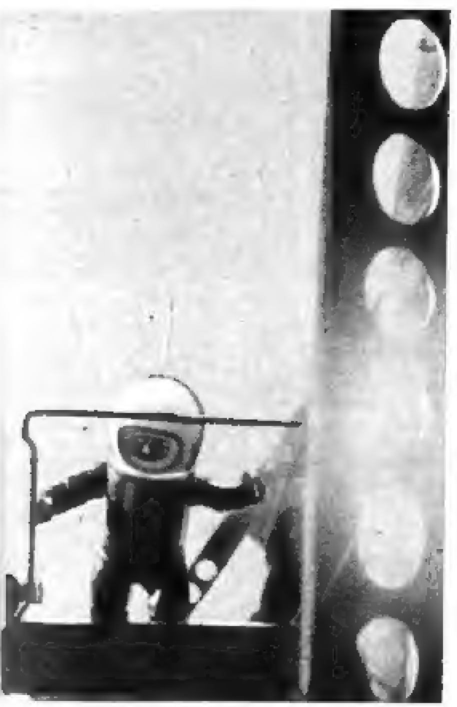
Интересно, как Гортинский делал некоторые фотоиллюстрации. На 4-й обложке этого номера журнала вы видите картинку, как космонавт ведет наблюдения в телескоп. Не заметили ли вы в конструкции телескопа знакомых вам предметов? Ну, конечно, подставка — это не что иное, как бигуди, на которые женщины закручивают волосы! А сам телескоп — это просто гильза.

Теперь присмотритесь внимательно к следующему рисунку — ракета взлетает в голубое небо. Если не вы сами, то ваш сынишка наверняка узнает ракету. Это та самая пластмассовая игрушка, которую вы недавно ему подарили. Только тут перед ракетой акварельный рисунок взрыва.

А вот и секрет съемки следующего кадра. Такой же люк, из которого поднялись космонавты, легко сделать из консервной банки. Гайки, кото-

рые видны в люке,— это крышки от тюбиков зубной пасты. А огромная, таинственно мерцающая Луна, нависшая над космонавтами, действительно документальная фотография Луны.

Автору хотелось, чтобы его маленький читатель не только поверил в реальность событий, но и после того, как захлопнул последнюю страницу книги, сам продолжил путешествие, продолжил увлекательную игру, которую предложил ему автор.

Книга «Путешествие в мечту» будит фантазию малыша, рождает упрямое желание увидеть и узнать огромный, неизвестный, полный чудес мир. И в этом главное достоинство книг Вадима Гортинского.

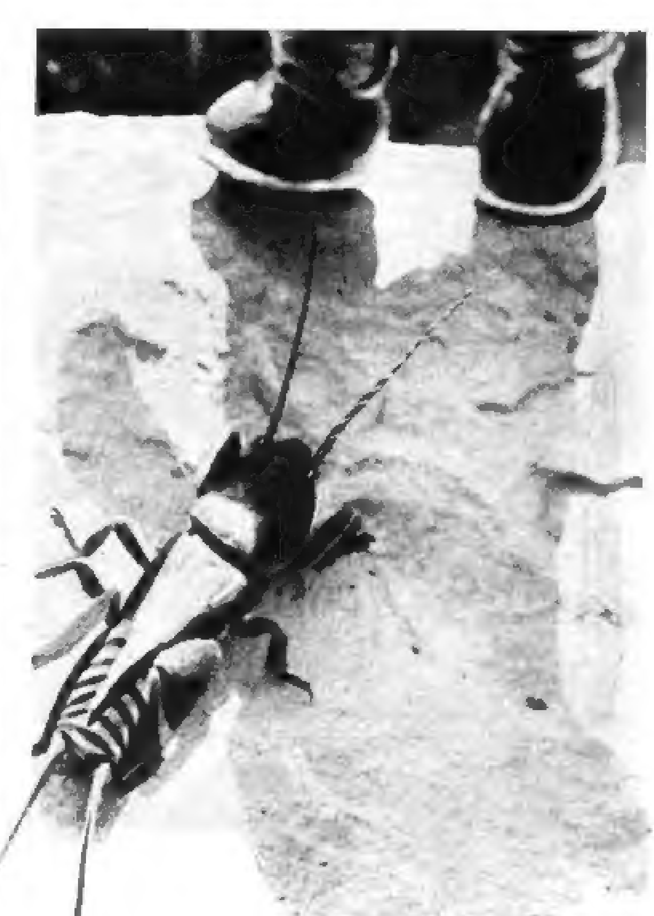
В. ВАСИЛЬЕВА

ВИЕ В МЕЧТУ »

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

ПУТЕШЕСТВИЕ В МЕЧТУ

